

Вадим Гурангов, Владимир Долохов.
Курс начинающего волшебника.
Учебник везения.

Книга знакомит с основами игрового эзотерического психотренинга Симорон. Это оригинальная отечественная чисто **практическая** система, отвечающая на вопрос: **“что и как делать?”**, когда возникают жизненные проблемы. В системе разработаны **простые и эффективные** методы изменения обстоятельств жизни, **доступные любому человеку**. Эти методы **универсальны**, то есть одни и те же средства применимы и к болезням, и к страхам, и к эмоциональным проблемам, и к неуверенности, и к денежным проблемам и т. д. Юмористический настрой позволяет **весело** расставаться с проблемами.

В книге приведено множество реальных историй из практики волшебников. Эти рассказы побуждают самостоятельно взяться за преобразование своей жизни и делают обучение **практическому волшебству** простым и увлекательным.

Книга адресована широкому кругу читателей, которые хотят жить полноценной радостной жизнью в гармонии с окружающим миром и собой. Книга также рассчитана на интересующихся психологией, магией, эзотерикой и тех, кто стремится к самосовершенствованию.

Оглавление

Предисловие.	6
Благодарности.	7
Некоторые теоретические аспекты системы Симорон.	8
Состояние парения.	8
Права на жизнь.	9
Матрешки. Что такое Симорон?	10
Восстановление прав.	12
Иллюзорность мира. Симорон — театр абсурда.	13
Основная метафора системы Симорон.	14
Выводы из модели планетария.	15
Симоронские принципы работы с сигналами.	16
Стадии сигнализации.	19
Работа с дальними сигналами. ПВБ.	22
Техника благодарения.	23
О результатах симоронских акций. Сплэн.	28
Третий экран.	29
Техники переименования.	30
Переименование с поиском корня.	33
Переименование актуального сигнала.	35
Переименование с поиском симоронского следа.	36
Переименование через трэк.	38
Еще одно применение ПВБ.	40
Симоронские истории.	41
Глава 1. Истории о любви, симоронская семейная терапия.	41
Снятие венца безбрачия.	41
Неверный муж.	44
Возвращенная любовь.	45
Мамин ремонт.	46
Так с беременными не поступают!	48
Новогодний танец, или “как стать шаманом”.	50
Метаморфозы.	51
Дубленка для жены.	52
Вызов врача.	53
Долой контрольную по английскому!	53
Синий чемоданчик и Карлсон.	54
Глава 2. Истории о материальных успехах.	54
Квартира и дача.	54
Немного о пользе борща.	57

Перемещения в пространстве.....	58
Жертвам финансовых пирамид.....	60
Велосипед для Федора, или дело о неуплате алиментов.....	62
Прибавка к зарплате.....	62
Глава 3. Повесть о маленьком Будде.....	63
Пророческий сон.....	64
Путешествие по Венеции.....	65
Не забудьте выключить телевизор.....	66
Зубастая щука.....	66
Будда, парящий в смокинге.....	67
Вышитый слон и снеговые сандалии.....	67
Примирение в царстве животных.....	69
Лодка и флотилии.....	70
Белых яблонь дым.....	70
Как Шурик подружился с Петрухой.....	71
Санаторий “Симорон”.....	72
Долой эксплуатацию трудящихся!.....	72
Эпилог.....	73
Глава 4. Исцеления по-симоронски.....	74
Целительство.....	74
Оборотень.....	77
Загадка для эскулапов.....	81
Златовласая куколка.....	82
Долгожданный малыш.....	83
Исцеляющая рогатка.....	84
Как излечиться от гриппа за один день.....	85
Снимаю желудочный спазм.....	85
Глава 5. Симоронцы на отдыхе.....	86
Отпуск в Крыму.....	86
Поход за грибами.....	90
Тучи над Питером.....	91
Глава 6. Из мира фауны.....	92
О насекомых.....	92
Рябиновские любители свеколки.....	93
Глава 7. Симоронцы и бюрократы.....	94
Малиновый пиджак.....	94
С грозной стражей подружиться.....	96
Торжественный парад.....	98
Глава 8. Карета подана!.....	98
Экспресс для запоздалых пассажиров.....	98

<u>Заблудившийся в Люберцах.</u>	<u>99</u>
<u>Вези меня, извозчик!.....</u>	<u>100</u>
<u>Подожди меня, Родной!.....</u>	<u>101</u>
<u>Билеты в “Олимпийский”.....</u>	<u>101</u>
<u>Глава 9. Разное.....</u>	<u>102</u>
<u>Тренинги в Урюпинске.....</u>	<u>102</u>
<u>Жадность.....</u>	<u>105</u>
<u>Волшебное преобразование.....</u>	<u>106</u>
<u>Заключение.....</u>	<u>107</u>
<u>Послесловие.....</u>	<u>108</u>
<u>Литература.....</u>	<u>109</u>

Предисловие.

Незнайка подозрительно посмотрел на старичка:

— Вы, может быть, скажете еще, что вы волшебник и есть?

— Да, я волшебник и есть.

Н. Носов. Незнайка в Солнечном Городе

Когда мы приступали к написанию предисловия, то обратились к своему опыту приобретения книг. Первым делом обращается внимание на название книги. Если название привлекло, то дальше читаются аннотация и оглавление. Затем книга открывается два-три раза на произвольном месте где-то в середине. Если попавшиеся отрывки вызывают интерес, и нет явных противоречий с мировоззрением авторов, то книга покупается. Предисловия обычно бегло просматриваются по диагонали уже дома, или в транспорте по дороге домой. Мы рекомендуем при покупке этой книги воспользоваться приведенной стратегией.

Данное предисловие посвящается тем, кто читает предисловия. Если что и читать в этой книге, то послесловие (оно-то уж точно никогда не читается)!

Маленький Никита с трепетом в душе поглядывал на часы. До Нового года оставалось меньше часа. Никита играл на полу, а мысли его были далеко. Он представлял себе Деда Мороза с большим мешком подарков, в котором находилась заветная игровая приставка «Dendy» с картриджами. Червячок сомнения слегка омрачал радужную картину: «А вдруг Дед Мороз перепутает подарки?» Но Никита успокаивал себя тем, что в прошлом году Дед Мороз не промахнулся и подарил долгожданного робота-трансформера. Незаметно мечты о подарке плавно перетекли в сон. А когда утром Никита проснулся, то, сгорая от любопытства, стремглав бросился под елку...

Знакомо, не правда ли? В каждом человеке, сознает он это или нет, живет вера в чудо. Особенно сильно ожидание чуда в детстве. Ребенок живет в сказке. Он играет и общается со сказочными персонажами: Карлсоном, Чебурашкой, Бабой-Ягой... Он искренне верит в волшебников, и сам является одним из них. С возрастом мир становится предсказуемым, и в нем не остается места для чудес. Но в глубине души каждого человека теплятся детские воспоминания, которые иногда поднимаются на поверхность.

Мы тоже с годами перестали верить в чудеса. Но вот — встретили Петра Терентьевича Бурлана, автора системы Симорон, и чудеса снова вошли в нашу жизнь и происходят каждый день. В течение нескольких лет мы участвовали в семинарах Бурлана, активно применяли его методы и, написав эту книгу, решили поделиться приобретенными навыками с обширными слоями общественности: домашними хозяйками, сетевиками, студентами, учениками старших классов средней школы, работниками общепита, учеными, бизнесменами, политиками, творческой интеллигенцией, пролетариатом, фермерами и колхозниками, хиппи и бомжами.

После опубликования в 1998 году первого издания данной книги наши пути с Бурланом разошлись. По мере проведения тренингов у нас накопился уникальный опыт, сформировалась своя волшебная картина мира. Не раз новые идеи и техники рождались прямо во время семинаров, благодаря творческому настрою участников. Неоценимое значение имеют многочисленные письма или устные рассказы участников тренингов и читателей книг, показавшие высокую эффективность предлагаемых методов и являющиеся постоянным источником вдохновения для нас. Спасибо всем, кто поделился и еще поделится своими историями.

Таким образом, в основе наших тренингов лежит бесценный опыт большого количества людей, живущих на необъятных просторах от Прибалтики до Дальнего Востока. Тренинги заряжены жаром сердец и талантом тех, кто живет в интересных, непредсказуемых и неподвластных законам логики вселенных.

Не следует думать, что новые техники упраздняют старые. По нашему мнению, техники, предлагаемые в данной книге, работали, работают и будут работать, т.е. техники (не только симоронские) не устаревают. Можно «проглатывать» техники одну за другой (или метаться из одной эзотерической школы в другую), а можно попытаться стать МАСТЕРОМ в применении какой-то одной техники, и тогда надобность в других техниках отпадет. Дело вообще не в техниках, а в **намерении** «изменить жизнь к лучшему». Кто **пробует** стать волшебником, тот им и **становится**!

Рекомендуем начать чтение с симоронских историй, а затем, по мере необходимости, знакомиться с теоретическими основами.

Благодарности.

Мы благодарим Петра Терентьевича Бурлана за создание системы Симорон, за вдохновенные семинары, а также за предоставленные материалы. С любезного разрешения Бурлана мы воспользовались стенограммами его семинаров. Из этих материалов и состоит большая часть «теоретических основ» данной книги.

Мы признательны всем тем, кто сообщил чудесные истории. Поименное перечисление заняло бы много места, но мы хотели бы отметить симоронистов, передавших законченные рассказы в письменном виде или на аудиокассете: Женю Листова, Сашу Кожина, Нину Смирнову, Лену Макарову, Лену и Маргариту, Наташу, Свету, Лену Михайлову, Татьяну, Олю Агешину, Гену Овчинникова, Катю, Аллу Ильющенкову.

Хочется поблагодарить всех участников московских семинаров Бурлана, в особенности тех, кто после семинаров продолжал освоение симоронских техник на занятиях московской группы. Отдельную благодарность выражаем Андрею Ушакову, «занесшему» Симорон на слеты «Радуга», где один из нас познакомился с этой системой, а также Тане Князевой и Гене Овчинникову, усилия которых подвигли нас на овладение новейшими симоронскими технологиями.

Огромный вклад внесла в развитие Симорона в Москве Нина Смирнова, привлекая на симоронские тренинги добрую половину участников московских семинаров.

Благодарим УВК «Феникс» и его директора Юрия Ивановича Россихина за предоставление прекрасного актового зала для занятий по Симорону и проведению Танцев Всеобщего Мира.

Мы благодарны Жозефине, обратившей наше внимание на множество ошибок и неточностей рукописи. После этого Нина, Жанна и Александра прочитали рукопись и внесли много полезных изменений. Наконец, грандиозную работу провела Люсия, скрупулезно вычитавшая рукопись. Ее озабоченность интересами потенциального читателя способствовала значительному упрощению текста и прояснению многих «темных» мест. О таком редакторе мы и не мечтали. Приносим им всем нашу искреннюю признательность.

Хочется особенно поблагодарить фирму «МТР» и издательство «ЭКМОС», выпустивших первое издание «Курса начинающего волшебника» на чрезвычайно льготных условиях.

Максим Ураев оперативно проделывает большую работу, являясь администратором нашей странички в Интернет.

Отдельное спасибо: Н. А. Морозову (народнику), М. М. Постникову, Евгению Щепину, Юрию Муранову, Наде Жавко, Саше Федорову, Андрею Худиярову, Николаю Курилкину, Славе Табаченко, Василию Ивановичу Чапаеву, Виктору Пелевину и барону Юнгерну, старику Хоттабычу, донам Хенаро, Хуану и Карлосу, речке Яхроме, слетам «Радуга», Васудэве и Большой Белой Насте, Танцам Всеобщего Мира и Самуэлю Льюису, Милтону Эриксону, Роджеру Желязны и Роберту Хайнлайну, бабуле Дундусе из села Нижние Варгуны, русским народным сказкам, гавайским шаманам, Дональду Шимодэ и Ричарду Баху, нашим женам: Ленуле и Люсии, Лао-Цзы, Кришнамурти, Pentium-133, Hewlett Packard Laser Jet 6L, Microsoft, Митинскому радиорынку, фильмам «Назад в будущее» и «Небывальщина», группе «Enigma».

Некоторые теоретические аспекты системы Симорон.

*Внутри и вне, вверху, внизу, вокруг –
Театр теней, нет ничего другого;
Волшебный Ящик, Солнце — в нем свеча,
А мы лишь призраки бесплотные на
стенках.*

О. Хайям. Рубаи

Представьте себе непроветренную комнату, в которой набилось ужасно много народу. И все они сидят на разных уродливых табуретах, на расшатанных стульях, каких-то узлах и вообще на чем попало. А те, кто попроворней, норовят сесть на два стула сразу или согнать кого-нибудь с места, чтобы занять его самому. Таков мир, в котором вы живете. И одновременно у каждого из этих людей есть свой собственный трон, огромный, сверкающий, возвышающийся над всем этим миром и над всеми другими мирами тоже. Трон поистине царский — нет ничего, что было бы не во власти того, кто на него взойдет. И, самое главное, трон абсолютно легитимный — он принадлежит любому человеку по праву. Но взойти на него почти невозможно. Потому что он стоит в месте, которого нет... Он находится нигде.

В. Пелевин. Чапаев и Пустота

Состояние парения.

*И вдруг его осенило.
— Слушай, — закричал он, — да ведь
это и есть полет! Мы летали!
Затворник кивнул головой.
— Я уже понял, — сказал он. — Истина
настолько проста, что за нее даже обидно.*

В. Пелевин. Затворник и Шестипалый

Видели вы, как парит птица? Распластав крылья, скользит она в пространстве, ничего не преодолевая, — слившись со стихией, сама став стихией. Она не тратит сил и может бесконечно долго перемещаться в синем небе.

Состояние парения является одним из базовых понятий в системе Симорон. В этом состоянии стремятся жить симоронисты. Если я “парю”, могут ли в такие минуты возникать проблемы, требующие моего внимания? Все решения обретаются сразу, без усилий. Трасса парения — это зеленая улица успеха, где передо мной открываются все двери, безостановочное движение навстречу жизненным удачам. Возникает гармоничное согласие с собой и миром, естественное, всеобъемлющее понимание, которого не достигнешь годами подвижничества.

Описать в книге состояние парения довольно сложно, поскольку для каждого это — субъективные внутренние переживания. Когда я — в парении, мне и в голову не придет как-то называть, определять испытываемые ощущения. Жизненные обстоятельства, при которых один человек оказался в состоянии парения, для другого могут ничего не значить. Выразить состояние парения можно лишь метафорически, как в следующем коротком рассказе.

Когда-то в детстве я учился ездить на двухколесном велосипеде “Ветерок”. Я никак не мог удержать равновесие. Проехав пару метров, велосипед, будто заколдованный, в очередной раз заваливался на бок, и я летел на асфальт, получая синяки и ссадины.

И вот однажды мне удалось “поймать” положение равновесия, и я, отчаянно вилля рулем, поехал! Постепенно я выровнял велосипед и почувствовал, что темно-синий “мустанг” слушается меня. Я слился с ним в единое целое и, почти не тратя усилий, чтобы крутить педали, катился вперед. Мир вокруг меня: и серый асфальт тротуара, и длинные тени от заходящего солнца, и кусты сирени, и старая дуплистая груша, и щебет птиц, и ласковый летний ветерок — все это обрело какое-то иное, неуловимое, необъяснимое словами значение. В этом новом мире исполнялись желания, и каждый следующий миг был неповторимым и поглощал меня целиком.

Каждый человек много раз в жизни испытывал состояние парения, когда научился ходить, плавать, танцевать, рисовать...

В состоянии парения человек становится творцом, его посещает вдохновение, и из любого его прикосновения к миру получаются совершенные произведения, будь то: картина, рецепт торта, мелодия, постройка дома, научное открытие... В сновидениях мы часто испытываем состояние парения, когда летаем, сочиняем стихи, находим потерянные вещи, решаем научные проблемы, ...

Мы надеемся, что теперь читатель получил представление о том, что мы вкладываем в понятие «парение», и может вспомнить моменты парения в своей жизни.

Чаще всего это состояние возникает спонтанно, независимо от нашего желания, и так же внезапно исчезает. Система Симорон — это попытка научиться переходу в состояние парения и пребыванию в нем.

Что происходит, если я парю, если я угоден природе, если она меня поддерживает? Ответ очевиден — организм не изнашивается, личность не изнашивается, останавливается процесс старения, останавливается процесс разрушения организма. И скажите, может ли после этого наступить смерть?! Логика подсказывает, что смерть является естественным исходом наших ошибок. Тогда мы видим человека, который заявляет:

— Все! Складывайте меня! Не справился я с задачей, госпожа Природа!

Это очередной игрок, которому Природа кричала:

— Стой, не лезь в бутылку, вернись в состояние парения!

— Нет, я полезу!

— Там же худо!

— Все равно полезу. Не мешайте мне свободно падать! Куда хочу, туда и лезу!

После чего его запаковывают в деревянный ящик, где удобнее хранить кирпичи или фрукты, и с надрывными звуками везут на кладбище, на переплавку.

Симоронист, который находится в состоянии парения как минимум отдаляет смерть, а в идеале — снимает ее. Он может выбрать другую посадочную площадку, когда ему надоест эта реальность. Причем неважно, сколько он успел наломать дров в своей жизни. Важно, что он в какой-то момент остановился, спохватился и вошел в состояние парения. Дальше остается лишь пребывать в этом состоянии, организм перестает стареть и разрушаться, и, более того, начинается процесс восстановления, омоложения.

Права на жизнь.

Вы доказали, что вы наилучшим образом готовы к существованию.

Дж. Грэхэм. Как стать родителем самому себе

В некотором царстве, в некотором государстве, жили-были король с королевой. И была у них единственная дочка Фрося неописуемой красоты. Долго думал король, как найти достойного жениха для принцессы. И однажды приснился ему сон: спрятана его дочь в темной пещере на далеком неизвестном острове Буяне. Сон этот оказался вещим — принцесса исчезла. И были

отправлены глашатаи во все уголки королевства и послы в далекие заморские страны, чтобы объявить королевский указ: “Кто отыщет принцессу, тот женится на ней и получит полцарства в придачу”. И откликнулись на этот указ двадцать семь миллионов претендентов. Были среди них королевичи и принцы, богатыри и воины, купцы и простые люди. На пути к острову Буяну смельчаков подстерегало много трудностей и опасностей, и чтобы достичь цели, нужно было проявить силу, упорство, бесстрашие. А самое главное, нужно было проявить непоколебимую веру в себя. Все эти качества выказал крестьянский сын Федор. Он искусно прошел все испытания, проник в укромную пещеру и заключил красавицу Фросю в объятия.

Мы рады сообщить читателю, что Федором-победителем являетесь именно вы. Примите наши поздравления! Именно вы однажды победили в этом состязании в один из важнейших моментов личного бытия — момент зачатия, когда одна-единственная материнская клетка (принцесса) слилась с одной из миллионов мужских (Федор). Все остальные претенденты ушли в небытие.

Как вы думаете, природа столь нерациональна, неразумна, что просто случайно выбрала из множества отцовских клеток какую-то одну, чтобы дать вам право на жизнь? Скорее всего, этот отбор произошел не случайно, и из отцовских клеточек была отобрана как раз та, которой в соединении с материнской было поручено выполнить особое задание госпожи Природы.

И если природа поступает таким образом, то, давая нам права на жизнь, она дает нам какие-то обязанности. Нам поручается сыграть в жизни определенную роль, выполнить задание сложнее, чем Штирлицу. Каждый из нас от рождения получает права на качественное выполнение этого задания: права на благополучие, права на творчество. Но почему-то эти права утрачиваются чуть ли не со дня рождения: мы болеем, начинаются неурядицы, тревоги, страхи, проблемы, горести. Не успев стать на две ножки, человечек обрастает проблемами, которые мало чем отличаются от проблем его будущего взрослого бытия.

Где, когда, почему, в какой момент мы потеряли права на жизнь, полученные в момент слияния двух клеточек?

Матрешки. Что такое Симорон?

Приходит Чапаев к Анке, а она голая сидит... Он ее спрашивает: “Ты почему голая, Анка?” — А она отвечает: “У меня платьев нет”. Он тогда шкаф открывает и говорит: “Как нет? Раз платье. Два платье. Привет, Петька. Три платье”...

Чапаев стал объяснять Анне, что личность человека похожа на набор платьев, которые по очереди вынимаются из шкафа, и чем менее реален человек на самом деле, тем больше платьев в этом шкафу... Она пыталась доказать, что все может обстоять так в принципе, но к ней это не относится, потому что она всегда остается собой и не носит никаких масок. Но на все, что она говорила, Чапаев отвечал: “Раз платье. Два платье”... Потом Анна спросила, кто в таком случае надевает эти платья, и Чапаев ответил, что никого, кто их надевает, не существует. И тут Анна поняла. Она замолчала на несколько секунд, потом кивнула, подняла на него глаза, а Чапаев улыбнулся и сказал: “Привет, Анна!”

В. Пелевин. Чапаев и Пустота

Попробуем понять, где и когда мы теряем права на жизнь, на счастье, на благополучие, где и как мы обрастаем проблемами. Сейчас мы пишем эти строки, сидя в комнате. Она ограничена стенами, потолком, полом, окнами, дверьми. Мы чувствуем себя достаточно комфортно, мы

защищены от возможных неурядиц. За окном сильный ветер и дождь со снегом, а в комнате тепло, сухо, светло. А за пределами этого помещения существуют какие-то границы, защищающие нас? Конечно, это район, в котором мы находимся. Если бы рядом раздавался грохот строительства, нам бы это мешало.

Город — это следующая черта, полоса границ, которыми мы окружены. За пределами города есть другие границы — область, государство. Если бы в Новой Лемурзии образовалась партия, которая задумала завоевать Россию, наши пограничники достойно встретили бы этих всадников на бегемотах с пиками и мечами и дали бы им отпор.

Границы земного шара тоже защищают нас. За пределами этой территории есть наша родная обжитая Солнечная система. Она находится внутри нашей Галактики, внутри нашего звездного острова. Следующая граница — Вселенная, Космос. А что дальше? А ничего. Если мы дошли до края, предположительного края, то бесконечную Вселенную очертили границами. Все! Мы нарисовали все границы бытия, которые нас окружают.

Наш опыт подтверждает, что мы всегда окружены пространственными границами.

Рассмотрим время. Есть хоть кто-нибудь, кто ни разу в жизни не регламентировал, не рассчитывал время? Конечно, нет. В разных местах нашего земного шара время не совпадает. По-разному идет оно под землей и в Космосе, ночью и днем для каждого человека! Но в любом случае внутри нас работают часы.

И в пространстве, и во времени мы постоянно ставим границы, чтобы не было неприятностей, чтобы почувствовать себя определенно, уверенно. Если на дверях крепкие замки — мы спокойны. Если завтра начнут выплачивать компенсацию за моральный ущерб, нанесенный перестройкой, я приду в сберкассах вовремя. Одна мысль о компенсации добавляет мне уверенности в будущем.

Выясним, насколько нас оберегают границы. Вернемся к помещению, в котором мы пишем книгу. Пока мы здесь сидим, мальчишки могут избрать наше окно мишенью для стрельбы из рогатки. Значит, это помещение нас охраняет недостаточно. А район, город, Россия так ли уж защищены? Вспомним 1941 год. Страна расположена на континенте. Если верить преданиям, Атлантида была надежно устроена на континенте, но нет ее, уже многие века нет...

Перейдем к временным границам. Баба Дуся увлеклась телесериалом и, в результате, оказалась в конце очереди за компенсацией. Деньги выплатили только первой десятке, а бабу Дусю увезли на “скорой помощи”.

Следовательно, ни пространственные, ни временные границы нас не охраняют. Очевидно, что любая граница, которую мы ставим, не является надежным укрытием от катастроф, катаклизмов, неприятностей.

Когда мы привыкаем к установившемуся режиму, он защищает нас временно, а стало быть, не защищает в принципе. Мы идем в лес по грибы, а попадается ядовитый гриб; мы выходим в солнечную погоду, а промокаем под ливнем. Как можно жить в этом мире, люди добрые? Невероятно! Если мы подумаем, где находимся и чем пытаемся себя защитить, то нужно прямо сейчас всем хакири сделать! Никакие границы нас не защищают.

Пространственные границы — мои личные вещи, моя комната, мой дом, моя улица, моя страна, моя планета, моя солнечная система, моя галактика. Временные границы — мой рабочий день, мой месяц отдыха, мой учебный год, моя юность, моя зрелость, моя жизнь. Еще есть внутренние границы — мои планы, мои идеи, мои переживания, мои мечты, мои привычки, мои страхи, мои болезни, мое здоровье. Все это границы, отличающие меня от других людей. А где же нахожусь Я?

В мозгу, в душе, в центре вселенной, в физическом теле, внутри своего сознания? Любое слово выделяет, отграничивает какой-то объект. И если я называю что-то, то тем самым, ставлю границу между этим объектом и тем, что этим объектом не является.

Вспомним нашего друга, товарища и брата Коцея Бессмертного. Куда он спрятал свою жизнь? В иглу, иглу в яйцо, яйцо в утку, утку в зайца, зайца в сундук, сундук подвешен на дереве, дерево находится на острове в море-океане. Он окружил собственное Я такими границами, что, казалось, достичь его было невозможно. Но именно потому, что к любой границе есть ключик, известные персонажи добрались до его жизни.

Что останется, если убрать все границы? Представим, что мы раскрываем все оболочки как матрешки, и доходим до последней. Что внутри нее? *Пустота*. Но эта пустота является основой всей жизни. Оболочки, в которые мы себя одели, случайны, эфемерны и взаимозаменяемы. Но то,

что находится внутри, — нетленно и неприкосновенно. Все мои внешние и внутренние обозначения — это только упаковки моего вечного, глубинного, беспредельного Я.

Подытожить приведенные рассуждения можно классическим высказыванием.

Есть нечто бесформенное, прежде неба и земли существующее, беззвучное, бескачественное, ни от чего независящее, неизменное, всепроникающее, неизбывное. Его можно назвать матерью всего, что существует под небом. Истинного имени его мы не знаем.

Это определение Лао-Цзы достаточно убедительно, хотя оно и состоит из слов. Мы не можем назвать то, что неназываемо. Мы не можем употребить ни одно понятие, ни одно определение, не поставив тем самым очередную границу.

Упаковки, оболочки легко обнаруживаются, а то, что находится внутри, выскальзывает как мыло. Нельзя познать то, что непознаваемо. Возможный выход — отделаться безобидной шуткой.

Поэтому назовем это **СИМОРОН**. Безобидно. И ничего не значит, ничего не определяет. Вы можете назвать его Петя Рыбкин, или матрос Васькин, или Моськин кот, зная прекрасно, что все это ярлыки, за которыми не стоит ничего. Ибо мои внешние и внутренние обозначения — это границы, это оболочки, это упаковки того Симорона, о котором мы сейчас говорили. В дальнейшем мы иногда будем называть Симорон — Степанычем, подчеркивая наш шуточный, игровой подход. Ну как можно поклоняться какому-то Степанычу?!

Восстановление прав.

Чтобы оказаться в нигде и взойти на этот трон бесконечной свободы и счастья, достаточно убрать то единственное пространство, которое еще остается, то есть то, где вы видите меня и себя самого. Что и пытаются сделать мои подопечные. Но шансов у них мало, и через какое-то время им приходится повторять унылый круг существования. Так почему бы вам не оказаться в “нигде” при жизни... Вы, наверно, любите метафоры — так вот, это то же самое, что взять и выписаться из дома умалишенных.

Барон Юнгерн, Командующий Особым Полком
Тибетских Казаков

— Ничего не поделаешь, — возразил Кот. — Все мы здесь не в своем уме — и ты, и я!

— Откуда вы знаете, что я не в своем уме? — спросила Алиса.

— Конечно, не в своем, — ответил Кот. — Иначе как бы ты здесь оказалась?

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес

Теперь мы можем ответить на вопрос об утере природных прав. Они теряются в самозащите, в утверждении своих оболочек, начиная от самой дальней и заканчивая самой ближней. Как только я говорю, что это — мое, а то — чужое, немедленно возникает оболочка. Закрывается глубинное Я, которому и принадлежит все. Отсюда напрашивается простой вывод — **для восстановления своих прав достаточно освободиться от системы упаковок.**

Упаковки, оболочки, любые законы, любые правила, все придуманное человеком — это просто попытка обозначить границы. И они работают в пределах тех игр, которые я признаю действующими. Но за пределами этих игр они не работают. И тогда появляется Ньютон, устанавливающий законы. Затем Эйнштейн развивает идеи Ньютона, а вслед за Эйнштейном кто-

нибудь уточнит идеи гениального Альберта. И так границы раздвигаются все время, и этот процесс бесконечен.

[Академия Знакомств [Soblaznenie.Ru] - это практические тренинги знакомства и соблазнения в реальных условиях - от первого взгляда до гармоничных отношений. Это спецоборудование для поднятия уверенности, инструктажа и коррекции в "горячем режиме". Это индивидуальный подход и работа до положительного результата!]

Разбив клювом запор дверцы, птица вылетела из клетки, думая, что освободилась. Она не видит, что находится вместе с прежней клеткой в клетке большего размера, а та в следующей клетке, и так до бесконечности. Аналогично мы, постигая те или иные законы, натываемся на очередную дверцу, которую надо открыть. Смысл нашего освобождения не в том, чтобы открывать дверцы, а в том, чтобы заглянуть туда, где создаются все дверцы и все клетки. Тогда и дверцами заниматься не надо будет, тогда окажется, что мы изначально свободны, но не умеем этой свободой пользоваться. Если мы заглянем в себя, то найдем там Симорон, найдем могущественную искорку творения, которая создала нас и все остальное.

Я добрался до середины, до своего истинного Я (Симорона), одного Я на всех. Это Я неизмеримо глубже, чем то, что мы называем *личностью*, которая состоит из физического тела, ощущений, эмоций, мыслей, прошлого опыта. Это Я разлито по личностям, сосудам, упаковкам. Каждый объект в мире — тот же Симорон, запечатанный в другие сосуды, в другие матрешки.

Есть одна притча. Слепые наткнулись на слона. Один взялся за хобот и решил, что это змея, другой прислонился к боку и подумал, что это стена, третий прислонился к ноге и принял ее за колонну. Каждый из них отстаивал собственную позицию. Предположим, что каждый отстаивал бы ее до конца и собрал бы единомышленников. Образовались бы государство хоботистов, нация ножистов. Они пошли бы друг на друга войной. Как в путешествии Гулливера лилипуты воевали с соседями по поводу того, что одни разбивали яйцо с острого конца, а другие — с тупого. Все наши сражения похожи на эти битвы, и в подобных схватках мы теряем всю жизнь. Когда я отстаиваю свои принципы, я сражаюсь с собой.

Если я вижу сражение упаковок и всерьез сочувствую одной из них, то становлюсь соучастником этой баталии и утрачиваю связь с Симороном. Так я теряю природные права в бессмысленном укреплении своих границ. Упаковки условны и действуют только в режиме моей поддержки. Стоит мне лишиться их этой поддержки, т. е. перестать подпитывать их своими мыслями, желаниями, и они тут же слетают с меня, как шелуха.

Иллюзорность мира. Симорон — театр абсурда.

*Реальность воображаема, а
воображаемое — реально!*

В. Соло. Начало магии

*Мир, где мы живем, — просто
коллективная визуализация, делать
которую нас обучают с рождения.
Собственно говоря, это то единственное,
что одно поколение передает другому.*

В. Пелевин. Чапаев и Пустота

Мы выяснили, что Симорон запрятан в систему упаковок, которые имеют названия и составляют модель мира (ср. "описание мира" у К. Кастанеды). Эта модель мира есть иллюзия, которую личность воспринимает как реальность, оживляя ее своим воображением.

Приведем известную метафору из индийской философии. Возьмем светящуюся точку, маленький горящий уголек. Это — начало мира, это — Симорон. Она не имеет ни длины, ни толщины, ни глубины, ее нельзя взвесить. Посмотрим, что будет происходить, когда эта точка начинает расти. Как она может расти, если в мире есть одна эта точка и ничего больше? Единственным образом: она будет повторять саму себя. Прикладывая точку к самой себе, мы получим светящуюся линию, светящийся луч. Обратите внимание — он иллюзорен, он так же

неизмерим, как неизмерима породившая его точка. Начните раскручивать эту линию. Вы увидите светящийся круг. Он иллюзорен, он нереален, однако мы его видим. Из круга получается светящийся шар, объем, которого в реальности не существует, а существует только породившая его светящаяся точка. Если мы вытянем из этого шара лучики и будем вращать их, то получим то, в чем существуем, в чем живем — мы получим мир.

Он голографичен, иллюзорен. Почему мы этого не видим? Да потому, что сами как личности являемся голограммами. Голограмма голограмму видит издалека! Итак, мы имеем дело с многократным воспроизведением Симороном самого себя — основным принципом миростроительства.

Можно ли всерьез относиться к набору упаковок, матрешек? Система Симорон также является упаковкой или, лучше сказать, театром. Этот театр учитывает собственную иллюзорность. Поэтому он комедийный, *шутовской, театр абсурда*, в отличие от драматических театров, в которые так любит играть человечество. Основой симоронского искусства является *улыбка, чувство юмора*. Не принимать всерьез свою проблему — это способ выхода из нее. Если я улыбнусь, увидев себя в цепях, — цепи ослабнут, если буду продолжать улыбаться — они совсем спадут. Иногда хохот на симоронском семинаре можно услышать за несколько кварталов. Обучение на семинаре больше напоминает непринужденную *детскую игру* (в волшебников), чем привычный академический процесс.

Основная метафора системы Симорон.

*Я был вчера в огромном городе,
Где совершенно нет людей.
И в каждом доме вместо окон
Я видел только зеркала.
Когда я просто улыбался,
То улыбался мне весь город.
И если я кивал кому-то,
То все кивали мне в ответ.
Иногда казалось мне, что город жив,
И что вокруг миллион людей.
И вновь, и вновь не мог поверить я, что
я один,
И что вокруг лишь зеркала.*

А. Макаревич. Хрустальный город

Мы достаточно подготовили читателя, чтобы привести базовую метафору системы Симорон. Все симоронские приемы и техники предназначены для того, чтобы как можно глубже осознать эту метафору.

Представьте себе **планетарий**. В центре планетария находится шар с дырочками, внутри которого расположена яркая лампа. Когда лампу включают, из всех дырочек пробиваются лучики света, которые на темном куполе планетария превращаются в светящиеся точки, изображающие звездное небо. Мы имеем полиэкранную систему: внутри шара расположен источник света — **Симорон**; шар — как **первый экран** на пути этого света; купол планетария является **вторым экраном**. Источником является лампа. Выключите лампу — погаснет первый экран, исчезнет и второй. Включите лампу — оживут все экраны.

Симоронисты считают, что эта модель в точности соответствует процессу, в который мы вовлечены от рождения. Сила, выпустившая меня (или любой объект мироздания) в жизнь, находится не вне меня, а — внутри. Этот источник света и называется Симороном. Вокруг него — шар, в этом качестве выступает моя личность. Если я пропускаю излучение, которое меня выпустило в мир, дальше, то вне меня будет выписано мое продолжение. Этим продолжением является весь видимый, проявленный мир. Такой аналог звездного неба называется вторым экраном. Каждый человек, растение, животное, камень, каждый предмет видимого мира является моей проекцией, укрупненным продолжением меня самого. В тот момент, когда я бросаю взгляд на какой-то предмет, я выпускаю луч и выписываю вне себя свое продолжение, соответствующее дырочке, сквозь которую я выпустил этот луч. Дырочки разной формы, соответственно, и проекции разные.

Итак, включилась внутренняя лампа. Она начинает освещать, транслировать животворящее излучение. Вообразите, что в тот момент, когда вы родились на белый свет, вас поместили в барокамеру и вы ни с чем не познакомились. И до сего дня вы бы пребывали в абсолютной пустоте и полагали, что в мире существуете лишь вы, потому что другой информации у вас бы не было. Если вы сейчас закроете глаза, уши, ноздри, выключите накопленный личный опыт, то сможете почувствовать, что в мире присутствуете только вы, присутствует начало, выпустившее вас в жизнь — Симорон.

На пути излучения возникает первый экран — шар-личность, дальше которого лучи могут и не пройти. В шаре дырочки — это каналы жизненных устремлений личности, ее чаяний, замыслов, планов. Первый экран — это первый слой оболочек, в которые запакован Симорон: это я со всей психофизической начинкой, мое тело, инстинкты, ощущения, эмоции, мысли.

Вторым экраном будет то, что находится за пределами первого: внешняя среда, внешний по отношению к личности мир. Многообразные объекты второго экрана расположены однородными слоями, и таких слоев будет три.

Прежде всего, это — **личностное окружение**: мои вещи, предметы обихода, мой огород, домашние растения и животные, окружающие меня люди, родственники, друзья, те, с кем я в постоянном контакте. Я их узнаю, они узнают меня.

Далее располагается **окололичностное окружение** — все, что попадает в поле моего непосредственного восприятия, но не является моей собственностью. Это предметы, помещения, растения, животные, люди, временно оказавшиеся в поле моего зрения. Все, что временно примыкает к моему личностному окружению, а потом уходит из него, мы называем окололичностным окружением. Когда мы идем по улице, путешествуем, мы входим в контакт с окололичностным окружением. Оно более скоротечно, более кратковременно, чем личностное окружение.

Последний слой второго экрана — **дальнее окружение**. Это — комплекс объектов второго экрана, с которым я практически не пересекаюсь, но знаю о его существовании. Я никогда не был в Амстердаме или на Бетельгейзе, но я знаю об их существовании.

Таким образом, мы разделили упаковки Симорона на четыре слоя: личность, личностное окружение, окололичностное окружение и дальнее окружение.

Выводы из модели планетария.

— Что случилось? ... Вы укололи палец?
— Еще не уколола, — сказала Королева,
— но сейчас уколою! А-а-а!
— Когда вы собираетесь сделать это?
— спросила Алиса, с трудом сдерживая смех.
— Сейчас буду закалывать шаль и уколою, — простонала бедная Королева... острие соскользнуло, и Королева уколола себе палец.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Рассмотрим, какие выводы следуют из модели планетария. Я испускаю луч творения и тем самым создаю внешнюю среду. Значит, окружающий мир является моим продолжением, моим порождением, он зависит исключительно от меня. Что я излучу, что я создам, то и будет вокруг меня. Я и только я (это может сказать о себе каждый человек) порождаю внешнюю среду, картину на втором экране.

Симорон или творящее начало, находящееся в каждом из нас и создающее миры, напоминает жонглера, который берет части своей личности и перекидывает из одной руки в другую. Мы перебрасываем природное, творящее Я друг другу, и в результате возникает продуктивный обмен, который способствует утверждению жизни на земле. Если жонглер будет не перебрасывать, а забирать из одной руки в другую, то, в конечном счете, возникнет дисбаланс, и какая-то рука

окажется пустой или менее наполненной, чем другая. Наблюдая катастрофы, аварии, беды, мы видим именно эту картину — из одной руки взято слишком много.

Если я вместо трансляции животворящей энергии буду забирать ее из мира, из другой руки жонглера, то я пострадаю в большей степени, чем мир. Что произойдет с шаром в модели планетария, если заткнуть все дырочки, ничего не транслировать вовне? Он просто расплавится! Затыкание дырочек — это копание в себе, это желание получить, ничего не дав взамен. В Симороне заинтересованность своей персоной, первым экраном, называется **пупосмотрением**, то есть заглядыванием себе в область пупа и в запупное пространство. Если я занимаюсь исключительно первым экраном, то на втором экране возникает все больше безобразий. Чем больше я увлекаюсь самоспасением, тем вернее я уничтожаю и себя, и других.

В рамках модели планетария понятия эгоизма и альтруизма сливаются в одно: мне выгодно транслировать благо, творить добро моим проекциям, в этом — мой “шкурный” интерес.

Личности напичканы жизненным опытом, знанием мира, мыслями и отличаются друг от друга. Следовательно, первый экран является трафареткой, которая определяет картину на втором экране. Каждый по-своему видит, но только то, что пропускает фильтр первого экрана. Личность представляет существенное отличие от универсальной проекции, которую транслирует Симорон. Симорон один на всех. На каком этапе искажается универсальная информация, которую он дает? На личностном экране. То, чем мы его засоряем, то и увидим на втором экране.

Если мой жизненный опыт построен в основном на болевых ощущениях, то я страдаю, я болею. И во внешней среде я увижу ту же картину, которую наблюдаю в себе. Вне себя я буду замечать больных людей, картины разрушения, все, что связано с болевыми ощущениями. Я буду видеть болезни там, где их в помине нет. Если я пострадал оттого, что мне наносили удары, то я буду ожидать повторения этого “удовольствия”. И, глядя на других, буду высматривать в них потенциальных бандитов, буду как бы притягивать их.

У одного симорониста был эпизод в жизни, когда на него напали и сильно избили. После этого он месяц ходил с железной палкой, завернутой в газету. Он вольно или невольно ждал следующего нападения.

Если я засорен страхом, я увижу на втором экране опасность, исходящую от других, либо увижу других, которые одержимы страхом. Хотя, скорее всего, мое воображение само рисует эти картины.

Итак, я лично ответственен за то, что происходит в поле моего зрения. И если вне меня картинка не соответствует моим ожиданиям — что-то разрушительное, какая-то беда, несчастье, — то кто это мог сделать, кроме меня? “Неча на зеркало пенять, коли рожа крива”. Поскольку я это сделал, я могу это исправить. Поэтому симоронист прежде всего пытается перестать играть в игру под названием “Кто виноват?”, в которую играет почти все человечество.

Симоронские принципы работы с сигналами.

— *Воин недоступен. Он никогда не стоит посреди дороги, ожидая, пока что-нибудь его пришибет. Он сводит к минимуму возможность возникновения непредвиденных ситуаций. Того, что люди называют случайностями, почти всегда можно легко избежать. Обычно такие вещи происходят с дураками, вся жизнь которых — сплошное разгильдяйство.*

— *Но ведь невозможно двадцать четыре часа в сутки думать и жить стратегически, — сказал я. — Представь, например, что кто-то поджидает тебя с мощной винтовкой...*

— *Если кто-нибудь будет ждать меня, вооружившись мощной винтовкой с оптическим прицелом, то меня просто там не окажется.*

На начальной стадии системы Симорон изучаются простейшие способы коррекции внешней среды как зеркала, отражающего меня — личность. Если я корректирую то, что находится вне меня, то, само собой разумеется, что я исправляю себя. Если я вижу вне себя болезнь, это как бы укрупненное изображение того, что гнездится во мне. Потому что породить болезнь мог только я, протранслировав ее на второй экран, пропустив ее через несовершенную дырочку. Я в себе, быть может, не заметил эту болезнь, так как она едва зарождается. Я еще не знаю, что мне предстоит радости, но я вижу, как кто-то радуется. Стало быть, во мне зарождается радость, и второй экран сообщает об этом.

Картины на втором экране для меня как для личности являются предупреждающими сигналами о том, что может со мною случиться через некоторое время. Глядя на них, я заблаговременно распознаю, что меня ожидает через минуту, через секунду. **Я работаю с картинами на втором экране, порожденными мною, как с предупреждающими сигналами.** Это одно из наиболее существенных наблюдений симоронской школы.

Видя вне себя болезнь, изменяя ее на здоровье, я профилактически работаю с собой, корректирую и меняю себя, устраняю возможность собственного заболевания. Симоронист не занимается своей личностью, он занимается собою исключительно в своих проекциях, в отражении на внешнем экране.

Сигналы могут быть и положительными, свидетельствующими о том, что я угоден природе, что я гармоничен. Тогда — это сигналы удачи, **сигналы поддержки**. Что бы я ни делал, мне везет, я вижу вне себя успех, радость. Это значит, что я гармоничен сам, что дырочки на внутреннем шаре не закупорены, и я через них излучаю природную силу. Это и есть состояние парения. Если сигналы говорят о противоположном, то я себя закрыл, поставил пробки личной заинтересованности, и моя задача заключается в том, чтобы вытащить эти пробки, корректируя вне себя внешнюю среду. **Высшее наслаждение для симоронавта** — это отсутствие себя полностью и **наблюдение себя исключительно во внешних проявлениях**. Когда я творю жизнь, у меня не возникает никакой мысли, никакой эмоции или ощущения, потому что я весь распространен вне себя.

Если передо мной появилась деструктивная проекция, то я закрыл какие-то дырочки на первом экране. Значит, оставил часть симоронского излучения внутри шара, а на втором экране образовался дефицит этого излучения. Моя задача — протранслировать луч на второй экран и именно той проекции, которая сейчас передо мной. Как это сделать? Я пытаюсь понять, чего недостает моей проекции. Ей недостает того, чего она пытается лишиться меня **как личности**. Какие ценности есть у личности, если убрать второй экран? То есть если убрать объекты материального мира? В системе Симорон считается, что у личности существуют четыре основные ценности: **здоровье, смелость или спокойствие, душевный комфорт** (эмоциональное равновесие), **уверенность**^{*}.

Если я попытаюсь удовлетворить проекцию обычными человеческими способами, то она предъявит мне громадный список объектов второго экрана, которые хочет иметь. А на первом экране список сокращается до четырех позиций. Когда я удовлетворю истинные требования проекции на первом экране, я осуществляю ее запросы и на втором.

Догадаться, чего от меня хочет проекция, не всегда просто. Вор забрался в квартиру, намеревается унести все мои сбережения. Отдать их ему с легкой душой? Но разве он покушается на них? Нет, на первом экране меня собираются лишиться уверенности в себе, в будущем. Собственно, в этом нуждается злоумышленник, аккуратно это ему и следует вручить. Бюрократ терзает меня из-за отсутствия каких-то бумажек. Чего ему не хватает? Благодушия, спокойствия. Проекция может покушаться сразу на несколько ценностей личности. Попытка изнасилования. Дать на истерзание собственное тело? Но в этом ли потребность насильника? У меня хотят забрать спокойствие, душевный комфорт, уверенность, а может быть, и здоровье. Если я не удовлетворю свою проекцию, она появится вновь под другой маской.

^{*} В системе Симорон имеется подробное обоснование выбора именно этих ценностей, которое, ввиду большого объема, здесь неуместно. Если читатель предпочитает свой список ценностей личности, то он может им свободно пользоваться в дальнейшем. Для понимания механизма работы симоронских техник, приведенных в этой книге, и их практического применения, содержание списка ценностей малосущественно.

Сформулируем следующий фундаментальный принцип системы Симорон. **В любой проекции** (даже самой разрушительной) **всегда находится элемент созидания**, зернышко, из которого можно вырастить могучее дерево. В каждом разрушительном явлении, с которым я сталкиваюсь, можно найти искру надежды, положительный элемент в нем самом, потому что эта искра создана мною, Симороном. Разрушая, я одновременно заложил там искорку возрождения, восстановления. Если я нахожу эту искорку вне себя, я раздуваю ее и автоматически включаю в себе прибор трансляции жизненности. В результате я помогу и самому себе.

В даосском знаке Инь-Ян две рыбки, черная и белая, сплелись друг с другом. В белой рыбке — черный глазик, а в черной рыбке — белый. В каждой бочке меда есть ложка дегтя, и в каждой бочке дегтя есть ложка меда. Симоронист старается найти везде светлый глазик, старается поддержать в своих проекциях самое лучшее, что в них есть, утверждает, укрепляет их природную силу.

Неурядицы — это результат принятия на себя красок объекта, раскрашивания себя под него, присоединения к нему как к хозяину. Для избавления от неурядиц предлагается принципиально иной подход. Мы не исправляем недостатки, не искореняем беды, а находим везде и во всем элементы здоровья, силы, радости и утверждаем их. Тогда зло, горе уходит само по себе. Это основополагающий принцип всех симоронских технологий. Симоронист не диагностирует, не засоряет внимание бедами, а сразу находит во всем элемент созидательности и утверждает его. Диагностика используется лишь на этапе обучения.

Мы выяснили, что временные границы являются упаковками Симорона. Поэтому для Симорона нет ни прошлого, ни будущего, а есть только настоящий момент:

Призрачно все в этом мире бушующем,

Есть только миг, — за него и держись.

Есть только миг между прошлым и будущим,

Именно он называется жизнь.

Здесь будет уместно образное сравнение. Мы нашариваем в темноте тумблер, нажимаем его — загорается лампочка. Свет от источника мгновенно распространяется по всей комнате. Все предметы, находящиеся в ней, оказываются освещенными. Заметьте, свет не задерживается в маленьком объеме, каковым является лампа, он заполняет все пространство.

Подобным образом, в результате симоронской акции включается мощнейший источник животворящего излучения. И свет Симорона, вспыхнувший в одном-единственном кадре, не остается внутри этого кадра, а растекается по всей жизненной киноленте. Вся последовательность кадров озаряется новыми, яркими красками, преображается этим светом. Неважно, на каком участке киноленты — в прошлом, настоящем или будущем включится освещение. Напомним, что кинолента — иллюзорна, голографична, реален же источник света, который и спроецировал все эти картины.

Корректируя один кадр, симоронист автоматически влияет сразу на всю киноленту жизни. Работая с разрушительным событием прошлого, привнося в него симоронское излучение, я освещаю все предыдущие и последующие негативные события, вплоть до настоящего момента. И в настоящем начинаю движение по обновленной траектории, гармонично выстраиваю будущие отношения с миром. И наоборот, работая с сигналом, который сейчас находится передо мной, я изменяю и прошлое, и будущее, наполняю всю киноленту новым позитивным содержанием.

Абсолютно несущественно, какой эпизод моей жизни послужил тумблером, взлетной площадкой для перехода в состояние парения. Важно то, что мне удалось попасть в поток, ощутить ликующее, вдохновенное чувство полета — миг между прошлым и будущим.

Такой подход коренным образом отличается от традиционных представлений, в частности, от модной ныне теории кармы. Красивый кармический театр впечатляет драматизмом. Идея кармы подразумевает тяжкий груз грехов и проступков, совершенных в прошлом. И избавиться от них можно лишь путем покаяния, раскаяния, страдания, искупая былые ошибки в течение жизни (или многих жизней). Приняв одно время идею кармы, авторы долго терзались вопросом: как отныне жить со всем этим грузом?! На самом деле, мы сами взваливаем этот груз на свои плечи, разделив идею кармы, которая, как и любая другая идея, является коллективной галлюцинацией, иллюзией.

Полностью избавиться от игры в причинно-следственный театр достаточно сложно — настолько она впилалась в личность. Но, если относиться к идее кармы легко, с юмором, то

искупление кармы происходит гораздо быстрее и без страданий. Можно отрабатывать карму целую жизнь (или много жизней), а можно попытаться это сделать в течение месяцев, дней, часов, минут. Можно весело подмигнуть, забавно подпрыгнуть — и тысячетлетней кармы как не бывало. Отношение симоронцев к этому вопросу выражают поговорки: **“Держи карму шире”, “Своя карма ближе к телу”**.

Как удержаться “в этом мире бушующем” на орбите парения? Прежде всего, не ставя перед собой таковую цель! Ибо ожидание результата — это планирование, ориентация на пункт приезда, то есть заведомый уход с орбиты парения. Это всегда проект, ибо, сколько бы мы не обманывали себя, но мы ждем чего-то определенного. И пытаемся втиснуть бесконечное разнообразие возможных исходов в прокрустово ложе планов. **Когда мы не планируем ни конкретный результат, ни время его достижения** (не ограничиваем творчество природы), **то возможный исход часто превосходит наши самые смелые расчеты**.

В Симороне принята шуточная универсальная количественная мера — **“магическое” число 27**. На вопрос: когда мне ожидать благополучный исход? — симоронист ответит: через 27. Причем никогда не уточняется, в каких единицах дается ответ.

Стадии сигнализации.

Бедя не приходит одна.

Народная мудрость

В поисках принцессы Федор забрел в дремучий лес и вышел на чуть заметную тропинку, которая привела его к огромному замшелому валуну. Сквозь мох и плесень Федор едва различил надпись: “Налево пойдешь — голову потеряешь, прямо пойдешь — попадешь к Кощею, направо пойдешь — сгинешь без следа в виртуальной реальности!” Сел Федя на землю и крепко задумался. И не заметил, как оказалась перед ним древняя старушка Дундуса.

— Что пригорюнился, добрый молодец, что голову повесил?

— Не мешай думать мне, старая. И без тебя тошно.

— Невежливо ты, Федор, со старшими разговариваешь.

— Пошла вон, бабка!

— Смотри, Федя, пожалеешь, — молвила бабуля и медленно растаяла.

Было поздно. Усталость навалилась на Федю, и сморил его сон. Во сне Федя плыл на байдарке по бурной речке Крямже. Проплывая под мостом через Крямжу, он слышал обрывок разговора:

— В этом году на Варгунских болотах не уродилась клюква.

«Какое мне дело до Варгунских болот», — пронеслось в Фединой голове.

Захотелось Феде поесть. Он причалил к обрывистому берегу, развел костерок и сварил душистую уху из щуки. Перед ушницей Федя выпил из фляжки домашней наливочки. Неожиданно он вздрогнул от резкого свиста. Глянул Федя на противоположный берег и ахнул. Там свистела и отчаянно махала руками все та же Дундуса.

— Чего тебе, бабка?

— Перевези меня на другой берег, голубчик.

— Некогда мне. За принцессой плыву.

— Да мне бы просто покурить с тобой.

— Я, бабуля, веду здоровый образ жизни. Не курю.

И поплыл Федор дальше. Какое-то время он размышлял: «И чего не помог старухе? Небось скучно одной в дремучих лесах. Ладно, пусть сама себя развлекает».

А ночью, когда он спал сладким сном, у Федора украли именную саблю “За победу над Змеем Горынычем”.

— Одни воры кругом. Бардак в губерниях, — долго возмущался крестьянский сын. — В следующий раз заночую подальше от деревни, — утешал себя Федор, но так и не смог успокоиться.

Разгоряченный Федор утратил бдительность и не заметил корягу, затаившуюся в водорослях. На полном ходу лодка напоролась на корягу и перевернулась. Федору с трудом удалось выбраться на берег. У него осталась одна дырявая байдарка. Все остальные вещи унесло быстрым течением. Федор долго лязгал зубами и не мог согреться, так как спички были мокрые, а зажигалок в то время еще не изобрели. Начинался жар, и все тело трясло. “Пришла беда — отворяй ворота! А что делать, всем сейчас тяжело”, — успел подумать Федор и потерял сознание.

В Симороне принято считать, что существуют **четыре стадии сигнализации**, соответствующие четырем слоям упаковок Симорона. Первая стадия — это **дальние сигналы**, нарушающие безоблачность моего существования. Они едва зарождаются во мне, проходят все слои второго экрана и оказываются заметными на самом дальнем участке. Вторая стадия — сигналы, приближающиеся ко мне, **окололичностные**. Третья стадия — близкие **личностные сигналы**. Четвертая стадия сигнализации — **внутриличностные сигналы**.

Внутриличностные сигналы — это мои болезни, страхи, печали, сомнения.

Личностные сигналы охватывают объекты, которые мне принадлежат. Я сам приблизил, приручил эти объекты, взял на себя обязательство обслуживать их по самым высоким меркам. Моя задача — непрерывно транслировать в их сторону чистое симоронское излучение. И стоит мне об этом забыть, как в личностном слое немедленно поднимается бунт: предметы ломаются, телевизор барахлит, утюг перегорает, кошка заболела, растение загнивает, родственники ссорятся. Здесь сигналы красноречиво барабанят меня всюду, и отступить некуда.

Окололичностные сигналы возникают реже, они не требуют такого внимания, как личностные. Холодильник в магазине не работает, но я не буду им заниматься так, как занимаюсь собственным. Мера моего участия будет различна в зависимости от того, на какой стадии я наблюдаю сигналы.

Дальний сигнал малозаметен, опеки вроде бы не требует, и создается иллюзорное ощущение абсолютной отстраненности от него. Но объекты, расположенные в этом слое, созданы мною, они — мои проекции. Забыв об этом, человек упускает чрезвычайно редкие дальние сигналы, из-за чего вскоре и страдает, потому что они наступают на него и захлестывают.

Если я контролирую все четыре слоя, проблем ни на втором, ни на первом экранах не возникает. Но вот, как бы незаметно для себя, я создал помеху, внес соринку в личностную первозданный картину. На пути следования симоронского луча появится увеличивающееся пятно. Достигнув границы второго экрана, пятно станет настолько заметным, что только отпетый лентяй его не зафиксирует.

Несколько примеров. Нулевая стадия — абсолютная успешность, все хорошо, у меня чудесное настроение и ничего меня не отвлекает. Наружные сигналы подтверждают мое успешное продвижение: вовремя пришел троллейбус, в нем нашлось место для сидения, много света и можно почитать книгу. Все выглядят преуспевающими, как и я, никто не бранится, никто никого не задерживает. Я парю, пусть даже это длится всего минуту.

Посмотрим, как развиваются сигналы в привычной обстановке. Я шел по улице на важную встречу и случайно бросил взгляд на витрину магазина, заметил вещь и на секунду остановился, отвлекся. Это — первая стадия. Я получил предупреждающий сигнал в виде витрины, мне не нужно было останавливаться. Вторая стадия — нужный мне автобус отошел на две секунды раньше, чем я к нему приблизился. Третья стадия — я опоздал на деловое свидание, и выгодная сделка сорвалась. Четвертая стадия — я расстроился, у меня разболелись голова, сердце, желудок. Сигнал вошел в меня, упущенный мною в самом начале. Безобидное предупреждение в виде витрины привело, в конечном счете, к неприятностям и болезни.

Следующий пример. Я сидел в ресторане, и с аппетитом уплетал салат. Все вокруг лучезарно, радостно. Первый сигнал — издали донесся негромкий звук, вроде бы что-то упало. Я отвлекся и подумал: “Что там могло упасть?”. И все — коготок увяз, птичке пропасть. Вторая стадия — пока я прислушивался, подошедший незаметно для меня официант поставил передо мной заказанную тарелку с супом. Третья стадия — не зная, что на столе уже стоит тарелка, я положил руки прямо в нее. Четвертая стадия — тарелка опрокинулась на меня, залила одежду горячей жирной жидкостью.

В этих примерах просматривается одна модель поведения — **отвлекись, попал на приманку сигнала первой стадии**. Не заметил, не принял всерьез его предупреждения о будущих неприятностях, которые со мной могут произойти. Обратите внимание: я уже не иду на встречу, а смотрю на витрину; я уже не ем в ресторане, а слушаю, что там стучит. Я вытеснил случайной информацией прежнюю программу поведения. Но все-таки, спохватившись и вспомнив о ней, я пытаюсь вернуться назад. Другое дело, что я уже не попадаю на тот поезд, который нес меня к цели. Поезд ушел, события развиваются по другому, драматическому сценарию.

Так работает один тип упущенных мною сигналов. Но эти события могут развиваться значительно драматичнее. Если я соблазняюсь отвлекающим сигналом, то могу пойти по его траектории, даже не думая о возвращении к прежнему пути, начисто вычеркнув этот путь из памяти. И это довольно типичное явление. Когда я засмотрелся на витрину, то на встречу все-таки пришел, хотя делового партнера не застал. Когда сидел в ресторане, испачкался, но что-то съел — ресторан я не покинул.

А вот примеры того, как я полностью ухожу со своей траектории и оказываюсь вообще неизвестно где. Я сидел с семьей, мы смотрели телевизор, наслаждались фильмом. Первый сигнал — реклама фантастически целебного препарата, который меня жутко заинтересовал. Я бросился искать бумагу, ручку, чтобы записать информацию. Вторая стадия — поскольку я никогда не имел дело с ручками, ибо я слесарь-водопроводчик, я долго искал, перевернул все и не смог найти ручку. Третья стадия — я набросился на жену с претензиями, что всегда она все прячет, в доме беспорядок. Четвертая стадия — жена ответила мне соответственно, я схватил чемодан и ушел к маме.

Другой пример. Я лежал на берегу реки, сочинял стихи. Первый сигнал — кто-то поблизости включил магнитофон, зазвучала музыка. Вторая стадия — я попытался заткнуть уши, как-то перестроиться. Не помогло. Третья стадия — я двинулся энергично в направлении музыки и увидел идущего навстречу приятеля. Хотя он вроде бы никакого отношения к данной музыке не имеет, я придрался к нему. Обвинил приятеля в том, что после его недавнего визита в наш дом пропали золотые кольца. Четвертая стадия — приятель нокаутировал меня в свое удовольствие.

Началось с того, что смотрел телевизор, кончилось тем, что ушел к маме. Началось с того, что я на берегу реки сочинял стихи, закончилось тем, что приятель меня нокаутировал. Какая связь? События развиваются по сценарию, где никакой, казалось бы, логической связи нет. Попробуйте подойти к тому, кто уходит с чемоданом к маме и сказать ему: “Послушай, по телевизору продолжается прекрасный, замечательный фильм”. Он даже не поймет, о чем вы говорите. Какой фильм? Нокаутированный человек лежит весь в синяках, а вы подходите и спрашиваете:

— Это не твои стихи: “Она сидела на помойном баке, и две огромные собаки...”?”

Он посмотрит на вас, как на умалишенного.

Эти схемы работают во всех наших жизненных приключениях. Как примитивные трехкопеечные автоматы, мы подчиняемся типовым правилам игры, которые действуют во всех случаях жизни. И когда человек начинает понимать и отслеживать в собственной жизни эти простейшие схемы, которыми он руководствуется, то чаще всего поражается шаблонности своих действий.

В обоих вариантах важным для меня является самый первый сигнал, отвлекающий от моего маршрута, предупреждающий о возможности дальнейших разрушительных событий. И тот, кто научится **замечать первый, дальний сигнал и работать с ним**, может считать себя профессиональным волшебником экстракласса.

Если я пропустил сигнал, что с ним произойдет? Он будет повторяться, приближаться ко мне, и на каждом витке будет выглядеть все крупнее. Я не заметил, как вник в содержание сообщения, примерил на себя его упаковку, присоединился к нему своим интересом, и возникает водоворот — **сигнальный вихрь**.

Приходилось ли вам, забивая гвоздь и ударив себя молотком по пальцу, ударять по тому же пальцу опять? Знакома ли вам такая ситуация: женщина развелась с выпивающим мужем, вышла замуж за другого, а он оказался алкоголиком или наркоманом? Это примеры вихревых сигналов, которые характеризует повтор, укрупнение, приближение ситуации.

Один уважаемый человек умудрялся на все свои брюки во время еды ронять либо картофелину, либо кусок жирного мяса, либо что-то другое. И именно на левую штанину. У него на всех брюках, на левых штанинах были повторяющиеся сигналы.

Можно привести много примеров повторяющихся сигналов. Но мы чаще всего не улавливаем, что сигнал не изменился, или автоматически фиксируем его, не анализируя. Сигнал выглядит несколько иначе, и мы его не узнаем. Через минуту, через день, через месяц, через год снова появляется он, но зовут его не Ваня, а Таня, и он не в брюках, а в чадре. Он не в троллейбусе, а на осле.

Возникает ощущение водоворота. Как белка в колесе мы движемся, не в силах выбраться из кутерьмы обстоятельств, потому что попали в водоворот, в цикл, в вихревую сигнальную ситуацию. Если информация второго экрана игнорируется и дальше, то вихрь может перейти в **смерч**, из которого выбираются единицы.

Работа с дальними сигналами. ПВБ.

— И это все? — спросила робко Алиса.
— Да, — сказал Шалтай-Болтай. —
Прощай!
Этого Алиса не ожидала, но после
такого прозрачного намека оставаться
было бы невежливо.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

В Симороне разработан очень простой способ работы с дальними сигналами. Улыбка открывает симоронский луч и мгновенно включает осознание, что препятствие — всего лишь безобидная провокация, за которой может последовать лавина неприятностей, если я не приму к сведению этот сигнал. Я как бы говорю препятствию: “Не проведешь, брат, не купишь, я понял суть твоего предупреждения, я не отвлекусь от цели, я не последую за тобой, я пойду дальше”.

Все это можно выразить фразой: **“Пошел вон, болван”** или, сокращенно, **ПВБ**. Коротко и ясно. Естественнo, современному человеку не скажешь: “Пошел вон, болван”. Это из того мира, который от нас давно ушел, когда барин таким образом отсылал своего слугу. Однажды найденная шуточная форма обращения автоматически поднимает нас над уровнем серьезности. ПВБ — это дружеское рукопожатие, а не изгнание; это не удар, не пинок — это шутка, приглашение к сотрудничеству. С напряженным лицом я не смогу говорить ПВБ, на моем лице возникнет улыбка. Это механизм включения симоронского луча. Улыбка высветила другую возможность, препятствие для меня несущественно, и я спокойно двигаюсь дальше.

Я не буду драться с препятствием, я ему скажу: “Я понял, брат, вот тебе нос, и мы с тобой разойдемся по-хорошему. Пошел вон, болван”. Если вам не нравится ПВБ, можете придумать другое слово.

Слабые дальние сигналы люди привычно воспринимают как нечто, не имеющее к ним отношения. Скажем, информация в газете: в Китае снежные заносы. Где там этот Китай? Или в Млечном Пути происходят странные явления, там звезды воруют. Бог его знает, где Млечный Путь и звезды, у меня свои проблемы, какое мне дело до звезд? Или в Сицилии свирепствует вендетта — кровная месть, а здесь, в лучшем случае, сосед другому соседу в морду даст, и на том разберутся.

Я еду в автобусе, читаю газету, и в поле зрения строка: “В Китае из-за снежных заносов...”. Если я буду читать дальше, я прочитаю: “гибнут люди”, а люди гибнут не только в Китае, и не только из-за снежных заносов. И если я прочитаю “гибнут люди” — у меня сразу возникнет отношение к гибели людей. Я не останусь равнодушным, сигнал войдет в мое околичностное

окружение, а пока это дальнейшее окружение. Я не знаю, что происходит в Китае, я еще не дочитал эту фразу до конца: “В Китае из-за снежных заносов...”. Стоп. ПВБ и все.

Едва я заметил, как меня что-то отвлекает от цели, я говорю ПВБ. Я сделал ПВБ, я не переключился на это сообщение и двигаюсь в прежнем направлении. Но самое интересное, что я при помощи ПВБ не поставил барьер между собой и препятствием, а послал улыбку, симоронский луч. И всем, кому я открыл канал трансляции симоронского луча, одновременно станет хорошо. И китайцы получают поддержку, потому что расстояние для Симорона не имеет никакого значения. Если в Китае из-за снежных заносов гибнут люди, то в результате моего ПВБ либо помощь начнет прибывать, либо снежные заносы прекратятся, либо найдется другой выход.

Я сижу на работе. Сослуживец рассказывает, что в Млечном Пути происходят странные явления. ПВБ и все. Разумеется, речь идет не о том, что я сделаю это буквально. Он мне говорит о Млечном Пути, а я ему мысленно: ПВБ. Что произойдет с сослуживцем? Его желание втянуть меня в сопереживание или в размышления по этому поводу будет удовлетворено. Он отвлечется, перестанет загружать меня этой информацией и займется чем-то более полезным. ПВБ я сказал, не успев понять, что происходит в космосе. Очень важно, что дальний сигнал не обозначен, он не вызывает у меня личных ассоциаций, я еще не знаю, что это, и не хочу знать. ПВБ. Если в Млечном Пути кто-то задумал похитить очередную звезду, то в это время он вспомнит, что у него в амбаре море энергии, и ему совершенно не надо похищать звезду.

Сообщение о том, что в Сицилии свирепствует... ПВБ. И если сицилиец в данный момент поднял ружье, чтобы бабахнуть в оппонента, то в результате ПВБ у него промашка выйдет или он передумает и скажет: “Дружище, мы с тобой не допили кварту пива в ближайшей таверне. Идем допьем, а потом подумаем, стреляться нам или нет”.

Я произношу ПВБ, пока не включил осознание: что мне делать с этим препятствием? Когда я не стал примерять его на себя, еще не подсоединился к нему, как Рамакришна, у которого покраснела и распухла спина при виде человека, исполосованного ударами хлыста. Тут простое ПВБ уже не работает. Вместо того чтобы принимать на себя удар и страдать, легендарный йог мог бы применить свои недюжинные способности для преобразования прохожего. И следы ударов на теле несчастного могли бы исчезнуть.

Техника благодарения.

Взяток не берем, а благодарности принимаем.

Русская поговорка

Не существует такой проблемы, в которой бы не было бесценного дара для тебя. Ты создаешь проблему, потому что эти дары тебе крайне необходимы.

Р. Бах. Иллюзии

Федор очнулся. Постепенно пятно перед ним собралось в знакомое морщинистое лицо Дундусы.

— Ну что, милок, покуролесил?! — спросила старуха. — А теперь внимательно послушай, что я тебе расскажу.

Однажды мой племянник, молла Насреддин, никак не мог сдвинуть с места своего осла, который остановился на полдороги в Мекку. В изнеможении он прилег под инжирным деревом, вблизи бахчи. Молла смотрел на арбузы и дыни, на инжирное дерево, под тенью которого лежал, и размышлял:

— Как в этом мире все устроено шиворот-навыворот. На малюсеньких кустиках растут здоровенные арбузы и дыни, а на таком огромном дереве — маленький инжир.

Молла был в глубоком раздумье, и вдруг с дерева ему на голову упал инжир. От неожиданности он вскочил на ноги и посмотрел вверх. Огромная обезьяна готовила целую горсть плодов для броска. Молла начал вдохновенно благодарить ее:

— Благодарю тебя, обезьяна, за то, что ты показала мне, что если бы все мои желания исполнялись, то сейчас я не смог бы тебя поблагодарить. Вместо этого я бы лежал погребенный под грудой арбузов и дынь. Чем я могу отблагодарить тебя?

Обезьяна прислушалась к пламенной речи, но продолжала держать горсть инжира. Тут великий симоронист всех времен и народов выудил из складок халата четки и бросил их обезьяне. Обезьяна ловко поймала четки и сразу нацепила их на шею. Инжир выскользнул из ее руки и привлек внимание осла, который подбежал и принялся его есть. В озарении молла воскликнул: “Эврика!”

Так появилось гениальное изобретение, позволяющее управлять упрямыми ослами. Вскоре можно было наблюдать это изобретение в действии. Осел увлеченно трусил за клоком сена, который маячил на палке перед его мордой, а палка крепилась к ослу.

На этих словах Дундуса начала медленно превращаться в радужное облачко, которое затем растворилось. В голове Федора долго звучало ее напутствие: **“Не отступай и не сражайся, будь в нуле!”**

Федор проснулся и увидел все тот же замшелый валун. Не успел он окончательно прийти в себя, как послышался дикий гвалт и треск веток. На тропинку выкатился мохнатый клубок, оставляя по пути клочья шерсти. Докатившись до Федора, клубок распался, и перед ним оказались два черта. Прекратив драку, они радостно завопили:

— Сейчас мы тебя зажарим, человеке!

Рука Федора привычно потянулась к сабле. Увидев его движение, черти дико загоготали. Старший достал из кармана игрушечную гаубицу. В мгновение ока она выросла до натуральных размеров.

— Тебе ли, Федюня, с нами тягаться? Ты естеством, а мы колдовством, — молвил младший.

Федор понял, что убежать тоже не удастся. Он вспомнил сон, и внутри него голос Дундусы повторил напутствие: **“Не отступай и не сражайся, будь в нуле!”** Федора осенило — нужно уладить конфликт чертей:

— Стойте, окаянные! Чего деретесь?

— Помер у нас отец и оставил в наследство золотой песок. Так поделить не можем.

— Это не беда. Знаю, как вам помочь.

— Если обманешь, съедим. А если поможешь, одарим.

Федя хитро прищурился, глядя на старшего, и предложил тому поделить золотой песок поровну. Черт быстро разделил золотишко. Затем Федор предложил младшему выбрать понравившуюся кучку. В результате оба черта остались довольны.

— Да ты прям Соломон! — обрадовались черти и провалились сквозь землю. А на их месте появился новенький, пахнущий свежей краской ковер-самолет. Взмыв в воздух, Федор обратил внимание на надпись, вспыхнувшую на ковре: **“Всегда есть выход”**.

Эта аллегория приведена для иллюстрации симоронского подхода к работе с препятствиями. Давайте разберемся, как мы пытаемся справиться с жизненными проблемами. Возьмем типичный пример. Предположим, что я иду по темной улице и вижу, что на моем пути стоит подозрительный мордovorот. Появляется страх. В воображении мгновенно прокручивается фильм, как мордovorот пристает ко мне: “Кошелек или жизнь?!” Я уже проигрываю возможные реакции — отдать деньги, дать в торец или развернуться и убежать. Во всех вариантах могут возникнуть проблемы. Кровные деньги отдавать жалко, в торец можно и самому схлопотать и мордovorот (назовем его Иван) может оказаться рекордсменом района по бегу. Что делать? Или словами Гамлета: “Быть или не быть — вот в чем вопрос. Что благороднее: сносить удары неистовой судьбы (отдать деньги) — или против моря невзгод вооружиться (газовым баллончиком)?”

Для симорониста подобный вопрос бессмысленен, потому что мордovorота породил он сам. Иван показывает, что симоронист вышел из состояния парения и отдаляется от этого состояния. Чем дальше от состояния парения, тем более угрожающе выглядит ситуация на втором экране. Мордovorот подобен красному бакену, предупреждающему: “Стой! Куда прешь?! Впереди мель! Вернись в русло реки!”

Может ли симоронист быть неблагодарным за такое сообщение?

Напомним, что пока ничего не произошло, мордovorот далеко от меня. Может быть, он меня даже не заметил.

Мы подошли к одной из центральных идей Симорона — идее **благодарения**. Симоронист, увидев мордovorота в темном закоулке, произнес бы примерно следующее (не обязательно вслух!):

— *Я благодарю тебя, Ванечка, за то, что ты предупреждаешь меня, что я вышел из состояния гармонии. Поэтому ты и возник на моем пути. Мне нужно разобраться с тобой, иначе тучи саустятся, и меня окружают плотной толпой ужасные проекции. И в итоге я могу превратиться в одну из них.*

Это один из бесконечного числа возможных **монологов благодарения**. Если бы мы стали писать монолог спустя десять минут, то он был бы совсем другой. **Система Симорон — не догма, а руководство к действию.**

Монолог благодарения — это первая часть акции благодарения, и его произнесение может сразу разрядить ситуацию. К примеру, мордovorота может кто-нибудь позвать; мимо может проехать милицейская машина; из соседнего подъезда могут выйти мои друзья; между нами может завязаться диалог, и неожиданно выяснится, что я с Иваном ходил в один детский сад и т. д.

Монолог благодарения предотвращает дальнейшее ухудшение ситуации. Теперь достаточно протранслировать Ване симоронское излучение. Я задаю себе вопрос: чего мою личность лишает мордovorот-Иван (см. раздел “Симоронские принципы...”)? Если я испугался, значит, меня лишают спокойствия, смелости. А если бы Ваня покушался на мое здоровье, или эмоциональное равновесие, или уверенность, то как раз этого Ване и не хватает, и моя задача выдать ему это. В нашем случае Ваня нуждается в спокойствии и смелости. И если он их получит, препятствие исчезнет или ослабнет. Как это сделать? На какой тарелочке, в какой таре это передать? Необходима упаковка*, доступная для нас и приемлемая для получателя. Причем каждый раз, в каждом конкретном случае — иная, незаменимая. Очевидно одно: тара для таких вещей, как смелость и спокойствие, не может быть сделана из досок или металла. В Симороне предлагается изящное решение. Я транслирую Ване это излучение **в виде картинки, образа**.

На что обращает внимание покупатель при выборе подарка? Правильно, — на то, насколько нужен подарок, на цену, на упаковку, на качество. А если есть несколько подходящих подарков по одинаковой цене? На упаковку и на качество. Яркая, красочная, приятная на ощупь упаковка притягивает покупателя. Если дополнительно выяснится, что товар высшего качества, то лучшего подарка не найти.

Симорон знает потребность своей проекции. Выступая от имени Симорона (а не личности), Я являюсь бездонным резервуаром здоровья, смелости, благодушия, уверенности... Поэтому вопрос о цене отпадает — у Симорона все бесплатно. Качество товара гарантируется. Осталось найти красивую упаковку.

Представьте, что вам подбирают подарок. И дарят именно то, о чем вы мечтали, да в прекрасной упаковке. И если даритель угодил точно в яблочко, удовлетворил ваше самое сокровенное желание, могут ли после этого возникнуть какие-то разногласия между вами? Мир, дружба на все времена.

Заметим, насколько мы падки на красивые упаковки: длинноногая незнакомка, сверкающая иномарка, украшенный торт, с иголочки одетый джентльмен. “По одежке встречают, по уму провожают”. Зачастую красочная упаковка является решающим аргументом тогда, когда мы сталкиваемся с выбором.

Как создаются упаковки для товаров? Над ними работает целый коллектив художников, оформителей, дизайнеров. Но Симорон выполняет все эти функции и может создать самую совершенную обложку, самый красивый фантик. Открывается беспредельный простор для творчества. Симорон не ограничивают ни размер полотна, ни набор красок, ни правила построения рисунка. Симоронскому художнику не нужны кисти, палитра и холст. Он творит в

* К сожалению, в системе Симорон уже сложилась терминология, и слово “упаковка” имеет два разных значения: как граница, оболочка Симорона (см. раздел “Матрешки...”); и как упаковка товара или подарка. Обычно из контекста ясно, какое значение имеется в виду. В этом разделе слово упаковка употребляется только во втором значении. В симоронских историях вместо термина “упаковка подарка” часто используется термин “образ подарка”.

воображении и создает невероятные картины. Они составлены из кусочков второзканных образов и могут быть как реалистичными, так и с элементами сюрреализма. Авторы этих записок предпочитают необычные картинки, хотя есть симоронисты, придерживающиеся строгого “классического” стиля. Если мы рисуем дерево, то вместо плодов могут свисать бублики или мыльные пузыри, а крона составлена из прокладок “Lybresse invisible”. Русские народные сказки изобилуют такими образами: избушка на курьих ножках, молочные реки с кисельными берегами, Царевна-лягушка. В реалистическом варианте мы могли бы нарисовать дерево с развесистой кроной, могучей корневой системой, мясистыми сочными листьями и т. д.

Теперь мы можем завершить акцию благодарения мордоворота Вани:

— Я благодарю тебя, Ванечка, за предупреждение о том, что ты можешь пристать ко мне. И все может закончиться тем, что ты меня изобьешь и отнимешь деньги. И мне придется стать таким, как ты, или придется просить деньги на автобусной остановке, — без денег меня жена домой не пустит. И за то, что предупредил меня об этом, я тебя **благодарю и дарю тебе смелость и спокойствие** в виде журавля в болотных сапогах, который красит пылесосом забор в зеленый цвет.

Акция благодарения состоит из двух основных частей: **монолога благодарения и формирования подарка**. Поговорим сначала о формировании подарка. **Подарком** является излучение (смелость и спокойствие), которое я транслирую своей проекции (мордовороту). **Упаковкой подарка** является образ, в виде которого я дарю подарок (журавль).

Читателю может быть непонятно, почему журавль, а не что-то другое? Причем здесь пылесос, болотные сапоги, забор?

Предположим, что я провел день на стройке: занимался беспокойными поисками стройматериалов, трудоемким внедрением каких-то проектов. Устав после трудового дня, сваливаюсь в сон “без задних ног”. Мне может присниться коршун, клюющий безвинных птенцов. Другой вариант. Безоблачный день, мне повезло и со стройматериалами, и с людьми, легко принявшими мои проекты. Соответствующий сон: цветы на лужайке, разбившись на пары, танцуют польку-птичку или водят хоровод.

Образ, возникающий во время благодарения, идентичен образам сновидения, вырастающим из моих приключений наяву. Произнося монолог благодарения, я подхожу к границе, отделяющей явь от сна. И свободно ныряю в сновидческое пространство (см. раздел “Третий экран”).

Если бы я нырнул в это пространство, не отблагодарив сигнал, а “уснув” во время его драматического появления, “сон”, скорее всего, оказался бы печальным. Он ассоциативно продолжал бы разрушительный сюжет моего дня (коршун, клюющий птенцов). Благодарение погашает драматизм, нейтрализует его, и в результате мне “снится” благополучное разрешение ситуации (цветы водят хоровод). Образ цветов, спроецированный мною через первый экран, метафорически показывает, что в повседневной реальности произойдут позитивные изменения. Проблема, с которой я вышел к акции благодарения, разрешится.

Поясним, как создается упаковка подарка. Монолог благодарения начинается от лица личности, а на слове “дарю” происходит отождествление с Симороном. Монолог является трамплином. Разогнавшись с этого трамплина, я отталкиваюсь от него (на слове “в виде”) и перед моим мысленным взором возникает какая-то деталь. Это может быть пятно, точка, полоска, черточка и так далее. Данная деталь моим воображением достаточно быстро оформляется в узнаваемый образ, например в клюв. Дальше я развиваю образ (до журавля), обогащаю его новыми деталями (пылесос), раскрашиваю его, до тех пор, пока не получится законченный образ. Картинка должна нравиться художнику, **мурчать** ему. Как мурчит Моськин кот, когда его поглаживает рука любимого хозяина.

Упаковка подарка во время благодарения может трансформироваться, и не один раз. Начав с журавля с пылесосом, мы могли бы перескочить на обезьяну с контрабасом. Та, в свою очередь, превратилась бы в пещеру на берегу моря и так далее. Не стоит слишком долго заигрываться, изменяя картинку как в калейдоскопе. **Помните, картинка изменяется не сама по себе. Это вы ее рисуете и раскрашиваете.**

Если вас отвлекают второзканные образы, можно зажмуриться. Как говорил Бальзаминов: “Маменька, не включайте свет. В темноте лучше фантазировать”. Если вы испытываете сложности с созданием картинки, то можно стартовать с любого предмета второго экрана. Допустим, ваш взгляд упал на пуговицу. Дальше возможны различные варианты. Пуговица может

превратиться: в летающую тарелку, озеро, шайбу и так далее. После того как построен начальный образ, довольно легко украсить его деталями.

Для того чтобы активизировать воображение, рекомендуется озвучивать процесс рисования. Допустим, я смотрю на стол в углу квартиры и мысленно начинаю его разрисовывать, проговаривая вслух:

— Я рисую на левой половине стола хрустальный шар. На шаре стоит динозавр. Он стоит в позе Фавна. В правом уголке его рта заводская труба. Он дымит ею. Динозавр жует огромный кусок хозяйственного мыла и облизывается.

Таким образом я нарисовал картину.

Если интенсивно практиковать благодарение, то пауза между монологом благодарения и выработкой картинке будет уменьшаться. Со временем формирование упаковки подарка будет естественно вытекать из благодарственного монолога. Это делается в режиме непрерывности. Вспомним, что трансляция симоронского луча происходит молниеносно, без задержки. Пауза означает, что на пути луча образовалось загрязнение, вносимое личностным экраном. Происходит искажение информации. Работа в режиме непрерывности обеспечивает чистоту выхода в сновидческое пространство, я не успеваю затиснуться в узкие рамки логики.

Мы предпочитаем рисовать нестандартные смешные картинки. Нарисовав журавля, мы поместили его в необычную обстановку. Желательно, чтобы в каждой картинке была своя изюминка. Симоронский настрой — несерьезность, улыбчивость, детскость — позволяет легко, играючи создавать картинки. Кроме визуального канала, можно включать аудиальный и кинестетический. В случае с журавлем, это может быть звук гудящего пылесоса, ощущения вибраций от его работы, запах краски.

Вновь подчеркнем, что **я сам рисую этот образ**, а не считываю его — я отождествился с Симороном. Если я его считываю, значит, кто-то его нарисовал. А кто его может нарисовать, кроме Симорона?

Поговорим о монологе благодарения более подробно. Я благодарю сигнал за то, что он предупреждает о возможном ухудшении ситуации, о возможном переходе в следующие стадии сигнализации. Напомним, что когда я увидел мордоворот, то в воображении мгновенно прокрутился фильм ужасов под названием “Как меня обобрали” или “Как меня покалечили”. Во время монолога благодарения я честно озвучиваю этот фильм, точнее, его сценарий, последовательно проходя все стадии сигнализации, вплоть до печального финала. От этого трагического конца я и испытываю страх.

Так как симоронисты народ веселый, то в монологе благодарения финальная сцена доводится до гротеска. Намеренно сгущаются краски до такой степени, что невозможно оставаться серьезным. Особенно, если вспомнить, что послужило толчком для создания фильма. Наиболее впечатляющи монологи благодарения, посвященные сигналу первой или второй стадии сигнализации.

Вспомним, как происходило развитие сигнала во время сна Федора — плавания по Крямже. Первая стадия — обрывок разговора о неурожае клюквы на дальнем болоте. Вторая стадия — трапеzia, нарушенная свистом Дундусы. Третья стадия — кража сабли. Четвертая стадия — кораблекрушение и болезнь. Приведем монолог благодарения, который мог произнести Федор, проплывая под мостом.

— Я благодарю вас, мужики, за предупреждение о том, что благополучное плавание находится под угрозой. Возможен неурожай картошки и зерновых. В связи с этим может возникнуть голод. В лесах могут появиться бандитские формирования, которые начнут грабить *водных* туристов. И я могу быть раздет до нитки и подвешен за ногу к высокой сосне...

Вследствие благодарения Федин сон изменился бы, что немедленно проявилось бы на втором экране. Феде пришла бы подсказка, как ему поступить. Это могла быть пролетевшая ворона, указавшая нужное направление, или пронзительный крик совы, или листик, упавший с дерева... А так нашему герою пришлось разбираться с чертями наяву. И разрешив проблему проекций на втором экране, Федя нашел выход и для себя.

Сигнал может предупреждать, что я стану похож на проекцию, перетащу на себя ее проблемы. Больного я благодарю за предупреждение, что могу заболеть, а нищего — за то, что могу обнищать. Если в троллейбусе ругаются, то я благодарю за предупреждение, что я могу с кем-

нибудь поругаться, а впоследствии стать скандалистом. Если баба Мотря рассказывает, что по телевизору сообщили об аварии, то она предупреждает, что и я могу попасть в аварию.

Если акция благодарения проделана с воодушевлением, на одном дыхании, то последствия не заставят себя ждать. Благодаря творческому возобновлению связи с Симороном (создание монолога благодарения и упаковки подарка) страх перед мордоворотом исчезнет. А если, вследствие инерции мышления, страх вернется вновь, то достаточно вспомнить упаковку подарка. При этом **монолог благодарения можно повторно не произносить**, ибо я уже понял, о чем Ваня меня предупреждает. Другими словами, при появлении страха перед Ваней нужно детально воспроизводить журавля до тех пор, пока не будет найден выход. Возможные исходы благодарения перечислены выше, а на самом деле их бесконечное множество, хотя мозг, действуя по шаблону, демонстрирует две или три возможности.

Если мне надоел неизменный образ подарка, то я могу развивать картинку, обогащая ее новыми деталями. К примеру, журавль мог на зеленом заборе начертать лозунг: “Крепись, Маруся!”

Мы не случайно дали мордовороту имя Иван. Симоронцы условились называть все сигналы обобщенным именем: **Ваня, Ванечка**. Это удобно при работе с внутриличностными сигналами: болями, страхами, дискомфортом, неуверенностью, когда на втором экране нет **сигнализатора**, то есть объекта второго экрана, послужившего мне препятствием (в нашем примере — мордоворот). Одна симоронистка не вынесла ущемления женских прав и предложила называть сигнал Маней. Читатель может сам придумать подходящее имя для сигнала, хоть Африкан Нурмухамедович.

В результате благодарения негармоничный сигнал преобразуется в сигнал успеха. Сюжет подобного превращения неизменно присутствует в русских сказках — Иванушка-дурачок, пройдя трудные испытания, становится Иваном-царевичем.

Подведем краткий итог. Я пропустил зарождающийся сигнал, самый первый, дальний, не успел сказать ему ПВБ. Он уже привлек мое внимание, я вышел из состояния парения и включился в навязанную мне игру. И если я не отблагодарю вовремя возникшее препятствие, не выдам ему то, на что оно покушается, то препятствие может войти в мое личностное окружение (третья стадия сигнализации), может возникнуть сигнальный вихрь. Работу с сигналами третьей стадии мы разберем чуть позже в разделах о переименовании.

Я произношу монолог благодарения (не обязательно вслух), в котором благодарю препятствие во внешней среде за предупреждение о том, что я совершил ошибку и двинулся не в том направлении. Дарю сигналу подарок в красивой упаковке — оригинальную воображаемую картинку. Каждый раз, когда сигнал напоминает о себе, я воспроизвожу упаковку подарка. В результате акции благодарения открывается просвет в череде препятствий, открывается выход, который я не видел, пока работал с препятствием по принципу Дон-Кихота. Благородный рыцарь должен был обязательно убедить мельницу в том, что она его оппонент, и сразиться с ней на равных.

О результатах симоронских акций. Сплэн.

Никто, конечно, не говорит, что Незнайка был неисправимый лентяй. Научившись как следует читать, он просиживал целыми днями над книжками, но читал вовсе не то, что было нужней, а то, что поинтереснее, главным образом сказки... Главное, говорил Незнайка, что тот, у кого есть волшебная палочка, может всему без труда научиться, а есть ему даже не нужно учиться, а только взмахнуть палочкой.

Н. Носов. Незнайка в Солнечном Городе

Когда мы парим, то **любой наш план, любой замысел беспрепятственно осуществляется**. Это идеал, так должно быть, так мы устроены. Если мы незаметно отошли от

природного пути, перед нами вырастает преграда. В результате благодарения (или других симоронских акций) происходит трансляция творческого луча на второй экран. И второй экран продемонстрирует **наилучший исход для всех участников** вселенского спектакля. В преграде обнаруживается просвет, выход, которого раньше мы не замечали. Воспроизведя образ подарка или утвердив формулу успеха (см. раздел «Техники переименования»), мы возвращаемся на **трассу парения**, и ситуация **сама по себе** разрешится. Причем часто неожиданным способом.

Так было с симоронисткой Аней, у которой не складывались отношения с подчиненной. Аня ее отблагодарила, и буквально на следующий день та нашла более высокооплачиваемую работу и уволилась. В выигрыше оказались обе.

Посему симоронист **не программирует исход, не ждет конкретного результата и готов к любому итогу**. В этом коренное отличие Симорона от магии, колдовства и других систем, которые работают на конкретный результат и пытаются навязать миру волю своей личности. Симоронист сам не предпринимает активных действий, не проявляет инициативы. Он **действует по запросу**, когда внешние обстоятельства побуждают его к этому. И с его стороны последует лишь **корректное приглашение к танцу**, и не более того. Мир может отвергнуть это приглашение, если оно исходит не от Симорона, а подкрашено личным интересом. Если инициатива исходит от меня, а не от сигнала, может получиться так: лежит окровавленный человек, я бросаюсь вытирать ему кровь. А он, пробудившись, бьет меня кувалдой по голове. За что? А он говорит: «Не лезь в мои дела!»

Приведем пример непредсказуемой развязки событий. Нашей знакомой не выдавали зарплату перед Новым годом — на предприятии не было денег. Она отблагодарила этот сигнал, и внезапно ее отделу другое предприятие заплатило деньги за давно выполненную работу, которые она и не надеялась получить.

Симоронавт напоминает Емелю, который лежит на печке (в крайнем случае — на диване) и руководит всеми процессами на Земле. Образ Емели олицетворяет одну из основных заповедей Степаныча: **симоронист своими ногами никуда не ходит**. Ибо, если он будет бегать, пытаясь заткнуть все дыры, то никуда не успеет. Основное состояние симорониста — это состояние СПЛЕНА (Состояние Приятной ЛЕНости). Когда ленивец висит на хвосте на дереве, окружающие его граждане возмущенно кричат: «Какой позор! В то время, когда мы строим социализм или капитализм, он, видите ли, висит на хвосте!» А ленивец не суетится, не делает лишних движений, он выполняет свою природную задачу, он — настоящий симоронист. И он выходит из этого состояния, когда ему нужно что-то реальное выполнить. И если после прочтения этой книги вы обнаружите себя висящим на одной ножке на дереве, то считайте себя симоронистом, и мы вам заранее аплодируем!

Третий экран.

— *Какие здесь вещи текущие!* — жалобно проговорила Алиса... — *Полезу за ней до самой верхней полки. Не улетит же она сквозь потолок!*

Но из этой затеи ничего не вышло: вещица преспокойно вылетела себе сквозь потолок...

— *Грести умеешь?* — спросила Овца и подала Алисе пару спиц...

В ту же минуту спицы у нее в руках превратились в весла. Она увидела, что сидит в лодочке, а лодочка скользит по реке меж берегов.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

У читателя может возникнуть вопрос: откуда мы взяли журавля для подарка Ване? На втором экране никакого журавля не было. Адепт одной школы сказал бы, что мы считываем информацию с ноосферы, а представитель другой — что из астрала. Могут сказать, что эта информация приходит к нам оттуда, откуда приходят сны, грезы и фантазии. Это попытки обозначить разными

словами одну и ту же инстанцию, которую в Симороне называют третьим экраном или, сокращенно, **“трэком”**, хотя буквальных аналогов этого понятия в других системах нет.

Напомним метафору о планетарии. Есть источник света в планетарии (Симорон), помещенный в шар с дырочками (личность). Сквозь дырочки лучи следуют дальше и выписывают под куполом планетария видимость звездного неба — это внешняя среда по отношению к личности — второй экран. Наивно было бы предполагать, что творчество Симорона ограничится вторым экраном. Луч бесконечен, он следует дальше, и за пределами второго экрана открывается третий. Пройдя через звездочки на черном небосводе планетария, лучи следуют дальше через крышу, и там открывается бесконечный, беспредельный купол, на котором лучи прорисовывают свои продолжения.

Представьте маленькую фотографию, которую поместили в газете в очень укрупненном виде. Точки, сделавшие эту фотографию резкой, контрастной, увеличились и стали различимыми. На маленькой фотографии они не заметны, а когда мы ее увеличили, они стали видны. Примерно то же самое мы видим на трэке, являющимся продолжением второго экрана. Конкретные очертания форм, структур второго экрана размываются и становятся нерезкими. Третий экран — это отсутствие четкости, размывание всех форм, бесконечное движение, переливание, перетекание одного в другое. Трэк довольно убедительно изображен Робертом Желязны в “Хрониках Амбера”, там он называется Хаосом.

Третий экран — это основной экран, на который проецируется излучение Симорона. Это как бы первооснова, фундамент мира, который мы привыкли видеть, ощущать вне себя. Симоронские лучи, пройдя через фильтр первого экрана, затем через фильтр второго, выписывают на третьем экране исключительно подробные картины, которые не угадываются ни в одной из форм второго экрана.

Мы привыкли ограничивать мир вторым экраном, модель которого внедряется с помощью родителей, педагогов, окружения, и делаем вид, что не замечаем трэка, хотя подсознательно осуществляем перевод трэковской информации в привычные формы второго экрана. И хотим мы этого или нет, мы всегда работаем с третьим экраном.

Чтобы увидеть трэк, достаточно убрать второй экран, например закрыть глаза. Мы можем увидеть какие-то искры, точки, полосы, пятна — это трэк. Если некоторое время понаблюдать за этими искрами, пятнами, они могут соединиться в привычные образы: людей, зверей, машин...

Мы описали стандартный способ увидеть трэк. Но у многих людей есть другие, привычные для них, способы. В частности, одна наша знакомая предпочитает видеть трэк боковым зрением. Для наблюдения трэковских образов Дон Хуан предлагал расфокусировать взгляд (см. книги К. Кастанеды). Спонтанное видение трэка происходит в сновидениях.

Симоронист не ждет, пока появится изображение на трэке, а **сам рисует** его. Разрисовка трэка происходит очень быстро, и создается иллюзия, что трэковские картинки существуют сами по себе, а мы “видим” их, считываем с трэка. В дальнейшем мы будем употреблять слово “видеть” применительно к третьескранным образам, подразумевая при этом слово “рисовать”.

Обучение работе на трэке в системе Симорон осуществляется посредством большого количества тщательно подобранных упражнений, что требует значительного времени. Изложение этого обширного материала не входит в задачи данной книги.

Техники переименования.

— Я из-под Холма; мой путь лежал через горы, под горами и по воздуху. Я тот, кого никто не видит.

— Это-то я и сам вижу, — ответил Смог. — Но вряд ли это твое настоящее имя.

— Я — Разгадывающий загадки и Разрубающий паутину, я Жалящая Муха... Я тот, кто живыми хоронит друзей, топит их и достает живыми из воды. Я тот, кто невредимым выходит из костра, из воды,

из-под земли... Я — друг медведей и гость орлов. Находящий кольца, Приносящий счастье, Ездок на бочках, — продолжал Бильбо, очень довольный своими загадками.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит

Ранее мы рассмотрели работу с сигналами на первой стадии (дальнее окружение) и на второй стадии (окололичностное окружение). На этих двух участках можно легко справиться с проблемой, воспользовавшись благодарением. Однако, если мы не сделали ПВБ на первой стадии, не отблагодарили сигнал на второй, то проблема достигнет уровня личностного окружения. И сигналу придется уделять больше внимания.

Как мы работаем с сигналами третьей стадии? Первый шаг для того, чтобы вернуться к парению, восстановить связь с Симороном — произнесение монолога благодарения, который останавливает нарастающую лавину невзгод. Подарок мы не дарим, вместо него последует **акция переименования**, но чтобы перейти к ней, мы сделаем небольшое отступление.

Следующая легенда взята нами из книги Д. Чопры “Путь волшебника”. Однажды Мерлин, указав на короля Артура, предложил наградить мешочком золотой пыли человека, который сможет сказать, кто это такой. Были разные ответы: сын Утера Пендрагона, английский монарх, цветок Альбиона и так далее. Мерлин высыпал золото в окно, объяснив свой поступок тем, что только ветер дал ему правильный ответ, так как ветер не умеет говорить.

Подобно Артуру, каждый из нас пользуется в театре жизни большим набором ролей, большим набором **масок**. Фактически, личность представляет собой набор масок, упаковок Симорона. Любую маску можно назвать, дать ей **имя**, описать словами, что и делали придворные короля Артура.

Если подсчитать все маски, которыми мы пользуемся в течение дня или всей нашей жизни, то этот список будет бесконечным: маски пассажиров транспорта, маски работников, покупателей, учащихся, маски членов семей и так далее. Начиная со дня рождения, наши маски постоянно меняются, становятся все более разнообразными, виртуозными.

Так ли важно держаться за какие-либо маски, если мы можем легко и свободно их менять? Когда мы упорно держимся за неудачную маску, у нас начинаются неприятности. Представьте, что я буду держаться за маску больного: “Лечите меня или не лечите, я больной!”, или за маску неудачника, или за маску конфликтующего на работе, неуспевающего, отверженного, угнетаемого и так далее. Это лишь маска, которая требует от меня демонстрации себя в определенных ролевых ситуациях.

Исходя из модели планетария, можно заявить, что среда вокруг нас (на втором экране) соответствует надетой маске. **В результате смены маски окружающая обстановка меняется**, как было с гадким утенком, которого все лупили, а когда он стал прекрасным лебедем, все ему аплодировали.

Приведем известную дзэнскую притчу. За одним монахом гнался тигр. Убегая, монах оказался на краю обрыва. Он стал спускаться по лиане и увидел, внизу другого тигра. Вдобавок лиану стала подгрызать мышка. И вдруг монах увидел спелую ягоду земляники. Протянул руку и съел самую вкусную ягоду в жизни.

Монаху удалось спастись, иначе мы никогда не узнали бы этой истории. Мы подошли к ключевой идее системы Симорон, идее **переименования** (смены масок). **Диагностическое имя** (старая маска) монаха звучало примерно так: “Я тот, который висит на лиане, перегрызаемой мышкой, и которого поджидают тигры”, а **новое имя**: “**Я тот, который ест ягоду земляники**”.

Предположим, что моя маска неудачна, задерживает часть излучения. Тогда появляется проекция (сигнализатор), которая сообщает об этом. Я разотождествляюсь с личностью (снимаю маску), возвращаюсь к центру — Степанычу и выясняю потребность проекции. Затем подбираю новую маску, которая беспрепятственно пропускает симоронское излучение. Передача излучения происходит в виде конкретного действия, выполняемого от имени новой маски. В результате второй экран сигнализирует: “Все о’кей!” Проекция преображается, препятствие исчезает.

Для наших практических целей будут нужны специфические имена — **формулы переименования**, заимствованные из древних источников. Эти имена выражают процесс трансляции симоронского излучения на второй экран. В таких именах присутствуют три элемента. **Я** как Симорон (а не личность); **объект второго экрана** как моя проекция; и то **излучение**,

которое я ей транслирую. Как в классической триаде: бог Отец, бог Сын и бог Святой Дух. Я — бог Отец; тот, кому я даю, посылаю благо — мое дитя; то, что я ему даю — трансляция, передача, дух.

При этом в формулу вкладывается **конкретное содержание** созидательной акции, трансляции блага. Приведем примеры симоронских имен: Я тот, кто ремонтирует стул; Я тот, кто сажает дерево; Я тот, кто причесывает собаке загривок; Я та, кто угощает Васю сметаной. Обратим внимание, что все действия в этих именах совершаются в **настоящем времени**, они как бы продлеваются “здесь-и-сейчас”.

С симоронской точки зрения в имени **“Я тот, кто ест ягоду земляники”** не только нет трансляции на второй экран, а налицо попытка забрать, “перетащить одеяло” со второго экрана на первый. Такого же типа и формулы: “Я та, кто радуется цветам” или “Я та, кто любит закатом”. Более точно построены имена: **“Я тот, кто выращивает ягоду земляники на краю обрыва”**, **“Я тот, кто наливает спелостью ягоду земляники”**. В этих именах я подчеркиваю свой симоронский статус — именно я спроецировал ягоду, впрочем, как и тигров.

Если я скажу: “Я тот, кто любит людей” или “Я тот, кто дарит всем радость”, то эти имена могут работать слабо. Кого и как конкретно я люблю? Кому и как я дарю радость? Обращаем ваше внимание на это еще и потому, что в последнее время принято по поводу и без повода таять от признания в любви к Богу, к человечеству или к чему угодно. Человек получает море удовольствия от того, что он говорит: я всех люблю, и не замечает голодного щенка, которому всего-то и надо, что шкурку от колбаски дать. И пока он будет признаваться в любви к человечеству, щенок умрет на его глазах.

Я могу переименовать не свою личность, а сигнализатора, ведь и то и другое — упаковки моего истинного Я, Симорона. Например, у меня конфликты с тещей. Ее диагностическое имя: “Я та, кто закатывает скандалы”, а новое имя: **“Я та, кто нежно гладит котенка”**. В этих именах подчеркнуто, что теща — это тоже Я. Можно переименовать не тещу, а свою личность: **“Я тот, кто мастерит полочку для тещи”**. В конечном счете, все равно, кого переименовывать — сигнализатора или личность, так как в обоих случаях я работаю со своими упаковками.

Если сигнал вошел в личностное окружение (третья стадия), например теща выгоняет меня из дома, очевидно, что длинная цепочка предыдущих сигналов осталась без внимания. Препятствие, возникшее передо мной (теща), является последним звеном в этой цепочке. Когда я вдохновенно, искренне говорю: **“Я тот, кто мастерит полочку для тещи”**, я отождествляю себя с Симороном и транслирую препятствию симоронское излучение.

Если маска приросла (“Я тот, кто ненавидит тещу”) и отодрать ее непросто, то превращение происходит не мгновенно, не сразу. Когда я регулярно повторяю (пропечатываю) новое имя, окружение начинает вести себя в соответствии с новой маской.

Допустим, я печатаю на машинке, и текст получается бледным, тогда я возвращаю каретку и еще раз пропечатываю. Я проявляю фотографию, пока не пропечатается четкое изображение. Я повторяю, воспроизвожу формулу, утверждаю через ее трансляцию симоронские права и полномочия до тех пор, пока проблема не разрешится полностью.

Могут спросить: сколько времени надо пропечатывать новое имя? Это зависит от того, в какой стадии находится сигнал и насколько прочно я связан с Симороном, насколько легко я могу «разотождествиться» со своей личностью. Время пропечатки не определяется по каким-то объективным законам, а каждый устанавливает это время для себя сам. Поэтому для разрешения схожих проблем, одному может понадобиться 27 секунд, другому — 27 лет, а третьему — 27 жизней. Если я смогу рассмеяться, увидев свою личность в “оковах” драматической ситуации, то освобождение произойдет гораздо быстрее.

Нужно пропечатывать новое имя каждый раз, когда я замечаю, что принимаю старое. Если это имя давнишнее, то слишком много предметов второго экрана связано с ним. Допустим, я прожил с женой десять лет, и все эти годы я ее любил. Вдруг она ушла от меня к Ивану Ивановичу. Огромное количество различных сигналов напоминает мне о ней: мелодия, под которую мы танцевали; парк, в котором гуляли; запах ее духов; одежда; голос; общие знакомые... Каждый раз вместо диагностического имени: “Я тот, кого бросила жена” я пропечатываю новое имя. И ситуация каким-то образом разрешится: жена может вернуться или я встречу женщину своей мечты, а, может быть, женщины вообще перестанут меня интересовать...

Перейдем к описанию конкретных техник переименования. В целях сокращения объема монолога благодарения в примерах переименования мы опустим.

Переименование с поиском корня.

Зри в корень.
Козьма Прутков

Долго ли, коротко ли летел Федор на ковре. Он был опьянен успехом и не заметил маленькое пятнышко в чистом небе. Вскоре пятнышко превратилось в облачко. Увидев его, Федя испытал легкую досаду, но тут его внимание отвлекла Баба-Яга, с гомерическим хохотом пронесшаяся в ступе с реактивным двигателем.

«Хорош движок, 27 драконьих сил. Эх, мне бы такой», — подумал Федор и поежился от сильного порыва ветра. Подняв голову, он увидел зловещую грозовую тучу. Хлынул ливень. Ковер промок и стал стремительно терять высоту. Федю спасло только то, что он шел на бреющем полете и вовремя успел прыгнуть в подвернувшийся стог сена.

Пока Федя приходил в себя, дождь кончился, и поляну заволокло густым туманом. И почудилась Феде в очертаниях тумана знакомая фигура Дундусы.

— Что, голубчик, опять завихрился?! — съязвила она.

Федя приготовился к очередному внушению. И Дундуса привычно загнула свое повествование.

— Когда я ходила в девках, мои родители купили дачу. Там был замечательный огород, но в одном месте рос хрен с огромными листьями. Каждую неделю я выдергивала листья, но они отрастали вновь. Тогда я замыслила **удалить корень** и выкопала глубокую яму. Корешок был тоненький и обломился. «Ну и хрен с ним», — подумала я. Все лето не было хреновых листьев, и я забыла о них. Следующей весной я приехала на дачу и ахнула. Меня встретили пять хреновых побегов вместо одного. Я поняла, что нужно **докопаться до самого начала**, иначе хрен заполонит весь огород. С особой осторожностью я докопалась до того места, где структура грунта не была нарушена корневой системой. На этом месте я посадила яблоню, и до сих пор она дает невиданный урожай несколько раз в год.

Туман рассеялся, и Федя подумал: «Чудится всякая галиматья! Наверное, контузило при падении».

Но внушение Дундусы внедрилось в его подсознание, и он начал перебирать транспортные неудачи в своей жизни. Федя почувствовал, что **погружается все глубже и глубже в прошлое**.

Он вспомнил яркий эпизод из детства. Когда Феде было три года, папа смастерил ему самокат на подшипниках. Федя вырулил на дорогу, где встретил соседского Гришку. На просьбу Гришки прокатиться Федя ответил отказом и поехал дальше. Как черт из табакерки, на дорогу выскочил домовый Кузя и отобрал самокат. Федя пришел домой зареванный, а отец его вдобавок выпорол.

«Зря не дал Гришке покататься», — сделал вывод Федор. Он представил, как дает Гришке самокат. Гришка предлагает поехать на речку, чтобы погонять с горки. Федя пережил неповторимое **чувство свободы** и скорости, которыми сопровождался спуск с горки.

В ту же минуту Федя уловил странный шум. Из-за соседнего стога сена показалась русская печь, на которой возлежал мужик в треухе:

— Подвезти, что ль?

— Благодарствую.

— Ложись, вдвоем веселее.

Под звуки балалайки и удалых песен печка скрылась из вида.

Рассмотрим ситуацию третьей стадии, когда сигнал подошел к вам вплотную. Возьмем случай из практики симоронистки Вари.

— Я пришла домой 23 февраля, а мой сын сидел с друзьями и распивал вино. Это меня очень встревожило. Стала искать эпизод, когда я в первый раз испугалась пьяного человека. Вспомнился момент, когда мне было три года. Я помню все очень подробно. Мы ждем отца, сестра делает уроки, бабушка готовит. Отца все нет и нет. Бабушка говорит, что, наверное, он придет пьяный. И продолжает: «Вы вечно виснете на отце, нет, чтобы ему сказать: ах ты такой-сякой! Соседский мальчик сказал, и его отец две недели не пьет!»

Приходит отец, и мы ему говорим то, чему научила бабушка. Начался скандал. Отец замахнулся на маму, и она убежала. Затем он бросил в бабушку пальто, чтобы замолчала. Сестра сказала ему что-то обидное и убежала, а я сижу на стуле. И хотя я очень любила папу, я ему сказала, что он — пьяная свинья. Он подошел ко мне и замахнулся.

Я мысленно переиграла ситуацию — уговорила бабушку испечь пироги, и мы встретили его с пирогами. Я стала повторять имя: **“Я та, кто встречает папу с пирогами”**. Мой сын постепенно перестал встречаться с пьющими ребятами, а затем поступил в институт, и у него появились новые друзья.

Прокомментируем этот рассказ. Диагностическое имя Вари: “Я та, кто встревожена выпивками сына”. Чтобы разрешить проблему с выпивками, Варе не обязательно переименовывать всех пьяных людей (сигнализаторов проблемы) в ее жизни, которые произвели на нее впечатление. Ведь на это могут уйти годы. Можно применить симоронскую технику **поиска корня** — найти самого первого сигнализатора и протранслировать ему симоронское излучение. Если я сделаю это качественно, то он передаст по всей цепи сигналов: “Ребята! Это наш, пропустите его”. И все часовые, которые стоят в этом лабиринте, пропустят меня.

Если сразу не удастся отыскать корень, я исследую цепочку сигналов, начиная с последнего. И постепенно, развязывая узелок за узелком, прихожу к первому подобному событию в своей жизни. Варя вспомнила первый пропущенный сигнал — приход домой пьяного папы. Она могла поступить двумя способами.

Первый способ. Задача — **найти благодарственный поступок** (то есть действие, выражающее трансляцию симоронского излучения сигнализатору) по отношению к сигнализатору (папе), относящийся к тому же времени, что и корневой эпизод. Так как папа сильно напугал Варю, то он нуждался в спокойствии. Например, Варя могла вспомнить, что на папин день рождения нарисовала для него картинку. На ней мама, бабушка и папины друзья вручали ему цветы, воздушные шары и другие подарки. Папа был очень растроган подарком и хранит рисунок до сих пор. Благодарственный поступок Вари включается в формулу переименования: **“Я та, которая рисует день рождения папы”**.

Второй способ. Варя мысленно возвращается в преддверие корневого эпизода, когда еще все безоблачно, когда ничего не предвещало драмы. Нужно **разыграть события по новому сценарию**, выдать сигнализатору спокойствие. Варя уговаривает бабушку испечь пироги и встретить папу с пирогами, что и было зафиксировано в новом имени.

В новом сценарии Варя не ждет, пока кто-то другой изменит ситуацию, а сама предпринимает активные действия, чтобы подарить папе спокойствие. К примеру, она могла бы представить, что бабушка увлеклась радиопередачей о воспитании детей, одумалась и сказала: “Ой, что это я! Родителей надо почитать”, — и папу встретили бы уважительно. В этом примере Варя пассивна, зависит от обстоятельств и складывает с себя симоронские полномочия. Напротив, в эпизоде с пирогами Варя — главное действующее лицо, транслятор симоронского излучения.

Второй способ переименования (не всегда в симоронском варианте) часто использовали герои фильма “Назад в будущее”. Варя предпочла этот способ, хотя оба метода равноценны. Федор, дав Гришке самокат, тоже использовал его. Если кому-то трудно вспомнить благодарственный поступок, то применяется метод “назад в будущее”.

Человечество поддерживает очень сильную веру в причинно-следственную связь событий. Поэтому техника переименования с поиском корня (причины) весьма эффективна. Она часто используется в психотерапии и является, по-видимому, одной из древнейших. В книгах Карлоса Кастанеды описана одна из базовых техник Дона Хуана — перепросмотр, по существу являющийся схожей техникой.

С.К.Кинг в книге “Городской шаман” приводит несколько примеров применения похожей техники. Невероятный случай произошел с жительницей Калифорнии, которая сильно обожгла ногу о выхлопную трубу мотоцикла. Ожог долго не заживал. Она представила благополучный исход события (без касания выхлопной трубы), прокрутила его в воображении сорок раз и получила впечатляющий результат — тяжелая рана затянулась за три дня.

Отметим, что многие идеи и техники этой замечательной книги перекликаются с симоронскими.

В нейро-лингвистическом программировании (НЛП) широко используется похожая техника “изменение личностной истории”. В последнее время в России идеи кармы, благодаря господину С.Н.Лазареву, стали внедряться в обыденное сознание. Техника переименования с поиском

корня, фактически изменяющая карму, встречает понимание и принятие. Отметим, что варианты переименования с поиском корня являются основными в холодинамике и дианетике.

Эффективное использование техники поиска корня основано также на том, что человек последовательно вспоминает яркие картины собственной жизни, как правило, глубоко погружаясь в детство. И испытывает вновь те острые и насыщенные эмоции, которые можно пережить лишь ребенком.

Сделаем несколько замечаний для тех, кто захочет применить технику переименования с поиском корня в работе с заказчиком*. Все начинается с того, что человек излагает проблему. Затем следует отыскать более ранний эпизод его жизни, похожий на проблемный. Потом еще более ранний, и так до тех пор, пока не будет найден эпизод, за которым не видно предыдущего. Этот эпизод считается корнем сегодняшней проблемы. Как правило, корневые эпизоды располагаются в раннем детстве. Чтобы помочь человеку **вспомнить корень**, можно рассказать несколько историй о том, как другие **вспоминали** корневые эпизоды. Причем, следуя сложившимся канонам, можно рассказать несколько историй, вложенных одна в другую (так называемая спираль Милтона Эриксона). Пример работы по изложенному плану описан в рассказе “Так с беременными не поступают!”.

Переименование актуального сигнала.

— Все на ней вкривь и вкось! — подумала Алиса, глядя на Королеву...

— Разрешите, я поправлю вам шаль, — сказала она вслух. — Она съехала на бок... А волосы! В каком они виде!

Алиса осторожно вытащила щетку и, как могла, причесала Королеву.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Едут Федя с Емелей на печке.

— Как отыскать мне принцессу? — спросил Федор.

— А на кой ляд она тебе?

— Влюбился во Фросю, и без нее мне свет не мил, — ответил Федор.

Видя, что Федя пленен очередным миражом, опытный волшебник понял, что брать того в ученики для передачи знаний рановато.

«Обучу я его хотя бы работе с актуальным сигналом», — подумал Емеля.

— Иди, Федя, по этой тропинке. Увидишь терем — не терем, избу — не избу. Там найдешь то — не знаю что. Если тебе удастся взять это с собой, то оно поможет найти принцессу.

Федор обнял Емелю, слез с печки и зашагал по тропинке. Она привела его к избе без окон, без крыльца. Он туда вошел и спрятался за печью. Вдруг входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток. Да как крикнет: “Эй, сват Хрон, есть хочу!” Откуда ни возьмись, появляется стол накрытый, на нем бочонок пива да бык печеный, в боку нож точеный. Мужичок сел возле быка, вынул нож точеный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать, да похваливать. Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива. “Эй, сват Хрон, убери обьедки!” Стол пропал, как и не бывало.

Федя дождался, когда уйдет мужичок. Вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Хрон, покорми меня...

Откуда ни возьмись, появился стол, на нем разные кушанья, закуски и заедки, вина и меды. Сел Федя за стол и говорит:

* Система Симорон предназначена для работы с собственной личностью. Однако многие техники можно использовать для решения проблем других людей. В симоронских историях содержится большое количество примеров работы с заказчиком.

— Сват Хрон, садись со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо тебе, добрый человек. Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал. А ты меня за стол посадил.

Смотрит Федя и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает. Вина и меды сами в рюмку наливаются — рюмка скок да скок.

— Сват Хрон, покажись мне...

— Нет, меня никто не может видеть, я то — не знаю что.

— Сват Хрон, хочешь у меня служить?

— Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый.

И отправились они дальше вместе.

Техника поиска корня, изложенная выше, предполагает долгое и трудоемкое исследование, погружение в прошлое. И не всегда можно с уверенностью найти источник — первый пропущенный сигнал. В этом случае можно применить технику **переименования актуального сигнала**. Последний **актуальный** сигнал в череде вихревых наслоений содержит всю информацию предшествующих сигналов — он вырос из них как их продолжение, их наследник. Если я качественно переименовываю актуальный сигнал, находящийся передо мной, то выхожу из тесных объятий вихря. Но для этого нужно проделать определенную работу.

Предположим, Иван Иванович занял у меня крупную сумму денег и полгода не отдает их. Из-за этого я потерял сон и аппетит. Это сигнал третьей стадии, он вошел в мое личностное окружение.

Иван Иванович лишает меня душевного покоя, равновесия, значит, именно этого ему не хватает. Я наблюдаю, в чем конкретно проявляется недостаток душевного равновесия Ивана Ивановича. Допустим, что он весь измят, неухожен, недобрит. На столе у него беспорядок, телефонная трубка три дня назад снята с аппарата. Глаза дергаются, левый ус висит. И я начинаю распечатывать свои дырочки, транслировать ему благодущие. Я говорю (про себя, разумеется, хотя, если он готов, можно и вслух):

— Я выглаживаю твои брюки. Я брею тебя. Навожу порядок на столе. Я кладу трубку на телефонный аппарат. Я смазываю веко женьшеневым кремом. Подкручиваю ус. Я завариваю свежий чай (вместо заплесневелого, который стоит неделю).

И я замечаю — какое-то из моих предложений принято (если я выдал достаточный набор). В тот момент, когда я сказал: “Подкручиваю твой левый ус”, он мог улыбнуться, или сесть поувереннее, или облегченно вздохнуть. Стало быть, я протранслировал ему душевный покой, и он его почувствовал. Я ввожу это в формулу: **“Я тот, кто подкручивает левый ус Ивану Ивановичу”** и начинаю ее печатать (необязательно в его присутствии) до тех пор, пока внешние обстоятельства не покажут мне, что ситуация разрядилась. В чем это может выражаться? Иван Иванович может отдать мне долг, либо я получу большую премию, либо выплатят задолженность по зарплате, либо деньги отменяют и так далее.

Наш герой Федор смог разгадать и удовлетворить потребность свата Хрона в душевном комфорте, которого тот не получал в течение многих лет. Симоронское имя Федора звучит примерно так: **“Я тот, который угощает свата Хрона”**.

Приведем типичный пример работы с актуальным сигналом.

— Поздней ночью я вез семью домой и нарушил правила: ведь ночью — ни машин, ни тем более гаишников. Я диву дался, когда, откуда ни возмись, возник инспектор с полосатым жезлом. Он показал остановиться. Я поблагодарил (про себя) инспектора и заметил, что ему холодно стоять в ботинках. На улице был сильный мороз, и инспектор неосознанно исполнял чечеточку — у него замерзли ноги. Я мысленно предложил ему летные унты, отороченные оленьим мехом, и стал повторять имя: **“Я тот, который дарит унты инспектору”**. Он отпустил меня, слегка пожурив.

Переименование с поиском симоронского следа.

Когда вы смотрите на пепелище, смотрите внимательно.

Д. Чопра. Путь волшебника

Если ты оказался в темноте и видишь хотя бы самый слабый луч света, ты должен идти к нему, вместо того чтобы рассуждать, имеет смысл это делать или нет. Может, это действительно не имеет смысла. Но просто сидеть в темноте не имеет смысла в любом случае.

В. Пелевин. Затворник и Шестипалый

И обратился Федор к своему невидимому спутнику:

— Помоги мне найти принцессу, сват Хрон.

— Знает про то одна старая лягушка, живет она в болоте триста лет. Отправляйся к ней, мне там делать нечего. Есть у меня в тридевятом царстве тетка. Она дама сенситивная и сегодня прислала телепатическое сообщение — просит проведать. Отпусти меня, Федя, а коль понадобится, позови меня по имени и я тебя разыщу.

— Ступай, сват Хрон.

И отправился Федор на Нижне-Варгунское болото. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Долго ли, коротко ли брел Федя, пришел к болоту и стал звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Выдь ко мне из болота!

Старая лягушка выползла из болота.

— Знаешь ли, где найти принцессу Фросю?

— Проводила б я тебя, да больно стара стала, мне туда не допрыгать. Да и река огненная путь преграждает. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит. Одна я могла через нее перепрыгнуть, когда комсомолкой была.

— Расскажи мне о своей жизни, ты ведь много повидала.

— Давно я голодаю, совсем силы потеряла. А ведь было время — посидишь в парном молочке, подзарядишься энергией и можешь прыгать хоть на край света. Да где же его взять, молочко-то. Пока до деревни допрыгаешь, околеешь.

Пошел Федя в деревню, надоил молочка и принес его в горшочке. Посадил туда лягушку-скакушку и пошел с нею к огненной реке. На берегу вынул Федор лягушку из горшочка и положил наземь.

— Ну, добрый молодец, садись теперь мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая: чай, я тебя задавлю!

— Не бойсь, не задавишь. Садись, да держись крепче.

Сел Федя на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась-дулась — сделалась словно стог сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять она дулась-дулась — стала выше темного леса, да как скакнет! И перепрыгнула через огненную реку.

— Вот мы и на острове Буяне, Федя. Отсюда до принцессы рукой подать.

Техника переименования с поиском **симоронского следа** построена на основе фундаментального симоронского принципа: **в любой проекции всегда находится элемент**

созидания. В каждом разрушительном явлении можно найти искорку Симорона — симоронский след. Например: засыхающее дерево, а у него мощные корни; у собаки лишай, но она вожак стаи; машина с разбитым стеклом, но это “Победа”.

Я нахожу этот след — остаточный резерв симоронской силы, природных прав. Как профессионального следопыта он выведет меня к искомому имени. В наших примерах эти имена звучали бы примерно так: **“Я тот, кто выпускает мощные корни”, “Я тот, кто руководит стаей”** и так далее. В качестве примера приведем историю из жизни симоронистки.

— Еду в метро. В конце вагона сидят двое бездомных грязных мужиков с деревянными палками, в рваных пальто, но в руках оба держат по толстой книге и вроде бы с увлечением читают. Входит третий бездомный и идет вдоль вагона. Вид его ужасен. Он не только грязный, но и побитый: под глазом синяк, голова бритая, на ней порезы и следы запекшейся крови. Останавливается напротив меня, и я, забыв обо всем, даю ему денег.

Два других бомжа открывают дискуссию, что им не легче, а почему-то им денег никто не дает, и они не падают так низко, чтобы просить подаяние. Понимаю, что я поддаюсь на провокацию — меня поймали на жалости. Народа в вагоне мало, шум раздражает всех, и бомжей просят уговориться. Сразу нахожу симоронский след — бомжи, а книги читают, да такие толстые. Печатаю имя: **“Я тот, который читает толстую книгу”**. В вагоне тишина. Побитый бомж сел возле входа на корточки и не просит ни у кого денег, двое других взяли за книжки и читают.

Эта техника часто используется симоронистами для работы с заказчиком. Приведем короткий пример.

Передо мной подчиненный, то и дело уступающий деспотичному начальнику. Но по некоторым вопросам у него есть **собственные суждения, которые он высказывает вслух**, это — симоронский след. Надо его расширить. Я его спрашиваю: какие именно суждения он высказывал? Заказчик сообщает, что при работе над одним документом у него была масса идей. Почти все начальник отверг, а двадцать седьмой параграф был принят в редакции заказчика. Симоронский след расширен до симоронского имени: **“Я тот, который изменяет двадцать седьмой параграф”**. Если это имя построено точно в соответствии с внутренними ожиданиями сигнализатора (начальника) — он “замучит”.

Дадим необходимые пояснения. Человек излагает проблему. Надо дать ему выговориться, позволить самому обнажить симоронский след. Как только в рассказе заказчика обнаружится симоронский след, я обращаю его внимание на это, пытаюсь расширить след до симоронского имени, которое составляется на основе конкретного поступка заказчика. Печатаю полученную формулу, он раздувает искорку симоронского следа в пламенный костер, и его проблемная ситуация разрешается.

Переименование через трэк.

Алиса поглядела кругом на цветы и травы, но не увидела ничего подходящего. Неподалеку стоял гриб — большой, почти с нее ростом. Она заглянула за него, и под него, и по обе стороны от него. Тут ей пришло в голову, что, если уж на то пошло, можно посмотреть, нет ли у него чего-нибудь на шляпке? Она поднялась на цыпочки, заглянула вверх — и встретила глазами с огромной синей гусеницей. Та сидела, скрестив на груди руки, и томно курила кальян, не обращая никакого внимания на то, что творится вокруг.

Л. Кэрролл. Приключения Алисы в Стране Чудес

Тем временем принцесса вся измаялась, и стали ее одолевать мрачные думы:

— Что если меня никто не найдет и пройдут мои лучшие годы в этой дыре?

С потолка пещеры монотонно капала вода, и под эти звуки принцесса провалилась в сон. Приснилось ей, что нашло ее чудовище: руки кривые, со звериными когтями, ноги лошадиные, спереди и сзади горбы верблюда, весь мохнатый, изо рта торчат кабаньи клыки, нос крючком. Закричала Фрося истощенным голосом и всплеснула руками белыми:

— Всю жизнь мне теперь с этим чудищем мучиться! Лучше брошусь под электричку, чем жить с ним!

Погоревала так принцесса, да делать нечего — завтра свадьба. Стала она себе рефрейминг делать:

— А может, есть в нем позитивная спецификация?

Присмотрелась она к чудищу и заметила, что у него глаза добрые. И светятся они внутренней улыбкой. И эти глаза стали оказывать на Фросю суггестивное воздействие. Чудище трансформировалось сначала в светящийся кокон, а затем в нового русского. Он был в малиновом смокинге с золотыми пуговицами, да весь в золотых цепях и перстнях, с модным ежиком на голове. С победным криком: “Банзай!” бросилась она на шею бывшему чудищу и поцеловала его сахарными устами. И произошло второе преображение. Новый русский превратился в такого молодца, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Проснулась принцесса, а перед ней стоит добрый молодец из ее сна. Конечно, это был Федор.

Если в данный момент я как личность гармоничен, то картины на втором и на третьем экранах подтверждают это. Закрыв первозкранную дырочку, породив несовершенную проекцию на втором экране, я протранслировал ее разрушительные черты и на трэк. Например, если передо мной — хронический больной, то на трэке он может выглядеть (напомним, что слова “видеть”, “наблюдать” и так далее применительно к трэку означают “рисовать”) как засаленное, обтрепанное пальто, с прожженной дырой. Трэковский образ сигнализатора называется **диагностическим образом**. В принципе, симоронавт не занимается диагностикой, и этот образ используется как вспомогательный на стадии обучения работе с трэком.

Существуют два варианта техники **переименования через трэк** — с использованием диагностического образа и без него.

Первый вариант. Отталкиваясь от второзкранного образа сигнализатора или звука его голоса, как от трамплина, я рисую на трэке диагностический образ. Допустим, это — прожженное пальто. Я не стану исправлять, переделывать диагностический образ, не стану пришивать заплату, отдавать пальто в химчистку и так далее. Я нахожу позитивный элемент — **рисую симоронский след**. Я могу увидеть выглядывающий из кармана пальто уголок бумажного листа с рецептом малиновой настойки. Я расширю симоронский след — готовлю напиток и ввожу это в формулу переименования: **“Я тот, который делает малиновую настойку”**.

Второй вариант. Используя информацию от сигнализатора, я сразу рисую на трэке симоронский след, то есть картинку, которая мне нравится, например негра, играющего блюз на пластилиновом рояле. Затем я составляю симоронское имя: **“Я тот, который играет блюз на пластилиновом рояле”**.

Научившись уверенно работать с трэком, симоронисты обычно используют второй вариант. На самом деле этот вариант практически не отличается от первого, только поиск симоронского следа происходит очень быстро, незаметно для себя.

По традиции, приведем пример переименования через трэк (по второму варианту).

— Каждый вечер в течение нескольких лет за стеной у соседей начиналась очередная пьянка, там был притон. Я со страхом ожидала наступления вечера и долго не могла заснуть. Многочисленные обращения в милицию не принесли результата.

Однажды я пришла на симоронский семинар и познакомилась с техникой переименования через трэк, которую решила применить к моей проблеме. Стартовав с пьяных голосов, которые звучали в голове, я увидела на трэке симоронский след — толстый китайский карандаш. Одна половина карандаша была синяя, а другая — красная. Я мысленно заточила красную половинку карандаша и получила имя: **“Я та, которая заточивает красный конец карандаша”**. К моему неописуемому изумлению, ночные гулянки прекратились в тот же вечер, а соседи-пенсионеры просто перестали пить.

Если эту технику применять при работе с заказчиком, то выход на трэк* легче всего осуществить, стартуя с его “исповеди”. Причем я не вникаю в смысл рассказа, а слушаю мелодию и ритм его речи, тон голоса. Это позволяет мне более чисто выйти на трэк, не затыкая первый экран пробками сочувствия, сострадания, жалости и так далее.

Техника переименования через трэк предпочтительна в тех случаях, когда необходимо быстро переименовать сигнал или когда информации о нем недостаточно. Допустим, я еду на важную деловую встречу и мой автомобиль попадает в пробку. Времени на поиск корня у меня нет, отыскать симоронский след сложно, и тогда я работаю через трэк. Другой пример. Человек жалуется на болезнь. Обнаружить в его исповеди симоронский след никак не удастся, потому что больной слишком увлечен живописанием недуга. Вспомнить корневой эпизод он не может, работа с актуальным сигналом тоже затруднительна. Я бросаю взгляд сквозь него на трэк и переименовываю этого человека.

Еще одно применение ПВБ.

Пока я лежал под машиной и обливался маслом, старуха Наина Киевна, ставшая вдруг очень ласковой и любезной, дважды подъезжала ко мне с тем, чтобы я отвез ее на Лысую Гору... Когда бабка вторично пошла на приступ, я, чтобы разом со всем покончить, запросил с нее пятьдесят рублей. Она тут же отстала, посмотрев на меня с уважением.

А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу

Федор взял за руку принцессу, они вышли из пещеры и отправились к огненной реке. Охваченные ликованием они не заметили ловушку и провалились в замаскированную ветками яму. Сработала сигнализация, и через несколько минут Федю и Фросю торжествующе вытащили из ямы трое чертей. Не успел Федя испугаться, как в одном из них признал старого знакомого:

- Эй, не тебе ли я помог разделить золото?
- Ба, Соломон! Пошли с нами прикалываться.
- Спасибо, братцы, но хочется быстрее порадовать старика, доставить Фросю к отцу.
- Это нам раз плюнуть!

В ту же секунду Федя с Фросей оказались во дворце. И устроил им король пир на весь мир. И я там был, мед-пиво пил.

Я разобрался с сигналом, удовлетворил его нужды. Второй экран — чист, я свободен, я парю. Но если я долго пребывал в “тюрьме”, инерция может потянуть меня обратно, к прошлому. Сигналы могут меня провоцировать, периодически являясь ко мне под разными личинами, проверять, насколько прочно я укрепился в новом имени, в новой маске. Как только на чистом небе появится знакомое облачко, достаточно сказать ему: “ПВБ! Ты уже получил, Ваня, все, что тебе положено. Давай договоримся: я пойду своей дорогой, а ты — своей”. И облачко мгновенно исчезнет.

Я могу и не пользоваться ПВБ, а мысленно улыбнуться и вспомнить, что сигнал отработан.

Предположим, я ублажил тараканов, и они исчезли из моей квартиры. Вдруг на выходе из метро я слышу: “Покупайте новейшее средство против тараканов!” Или захожу вечером на кухню и вижу таракана, который при ближайшем рассмотрении оказывается арбузной косточкой. Или привычно представляю, что сейчас выйду на кухню, а в раковине копошатся усахи. Теория рекомендует вспомнить картинку или новое имя, но я не компьютер, не Британская энциклопедия,

* Выражения “выйти на трэк”, “оказаться на трэке” подразумевают рисование (видение) трэковских картин.

чтобы помнить все это. В этом случае помогает ПВБ: “Я узнал тебя, дружище! Ты меня больше не проведешь! Прощай навеки!”

Другой пример. Мне регулярно звонила одна барышня и слезно умоляла помочь ей выйти замуж, устроиться на работу, получить квартиру и так далее. При этом она не использовала тех имен, которые я ей давал, и даже не хотела понять, что я ей предлагаю. Наконец, я ее отсиморонил*, и она исчезла. Если ныне я увижу, что кто-то подобным образом покусается на мое время, он однозначно получит ПВБ, возможно, в изящной обложке: “Я думаю, вам надо обратиться к экстрасенсам” или что-нибудь в этом роде. Искусство делать ПВБ требует большой виртуозности и постигается со временем.

Если я упустил момент, дал сигналу сформироваться, ПВБ может не сработать. Когда мою кухню вновь атакуют тараканы, я не могу отмахнуться от своего законного детища, и, может быть, всю игру придется начинать сначала.

В книге мы не описываем методы работы с внутриличностными сигналами, для которых разработаны отдельные техники — переименование на ЯСных языках. ЯСные — большая тема, которую можно изложить лишь в серии семинаров. В принципе, в работе с внутриличностными сигналами можно использовать переименование с поиском корня или через трэк (см. “Симоронские истории”).

В итоге симоронских акций человек оказывается в состоянии парения, сбрасывает упаковки и становится источником чистого симоронского излучения. Благодаря регулярной профилактической работе, предупреждающие сигналы возникают реже, что позволяет дольше находиться в гармонии с окружающим миром. Со временем Симорон становится образом жизни.

Симоронские истории*.

Алиса рассмеялась.

— Это не поможет! — сказала она. — Нельзя поверить в невозможное!

— Просто у тебя мало опыта, — заметила Королева. — В твоём возрасте я уделяла этому полчаса каждый день. В иные дни я успевала поверить в десяток невозможностей до завтрака.

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Глава 1. Истории о любви. симоронская семейная терапия.

Снятие венца безбрачия.

— Да, дитя мое! — вздохнул Гудвин. — Заметьте, никто, никто в мире не знает, что я — Великий Обманщик, и мне многие годы приходится хитрить, скрываться и всячески дурачить людей. А вы знаете, это нелегкое занятие — морочить людям головы.

А. Волков. Волшебник Изумрудного города

* Жаргонные словечки “отсиморонить”, “симоронить”, “симорнуть” означают применение какой-либо симоронской техники.

* Часть историй написана от лица одного из авторов — Вадима (Бороды) или Папы (симоронское прозвище). В некоторых историях повествование ведется другими симоронистами или симоронистками.

Большинство имен изменено, названия почти всех городов изменены на Урюпинск.

Мне довелось работать с молодой дамой, которая никак не могла устроить свою личную жизнь. Горестно вздыхая, Катерина пожаловалась на то, что ее преследует какой-то злой рок. И дело было не в том, что она отличалась непривлекательной внешностью или крайней застенчивостью. Наоборот, беседуя с ней, я с удовольствием отметил и красивую, стройную фигуру, и очаровательное лицо с большими карими глазами, и приятный грудной голос, и открытость в общении, и манеру одеваться со вкусом.

Женихов у Кати хватало, но чуть дело подходило к свадьбе, они как будто проваливались сквозь землю. Катя знакомилась со следующим молодым человеком, они встречались, гуляли, испытывали взаимные чувства, и внезапно, безо всяких ссор или объяснений кавалер исчезал бесследно. Потом выяснялось, что ухажер был алкоголиком, или наркоманом, или с уголовным прошлым. В общем, как выразилась Катя: “Попадавшие мне женихи относились к “отбросам общества”, хотя по внешнему виду этого никак не скажешь”. А в последний год женихи и вовсе пропали.

Катя уже отчаялась услышать бравурные звуки марша Мендельсона. Но выведала у знакомых, что в Москве существует очень необычная и веселая школа волшебников — Симорон и отправилась туда. Я кратко рассказал ей, что такое Симорон и что одна из его задач — работа с преградами, возникающими на жизненном пути. Вместо того чтобы проламываться сквозь них или отступать под их напором (как мы обычно делаем), предлагается отблагодарить препятствие за предостережение о более серьезных неприятностях.

После моих объяснений Катя, волнуясь и краснея, торжественно произнесла вслух примерно такую речь:

— Я благодарю всех вас, мои дорогие женишки, за то, что вы предупреждаете меня о том, что я до глубокой старости так и не смогу связать свою судьбу с достойным избранником. Мне будут попадаться одни “отбросы общества”, и я закончу свои дни, горько рыдая о никчемно прожитой жизни. Понимаю, что вы возникли на моей дороге не для того, чтобы погубить меня, а чтобы показать, что я заблудилась и что с вашей помощью я вернусь на путь истинный.

Произнесенный искренне, вдохновенно, с чувством юмора, монолог благодарения позволяет остановить лавину препятствий, жизненных неудач. В случае с Катериной мы имели дело с вихрем, то есть не с одним, а с цепью неблагоприятных событий. Для работы с вихревыми ситуациями в Симороне есть несколько методов. Один из них — переименование с поиском корня. Для этого необходимо найти корень вихря — первый момент, когда возникла проблема. Далее возможны два варианта. Первый — найти благодарственный поступок по отношению к сигнализатору (тому, с чьей “помощью” возникла проблема). Второй — шагнуть назад, в предшествующий момент, когда все вокруг было безоблачно, и разыграть корневой эпизод по новому сценарию. Мы с Катей выбрали первый вариант.

Оказалось, что неудачи в Катиной личной жизни — лишь верхушка айсберга. Каждый раз, когда очередной жених “испарялся”, на Катю наваливалась тоска одиночества и отчаяние. Впрочем, подобные чувства посещали Катю с давних пор, и не всегда они были связаны с любовными переживаниями. А появились эти чувства в глубоком детстве. Отношения отца с матерью не ладились, он беспробудно пил и ушел от них, когда Катя была совсем маленькой. В процессе нашей работы она последовательно вспомнила несколько случаев, когда испытала чувства одиночества и ненужности, и мы быстро вышли на первый эпизод.

Зима. Поздний вечер. За окном завывает метель. Маленькая Катя лежит в своей кровати. Сквозь приоткрытую дверь пробивается яркий свет, доносится музыка, звон тарелок и бокалов, оживленные возгласы и смех гостей. Катя очень любит гостей, ей не спится и неудержимо хочется туда, где происходит что-то необычайно интересное. Сблазн слишком велик, и наконец она не выдерживает и громко зовет маму. Входит раздраженная мать, которую отвлекли в самый разгар вечеринки. Довольно грубо она набрасывается на Катю, требуя, чтобы та немедленно перестала капризничать. Жалобы и слезы девочки еще больше злят мать, и она уходит, плотно закрыв дверь. Катя опять остается одна в темной пустой комнате, в холодной кровати, отвергнутая и никому ненужная. Пожалуй, впервые она испытала столь горькое одиночество и разочарование. Долго Катя редела в подушку и не могла уснуть.

То, что произошло с Катей, не случайно — видимо, матери в тот момент самой не хватало тепла и душевного равновесия (несмотря на развеселую компанию), иначе она бы так не поступила. Значит, Кате надо сейчас, задним числом, выдать матери душевное равновесие.

Катя вспомнила благодарственный поступок по отношению к матери. Как-то вечером они сидели обнявшись на Катиной кровати, и мама читала вслух “Волшебника Изумрудного города”.

В этот момент им было очень хорошо друг с другом, Катя чувствовала благодарность и любовь к матери. Чтобы закрепить этот факт, Кате было выбрано имя: **“Я та, которая читает с мамой “Волшебника Изумрудного города””** взамен старого: “Я та, которая плачет в подушку, отвергнутая матерью”. Я посоветовал Кате повторять новое имя, чтобы изменить все события, связанные с чувством одиночества и разрешить проблему замужества.

Услышав про “Волшебника Изумрудного города”, я сразу почувствовал, что имя выбрано точно и мы на верном пути. Потому что сам в детстве много раз перечитывал ее и мысленно шагал с героями по дороге из желтого кирпича. Это явно был сигнал поддержки.

Недавно я из любопытства вновь открыл эту книгу и с восторгом понял, что это все — о нас. Вспомним, какие заветные желания были у героев книги. Забавное соломенное чучело Страшила мечтал получить мозги, хотя был совсем неглуп, и частенько его мудрость выручала друзей из беды. Железный Дровосек очень хотел иметь настоящее сердце, но и без того был способен горячо любить. А Лев считал себя трусом, хотя в действительности проявлял чудеса храбрости и отваги.

И что сделал Великий и Ужасный Волшебник Гудвин (а на самом деле маленький человечек из Канзаса), чтобы воплотить их мечты? Будучи наблюдательным, он заметил, что у друзей уже есть все качества, о которых они просили. Но спектакль должен быть доигран по всем правилам, и Великий Обманщик торжественно подсунил: Страшиле — мозги (кулек с отрубями и булавками), Дровосеку — шелковое сердце, набитое опилками, а Льву — блюдо со смелостью (шипучий квас с примесью валерьянки). Друзья ликовали — мечты сбылись!

Знакомый сценарий? Для того чтобы разрешить проблему или исполнить сокровенное желание, нам требуется некий спектакль. Существует множество театральных жанров, так же как у Гудвина существовало множество масок, в которых он появлялся перед путешественниками: Живая Голова, Морская Дева, Огненный Шар. Но в отличие от Гудвина, Симорон Степаныч не прячется за всевозможными масками, а открыто признает их существование. Все они для него равнозначны. Он с легкостью и юмором меняет одну маску на другую и в конечном счете приглашает **сбросить всякие маски**. Симорон позволяет вспомнить о своих безграничных возможностях волшебника, о которых мы, как Смелый Лев из сказки, или забыли, или перестали верить в них.

Имя, принятое и утверждаемое отныне Катей в повседневной жизни — это новая маска, позволяющая ей почувствовать в себе волшебные способности и изменить свою судьбу к лучшему.

Во время беседы с Катей открылась другая проблема — конфликты с отцом. Он жил отдельно и продолжал пьянствовать, а напившись, мог позвонить Кате и наговорить гадостей. Кроме того, отец регулярно сокрушался, что она не выходит замуж. Оставить эту проблему без внимания мы не могли, и папаша был переименован. Диагностическое имя звучало так: “Я тот, который преследует и оскорбляет Катю”, а новое имя: **“Я тот, который открывает сундук с самоцветами”**^{*}. Оно получилось в результате переименования через трэк. На третьем экране возникла следующая картинка: невероятных размеров деревянный сундук, обитый ржавыми железными полосами. На сундуке висит тяжелый амбарный замок. Внезапно замок падает, и крышка сундука медленно, со скрипом поднимается. О чудо! От сундука исходит ослепительное сияние — он доверху наполнен драгоценными камнями, сверкающими всеми оттенками.

Когда я писал эти строки, то вспомнил, что в комнате, где мы работали с Катей, ныне стоит громадный сундук с железными полосами. Правда, пока без камней. Воистину Симорон неисчерпаем по части сюрпризов!

Катя с энтузиазмом примеряла новые маски. Вспоминая об отце и общаясь с ним, она повторяла как заклинание: **“Я тот, который открывает сундук с самоцветами”**. Отец стал гораздо реже беспокоить ее. А если и звонил, то почти трезвый, справлялся, как дела, и вел себя вполне дипломатично. На личном фронте события разворачивались стремительно. Вскоре Катя познакомилась с приличным парнем. Она ему очень нравилась, и отношения приобрели серьезный характер. Долгожданная свадьба была не за горами. Обрадованная разительными переменами, Катя ослабила бдительность и опять завихрилась. А произошло следующее.

^{*} В дальнейшем мы часто будем опускать диагностические имена, которые легко восстановить из контекста.

Она была приглашена на свадьбу к брату. Ехать не хотелось, беспокоило предчувствие, что папа опять наклюкается и заведет старую шарманку. Это был первый сигнал тревоги. Однако Катя поехала. Второй звонок раздался, когда она приехала на свадьбу брата и отец ехидно спросил: “А на твоей-то свадьбе когда мы погуляем?” И, наконец, гроза разразилась во время свадьбы. Отец действительно дошел до кондиции, после чего встал и громогласно объявил:

— Да, видимо, не удастся мне дожить до Каткиной свадьбы. Что же ты, дочка, отца родного не уважаешь? Видать, непутевой я тебя воспитал, раз никто замуж брать не хочет. А ведь я так мечтал понынчить внуков!

Настроение было испорчено, жутко разболелась голова, и Катерина оказалась полностью выбита из колеи. Положение усугубилось тем, что жених пропал. Катя безуспешно пыталась дозвониться ему, однако никто не мог ответить, куда он делся. На несколько месяцев Катей овладела слабость и апатия. Не выдержав, она приехала ко мне. Когда я выслушал ее рассказ, то схватился за голову — целая серия пропущенных сигналов! Нарастание вихря можно было остановить в любой момент. На первой стадии, когда возникло недоброе предчувствие, достаточно было его отблагодарить. На второй стадии тоже можно было предотвратить грозу, “приоткрыв сундук с самоцветами”. Да и на третьей стадии Катя вполне могла избежать столь неприятных последствий, к тому же отец сам произнес симоронское имя: **“Я тот, который нянчит внуков”**.

Происшедшее было наглядной демонстрацией того, как усиливается неблагоприятный сигнал, если мы оставляем его без внимания. Симорон Степаных иногда устраивает подобную инспекцию, проверяя, насколько прочно мы утвердились в новом имени, и Катя эту проверку не прошла. Впрочем, всегда остается шанс вернуться в поток благополучия. И мы с Катей вновь взялись за дело.

Прежде всего она отблагодарила цепочку пропущенных сигналов. Катин папаша, сыгравший роковую роль, получил новое имя, хотя можно было пользоваться и предыдущим. У брата только что родился ребенок, и Катин отец, очень довольный, ходил вокруг малыша, радостно приговаривая: “Ну наконец-то, дождался внука! Я ему буду яблочное пюре тереть!” Данное занятие представлялось деду чрезвычайно важным делом. Узнав об этом, я не смог устоять против такого красивого имени: **“Я тот, который трет яблочное пюре для внука”**. Чтение с мамой “Волшебника Изумрудного города” по-прежнему оставалось в силе.

Через несколько дней Катя встретила нового кандидата и завоевала его сердце. Почти на год она исчезла с моего горизонта. Недавно я позвонил ей и услышал в трубке гордый и счастливый голос: “Вадик, а я вышла замуж. Да, уже полгода и очень довольна. Спасибо за поздравления”.

Я договорился встретиться с Катей на следующий день возле метро, чтобы записать все подробности настоящей истории. Катя приехала с хорошо одетым, крепкого сложения, парнем и, слегка смущаясь, представила его: “Познакомься, это мой муж”. На вопрос: “Как там с яблочным пюре?” она ответила, что отец был у них на свадьбе и сделал широкий жест — пообещал подарить молодым холодильник. Во время беседы я обратил внимание на то, как заботливо Катин муж стряхнул пушинку с ее плаща.

Неверный муж.

Мне позвонила старая знакомая Светлана. Рыдая, она рассказала, что муж ей изменил. Света собрала его вещи и выгнала из дому, а теперь жалела об этом. Сейчас он уехал в командировку, и она просила помочь разобраться в этой ситуации.

Я бросил все дела и поехал к ней. Света встретила меня зареванная. Она взывала к справедливости и пыталась спровоцировать меня на осуждение мужа. На провокацию я не поддался и, чтобы настроить Светлану на конструктивную работу, рассказал несколько симоронских историй. Когда удалось добиться того, что Света стала способна мыслить логично, я предложил ей поискать корень этой ситуации в детстве. Света уверенно заявила, что ничего подобного в ее жизни никогда не было. Мы стали разбирать ее отношения с мужчинами.

После продолжительной работы Светлана внезапно вспомнила корневой эпизод. В возрасте трех с половиной лет она любила мальчика Вову в детском саду, а он предпочел дружить с другой девочкой. Света закатила дома истерику, собрала лучшие игрушки, отнесла их в детский сад и устроила “свадьбу” Вовы с соперницей.

Сначала Светлана поблагодарила Вову.

— Я благодарю тебя, Вова, за предупреждение о том, что в моей жизни может повториться ситуация “треугольника”, когда я люблю мужчину, а он любит другую. В результате я буду выгонять своего избранника, и моя жизнь превратится в сплошную охоту за сильным полом.

Светлана вспомнила, когда выдавала Воле уверенность в себе, душевный комфорт. Это — майский праздник. Красиво убранный зал, через который крест-накрест натянуты веревки с флажками. Девочки в светлых платьях, на мальчиках белые рубашки и черные шорты. На всех обязательно белые гольфы. В руках у детей флажки, шарики. Воспитательницы в нарядных костюмах, с цветами. На натертом паркете — солнечные зайчики. Радостная и торжественная атмосфера, предвкушение чего-то необычного. И в центре зала Светлана танцует с Вовой. Танец окончен, все хлопают и выражают восхищение. Свете и Воле дарят подарки, Вова счастлив.

Светлана восстановила симоронское имя: **“Я та, которая танцует с Вовой на утреннике”**. Лицо ее сияет, на щеках выступил румянец. Она все еще танцует с Вовой в детском саду.

У меня есть индивидуальный критерий качества работы. Когда она выполнена блестяще, по моему позвоночнику, начиная с макушки и до копчика, прокатывается горячая волна, которая затем проходит по ногам и уходит в землю. При этом мой вес как будто уменьшается. Именно такие ощущения я испытал, когда Светлана вспомнила танец с Вовой.

Прошло три часа. Света приготовила чай и порадовала меня восхитительной историей, которая потом неоднократно пригодилась мне в работе с заказчиками. Это был рассказ о том, как Светлана в первый раз отвела свою дочку Наташу в детский сад. Как правило, для ребенка — это душевная травма. Многие дети первые несколько дней плачут, потом смиряются, но часто обида остается на всю жизнь.

Света придумала изумительный спектакль. Она собрала друзей и родителей и накрыла роскошный стол. Все пришли с подарками. А праздник был посвящен Наташе. Гости произносили тосты, в которых поздравляли девочку с тем, что она стала большая и выросла до детского сада. В саду много детей, и ей будет интересно играть с ними. И если взрослые ходят на работу, то дети — в детский сад. Подарков оказалось так много, что под них была выделена большая коробка из-под телевизора.

На этом шоу не закончилось. Светлана принесла в садик шоколадные конфеты и договорилась с воспитательницей о маленьком ритуале. Утром все дети выстроились на торжественную линейку. Им была представлена новая воспитанница — Наташа. Она подходила к каждому ребенку, знакомилась с ним и вручала конфету. После этого дети играли в ручеек.

Светлана с улыбкой рассказала, что иногда, особенно в первые дни, на лице Наташи читалось явное нежелание идти в детский садик. Но разве могла она подвести взрослых, так веривших в нее? И девочка безропотно шла в сад. Надо ли говорить, что Наташа не проронила ни одной слезинки? Фактически, Наташу переименовали в **“ту, которая угощает детей конфетами и играет с ними в ручеек”**.

Перед уходом я объяснил Свете, что для распутывания ситуации ей достаточно вспоминать танец с Вовой. Из командировки муж вернулся домой, семейные отношения восстановились. И уже несколько лет в семье царит благополучие.

Возвращенная любовь.

Николаю — около сорока лет, это умный, подтянутый, симпатичный парень. Его проблема оказалась довольно неожиданной. Николай заявил, что ни разу в жизни не испытал любви к женщине. Представительницы слабого пола не обделяли его вниманием. По мнению Николая, несколько женщин сильно любили его, в их числе и жена. Женщин Николай считал глупыми созданиями, предназначенными исключительно для секса, который ему очень нравился. И в какой-то момент он почувствовал, что мимо него проходит что-то очень важное.

Напрашивалась техника поиска корня. Мы постепенно погружались в прошлое Николая. Он вспомнил довольно характерный эпизод.

— В начале шестого класса к нам пришла новенькая. Ее звали Вера. Она мне сразу понравилась. Запомнились две косички, белые манжеты и огромные глазщи. Вера хорошо училась. Она стала превращаться из подростка в красивую девушку с довольно развитой грудью и стройными ногами. Я знал, что она нравится мальчишкам нашего класса. Однажды меня в коридоре остановила Верина подруга Лена. С заговорщицким видом она вручила мне аккуратно сложенную записку, в которой Вера признавалась мне в любви до гробовой доски.

Волна чувств захлестнула меня. Радость, что Вера, казавшаяся такой желанной и одновременно неприступной, теперь с трепетом ждет ответа. С другой стороны, я испытывал страх от того, что Лена посвящена в Верину тайну. Я чувствовал, что Лена, которую я считал вредной, равнодушна ко мне. И если я назначу Вере свидание, то Лена может меня заложить. И ребята будут нас дразнить.

В моей голове шли одновременно два фильма. В первом я назначаю свидание Вере. Мы с ней встречаемся, идем в кино, покупаем мороженое, целуемся. А, может быть, мне удастся реализовать мечту каждого подростка: раздеть Веру, целовать ее тело...

Во втором фильме я вижу, как ребята из зависти подсмеиваются над нами. Мне не дают прохода, особенно Данька. Мы дружили с ним с первого класса и в то же время боролись за лидерство. Я лучше всех учился и играл в футбол, зато он бегал быстрее меня, гулял с блатными ребятами, курил и выпивал. Вера нравилась Даньке. Зная его привычку извлекать выгоду из любой ситуации, я представляю себе, как месть Даньки выливается в откровенную травлю, я теряю Данькину дружбу, а с ней и авторитет.

Страх победил, и я совершил низкий поступок. Когда я пришел домой, мне на глаза попался юмористический журнал, в котором я прочел следующее стихотворение.

— С любым сдружиться я смогу, —

Смола сказала и пристала к сапогу.

Она не знала, что сапог

Ее терпеть совсем не мог!

На следующий день в школе я показал компании мальчишек во главе с Данькой Верину записку. Затем написал стихотворение про смолу и отправил его Вере. Мальчишки долго и злорадно смеялись. Мой авторитет возрос. Но до сих пор меня мучают угрызения совести за этот поступок.

Приведенный эпизод явно не корневой, и Николай продолжил воспоминания. В первом классе ему тоже прислали любовную записку. Николаю было почему-то стыдно получать такие записки. Откуда взялся стыд? Наконец Николай нашел корневой эпизод.

— Мне около четырех лет. Я ходил на пятидневку в садик. У воспитательницы была двухлетняя дочка Маша, обаятельная девочка, похожая на куклу. Дети воспринимали ее как большую живую куклу и любили с ней играть. Мне Маша очень нравилась. Особенно я любил ее одевать перед гулянием. Я помогал ей надевать пальто и завязывать шнурки. Даже помню ее красное пальтишко с капюшоном. Материал был очень гладкий и напоминал плюшевый диван, стоявший в комнате у бабушки. Мне нравилось лежать на этом диване, казалось, что мягкий плюш нежно гладит мою кожу.

Однажды, когда мы одевались перед гулянием, пришел мой папа, которого я обожал. Он увидел, как я помогаю Маше одеться, и громко засмеялся: “Ха-ха-ха. Жених и невеста!” Чувство стыда резануло как нож: “Наверное, я делаю что-то неправильное”.

У Николая подкатил комок к горлу, глаза заблестели. Он, став четырехлетним, с трудом сдерживался от слез. Николай осознал, что его нынешнее отношение к женскому полу зародилось в этот момент. Маленький Коля неверно истолковал папин смех. Мальчик подумал, что те чувства, которые он испытывал к Маше, постыдны и заслуживают осмеяния. И Коля старательно осмеивал эти чувства более тридцати пяти лет. Переименование очевидно: **“Я тот, который одевает Маше плюшевое пальто”**. По большому счету, в этом случае излишне повторять имя. Коле достаточно воспроизводить чистые чувства к Маше, просто вспоминать ее. Бесспорно, ситуация с Верой разрешилась сама собой.

Николай позвонил мне через два месяца. С радостью он сообщил, что познал настоящую любовь, по которой так тосковало его сердце.

Мамин ремонт.

Дело было летом. Теплым солнечным утром я собрался искупаться в пруду, который находится в парке недалеко от дома. Я купаюсь там круглый год. Около пруда стоит вагончик, в котором хранятся ломы и лопаты, чтобы делать прорубь зимой. В этом вагончике есть лавочки, вешалки и, по словам ветеранов, раньше была железная печка. В трескучие морозы, особенно

при сильном ветре, я переодеваюсь в вагончике. Само собой, прорубь делается напротив вагончика. А по привычке мы купаемся на этом месте и летом.

Около вагончика на высокой березе живет семейство ворон. Я подружился с этим семейством и каждый день приношу им остатки пищи: когда сырные или колбасные обрезки, когда внутренности рыбы или куриные косточки, а когда и просто черствые кусочки хлеба. По утрам воронье семейство выставляет дозорного, который встречает меня у самого входа в парк. Затем он сопровождает меня, перелетая с ветки на ветку. Когда я подбегаю к вагончику, дозорный карканьем предупреждает собратьев о моем прибытии, и со всех сторон доносится ответное карканье. Но это горланят дозорные других семей, которые меня тоже хорошо знают. Вокруг кружится изрядное количество воронья.

Я высыпаю содержимое целлофанового пакета на большой камень, и представление начинается. Хозяева территории, живущие на ближайшей березе, стараются отогнать непрошенных гостей. Но их так много, что за всеми уследить невозможно. Хозяева в суматохе пытаются быстро рассовать содержимое пакета в секретные места. Отовсюду на камень пикируют соседи, стараясь вырвать лакомый кусок. Все это сопровождается оглушительным отборным вороньим матом. Несколько раз я забывал взять еду для ворон, и, пока я купался, отец семейства рылся в сумке, пытаясь найти заветный пакет. А один раз он схватил мои трусы и чуть не улетел с ними. Мне с трудом удалось уговорить его вернуть трусы. Когда я возвращаюсь домой, то, как правило, отец семейства провожает меня до выхода из парка.

Однажды утром раздался телефонный звонок, — это была моя мама. Она задумала сделать ремонт и первым делом купила линолеум, от которого у нее появилась аллергия на руках. Она попросила, чтобы я помог сдать его обратно. Причем она хотела получить деньги и боялась, что вместо этого ей предложат другой линолеум. Я ответил, что искупаюсь, сделаю зарядку и приеду. Денек предстоял веселый. Безотлагательно благодарю маму за предупреждение, что я могу зря прокатиться в дальний магазин и напрасно потратить время, сдать линолеум не удастся, придется поехать второй раз...

Я отправился купаться и кормить ворон. После купания сделал небольшую зарядку и станцевал танец*, в котором отблагодарил весь день. Такой прием неоднократно применялся мною в случаях, когда в предстоящий день могло встретиться несколько неожиданных препятствий. На природе танцы получаются очень мощные. Босиком, в одних плавках, я танцевал на мягкой траве, покрытой прозрачными капельками росы. Получив мантру ТИРАБАНДА, я в приподнятом настроении побежал домой. Часок позанимался йогой, затем приготовил на завтрак гречневую кашу, вдумчиво съел ее и только потом отправился к маме, повторяя мантру.

Я приехал к ней в час дня. Мама, по природе, — паникерша. Она начала меня “пилить” (обожают это делать):

— Почему ты так поздно пришел? Нам нужно пятнадцать минут, чтобы дойти до автобусной остановки, а автобус ходит редко и его можно прождать минут сорок. Мы не успеем в магазин до перерыва на обед. Давай поедем после обеда. Ведь я просила тебя приехать пораньше, ну что ты за человек!!

Я сказал ей, что вся основная работа сделана, с невозмутимым видом взял рулон и пошел на остановку, повторяя ТИРАБАНДУ.

Мама знала, что я могу влиять на события, но была просто ошеломлена, когда, подходя к остановке, увидела подъезжающий автобус. Пока мы ехали, ее одолевал страх: а вдруг перед обедом не будет никого из администрации магазина? Я ее ободрял, работая с мантрой. У входа в магазин директор разговаривал с заведующей. Когда мама изложила просьбу, он ответил, что ей, видимо, вообще нельзя стелить линолеум ввиду аллергии, и распорядился, чтобы ей выплатили деньги. Мы вышли из магазина, и подошедший автобус окончательно сразил маму.

Дома она завела разговор о ремонте, сказала, что как только купит краску, кисти и клей, то мы начнем ремонт. Это был удар ниже пояса. Мама очень опрятна, любит чистоту и порядок, любит,

* Симоронский танец — это переименование на специфических симоронских (ЯСных) языках. Таких языков в Симороне четыре. Первый ЯСный — язык минералов, второй ЯСный — язык растений, третий ЯСный — язык животных и четвертый ЯСный — язык людей. Симоронский танец завершается масксимом (маской Симорона), который состоит из финального движения танца и “тарабарского” слова — мантры. Слово масксим в обычной речи сокращается до максим. В этой книге мы не описываем техники переименования на ЯСных, хотя в историях они упоминаются.

чтобы все было сделано безупречно, без сучка и задоринки. Кроме того, она очень мнительна и убеждена, что я “руками ничего делать не умею”. По правде говоря, она недалеко от истины.

Нужно немедленно переименоваться. Благодарю маму за предупреждение, что я буду долго делать ремонт, а мама будет непрерывно следить за моими действиями и указывать на ошибки. Этих ошибок будет все больше, и я буду каждый день получать изрядную порцию “пилежа”. В конце концов я не смогу угодить ей, и она при каждой встрече будет ставить этот ремонт мне в укор. Переименование очевидно. Сегодня я получил сильное имя: “Я тот, который сдает линолеум”. Я некоторое время печатал это имя и на следующий день уехал на дачу.

По возвращении позвонил маме. К моему ликованию выяснилось, что ремонт идет полным ходом. С дачи приехал мамин старый знакомый — получать пенсию. Он и занялся ремонтом — покрасил стены и потолок в ванной, поклеил обои. Мне осталось лишь покрасить окна и стены на кухне, причем мне на подмогу пришел муж маминой сестры.

Так с беременными не поступают!

Женя второй раз вышла замуж, была счастлива с новым мужем и ждала ребенка. Неожиданно начались ссоры, а однажды муж без всяких объяснений ушел из дома. Он не приходил и не звонил, и Женя даже не знала, что с ним. Ее душила обида и неотступно преследовала мысль: “За что со мной так обошлись? *С беременными женщинами так не поступают!*” У нее нарушился сон, давление упало до критического уровня. Несколько раз с Женей случались обмороки, и она попадала в больницу.

Мы с Вадимом надумали использовать метод поиска корня. Для этого мы стали рассказывать Жене истории о том, как другие люди находили корни и переименовывались. Сначала я поведал историю Лены.

— Наш завкафедрой не только серая личность, но и конфликтный человек. Может, потому и конфликтный, что серый, а может — такой родился. Не зря язву лечит дважды в год. Обстановка на кафедре была невыносимой, но все сотрудники хранили молчание, опасаясь его мести. Мне оставалось немного до пенсии, но однажды я не выдержала и высказала все, что о нем думаю — пусть увольняет!

Почти сразу после этого эпизода я попала на семинар по Симорону, и когда объяснялась техника переименования с поиском корня, я попробовала применить ее для разрешения конфликта. В результате поиска я вспомнила себя в возрасте трех-четырех лет. Была война. Я ходила в детский сад. Мы не любили и боялись воспитательниц: они с нами обращались сурово и сухо. Ласковы и улыбки были только с детьми “богатых” родителей, из семей офицеров, служащих КГБ, врачей. Эти родители давали воспитателям продовольственные карточки, приносили коробки конфет. Садик был круглосуточный, и привилегированных детей воспитатели кормили шоколадом тайком от других, но мы знали об этом. Кто-то однажды своровал шоколад: были обыски, разборки.

Ощущение несправедливости, ущербности, унижения осталось в воспоминаниях навсегда, но было много и светлых моментов. Самый дорогой — музыкальные занятия, наш детский хор, пианино. Нахожу имя: “Я та, которая поет в хоре” и тем самым доставляет радость воспитателям. Я пою именно для них, в их честь и в их славу.

Имя “сработало” сразу, дало внутреннее спокойствие. Никаких конфликтов с начальником у меня больше не было, а прошло уже полтора года. Все вопросы улаживались легко и спокойно. И уж совсем неожиданным сюрпризом был букет цветов, преподнесенный на мой день рождения.

Повествование продолжил Вадим.

— Ко мне обратилась молодая женщина по имени Лиза. Горько рыдая, она изложила историю своей несчастной любви. Случилось, что она горячо полюбила одного человека, и тот поначалу отвечал ей взаимностью. У Лизы была очень интересная работа в солидной фирме, а влюбилась она в директора этой фирмы. Конечно, многие сотрудники знали, что у Лизы “служебный роман”. Она жила яркой, насыщенной жизнью, но в один миг все рухнуло.

Внезапно, без всяких объяснений, возлюбленный стал избегать встреч, а когда слышал голос Лизы по телефону, поспешно клал трубку. И хотя по долгу службы им приходилось видеться, директор держался подчеркнуто холодно и официально, показывая своим видом, что между ними все кончено. Вскоре она узнала, что некий “доброжелатель” нашептал на ухо шефу невесть что о ней. Повсюду Лизу преследовали косые взгляды. А то, что она не оказалась в числе

приглашенных на день рождения директора, привело ее просто в отчаяние. Лиза страдала от одиночества и обиды за то, что ее бросили.

Выяснилось, что все ее отношения с мужчинами сопровождались подобными чувствами. Лиза испытала их несколько лет назад, когда ее бросил муж, а также раньше, в восьмом классе школы. В ту пору с ней неожиданно перестал встречаться мальчик Миша — ее первая любовь. Причиной разрыва послужило нашептывание кого-то из его приятелей: “Лизка целовалась с другим”.

Происшедшее с Лизой является наглядным примером мощного вихря, когда похожие события и переживания воспроизводятся на разных витках жизненной спирали, иногда с поразительной точностью. Для переименования Лизе было предложено отыскать момент, когда она выдавала Мише радость и душевное тепло.

Она сразу вспомнила чувство любви и благодарности к Мише, когда однажды они молча брели по лесу, держась за руки и шурша осенней листвой. Лиза превратилась из “той, которая страдает от потери любимого” в “ту, которая гуляет за руку с Мишей по осеннему лесу”.

И это было настоящее превращение. Вместо заплаканной, несчастной “страдалицы” передо мной сидела оживленная женщина с горящими глазами, без умолку тархтевшая, что у нее будто гора с плеч свалилась.

Было очевидно, что разрыв с Мишей — далеко не первый эпизод, сопровождавшийся ощущениями утраты и одиночества. Лиза призналась, что когда их отношения были безоблачными, ее временами охватывал “как бы беспричинный страх”. Она боялась, что эта идиллия закончится. Но *вспомнить* более ранний эпизод ей не удавалось. Чтобы помочь Лизе найти корневое событие, я (Борода) привел пример работы со своей личной историей.

— Однажды я решил разобраться с давней проблемой — с привычкой обижаться на людей и обстоятельства, которые обходились со мной “незаслуженно”, “несправедливо”. Я ехал в метро, расслабившись и закрыв глаза. Оттолкнувшись от последнего случая, в котором испытал чувство обиды, и поддерживая его в себе, я заскользил по цепочке событий в прошлое. В какой-то момент я застопорился, чувствуя, что не могу вспомнить более раннее событие. Я вошел в состояние СПЛЕНА, перестал напрягать память и *просто расслабился*.

Вдруг, будто в фильме с замедленной скоростью, я увидел себя со стороны, совсем маленького (около года). Тетя несет меня, закутанного в зеленое одеяльце. Она спускается по лестнице, неожиданно спотыкается и роняет меня. Я ударяюсь о ступеньки и поднимаю дикий рев, но не от боли, а от страха и обиды: за что меня так?!

Как переименоваться? Быстро перескакиваю чуть назад, в момент, когда беззаботно лежал на тетиных руках. Внезапно я понимаю, что смотрю на мир глазами того маленького мальчика. Мир выглядит совершенно по-другому — ярко и необычно. Потолок, стены, перила — все усыпано сверкающими искорками, похожими на танец снежинок в свете фонаря. Окружающее пространство не имеет устойчивой формы, оно словно дышит.

Я снова оказываюсь в вагоне метро. Сколько времени я находился в этом состоянии? Скорее всего, несколько секунд, а потом оно ускользнуло, и от него осталось смутное ощущение. Но и этого оказалось достаточно, чтобы испытать восхитительное чувство освобождения, будто вернулся к чудесному источнику радости внутри самого себя. И если теперь возвращается знакомое чувство обиды, мне достаточно вспомнить чарующий миг детства.

Не успел я завершить рассказ, как Лиза возбужденно воскликнула:

— *Вспомнила!* Мне три годика. Мой обожаемый папочка везет меня на санках в нашем парке. Хрустит снег, ярко сияет солнышко. Большие сугробы переливаются всеми цветами радуги. И вдруг мир поблек. Чувство счастья сменилось удивлением, а затем леденящим страхом: “А где папочка? Я осталась совсем одна, в незнакомом месте! Наверное, он больше никогда не придет!” И я заревела во весь голос. Оказывается, папа подшутил, привязал санки, а сам спрятался за дерево. Я же, засмотревшись на игру красок, этого не заметила. Впервые в жизни я испытала настоящее потрясение, связанное с внезапной потерей дорогого человека. И хотя папа, услышав мои вопли, поспешно вышел из укрытия, с тех пор во мне поселился страх потери близких людей.

После этого, казалось бы, невинного эпизода Лиза всю жизнь транслировала страх и ожидание потери в окружающий мир. Она с радостью согласилась сменить заевшую пластинку. Мысленно вернувшись на прогулку в парке, Лиза предложила папе сыграть в снежки. Вместо диагностического имени: “Я та, которая сильно испугалась, когда папа спрятался”, Лиза приобрела новое имя: “Я та, которая играет с папой в снежки”.

Наши с Лизой дороги пересеклись еще раз. Я встретил ее через полгода на семинаре по Симорону. В ее жизни очень многое изменилось. Она призналась, что обрела глубокое внутреннее спокойствие. На вопрос о возвращении “блудного директора” Лиза небрежно отмахнулась: “Да нужен он мне был!”

Наконец Женя не выдержала такого напора и *вспомнила* живую картину своего детства.

— Зима, мне около трех лет. Я заболела свинкой. Поскольку моя мама была молодой коммунисткой, то работа для нее была важнее, чем я, и меня оставили дома одну, считая взрослой. А соседке, жившей тремя этажами ниже, поручили проводить меня. Прошло часа два, мне стало жалко себя оттого, что меня оставили одну, оттого, что у меня болит ухо, и я разрыдалась. В моей голове пронеслись гневные слова: *“С больными детьми так не поступают!”* Я начала орать, чтобы хоть кто-то услышал, что бедный ребенок один, ему страшно и тоскливо. Но никто не услышал меня, не пришел и не пожалел. Неожиданно я поняла, что лучше ходить в нелюбимый детский сад, чем болеть дома одной, и вскоре выздоровела.

Учитывая наш с Вадимом опыт, мы высказали предположение, что это не корневой эпизод. Поиск корня можно было выполнить по ключевым фразам: *“С беременными женщинами так не поступают! С больными детьми так не поступают!”* Но Женя оказалась талантливой пациенткой. Мы работали у нее дома, и Женя, с сияющими глазами и румянцем на щеках, побежала и принесла семейный альбом с фотографиями. Листая альбом, она *вспомнила* целую серию эпизодов, включая корневой.

— Я — совсем маленькая. Ночь, темно, воинская часть в лесу на границе Австрии и Венгрии (мой папа — военный). Я проснулась ночью и обнаружила, что в комнате, кроме меня, никого нет. Жуткая, звенящая тишина. К горлу подкатил комок слез, и я сказала себе: *“С маленькими детьми так не поступают!”* Я выбралась из кровати и подумала, что родители не подозревают о том, что я сама научилась вылезать из кровати. Затем я оделась, открыла дверь, вышла на улицу и закрыла за собой дверь на ключ. Крадучись, тихо спустилась мимо спящего часового и пошла по плохо освещенной дорожке из гравия через дубовый лес в столовую, которая находилась далеко от нашего домика. Мне было жутко страшно. В голове отчаянно вертелась одна мысль: “Я все равно дойду, всем назло! Пусть им будет стыдно! Ведь они меня бросили, а так с детьми не поступают!”

Наконец я дошла до столовой и нашла маму, которая пекла на завтрак булочки. Мама ахнула от удивления и возмущения. На лице отразились вопросы, на которые у нее не было ответов: “Как она могла выбраться из кровати, пройти мимо часового и прийти сюда?” Маме ничего не оставалось, как дать мне кусок теста, и мы с нею до утра лепили булки. У меня не получалось, тесто все время рвалось, и мне хотелось затянуть его потуже. Но один мой пирожок все-таки посадили на противень.

Переименование не составило труда, и вместо диагностического имени: “Я та беременная, от которой ушел муж, а с беременными так не поступают” было выбрано впечатляющее: “Я та, которая вылезает из кровати, крадется мимо часового, идет через лес и лепит с мамой булочки!” Для удобства его можно сократить: “Я та, которая идет через лес”.

Дело было летом, и через несколько дней Борода и я поехали на очередной слет “Радуга”. А когда вернулись через две недели, то выяснилось, что Женя затеяла грандиозный ремонт. Ее квартира напоминала руины после прямого попадания артиллерийского снаряда. Дошло до того, что пришлось переделывать часть кирпичной кладки девятиэтажного дома. Женя была с утра до ночи занята покупкой стройматериалов и мебели. Хотя муж к ней пока не вернулся, но от депрессии не осталось и следа. Напротив, несгибаемая Женя параллельно с ремонтом начала писать диссертацию.

Новогодний танец, или “как стать шаманом”.

Я начал осваивать симоронский танец, но проверить его легендарную силу на какой-либо трудной проблеме пока не удавалось. Подходящий случай представился в новогоднюю ночь, исполненную всяких тайн, загадок и чудес.

По комнате плавал хвойный аромат еловых веток, стоявших в большой хрустальной вазе. Украшавшие их разноцветные шары переливались яркими красками. С экрана телевизора доносилась бессмертная фраза подвыпившего Ипполита: “Какая гадость эта ваша заливная рыба!” Моя жена, Ленуля, хлопотала на кухне. Я тоже изображал бурную деятельность, курсируя

с тарелками в руках из кухни к праздничному столу, изредка прикладываясь по дороге то к хрустящему огурчику, то к скользкому грибочку.

Предновогодняя суэта была нарушена телефонным звонком подруги жены. Ольга просила нас срочно приехать и спасти ее от пьяного в стельку мужа, который с руганью и угрозами ломится в запертую дверь ее комнаты. Перспектива ехать за тридевять земель и утихомиривать разбушевавшегося Ольгиного мужа меня не шибко привлекала. Ведь до Нового года оставалось два с небольшим часа.

Напомню, что симоронцы — народ ленивый и “своими ногами никуда не ходят”. Ольге были переданы инструкции: успокоиться и ждать благоприятной развязки конфликта. Я собрался поработать с этим сигналом по новой методике — с помощью танца. Сигнал явно был вихревым — по словам Ленули, муж Ольги несколько лет регулярно “закладывал за воротник” и устраивал скандалы.

Настроившись на ситуацию, я начал танец. Для неподготовленного наблюдателя он выглядит весьма экзотично и иногда смахивает на танец шамана. Тело танцора совершает спонтанные движения и может принимать самые необычные позы. Кроме того, танец сопровождается оригинальным звуковым оформлением — то завыванием, то мелодичной песнью, то раскатистой вибрацией. Ленуля наблюдала сие действие впервые и, испытав поначалу легкий шок, с трудом сдерживалась от хохота. Когда я замер, стоя на одной ноге, в позе, напоминающей то ли ласточку, то ли лягушку с растопыренными лапами, ее диагноз был краток и безапелляционен: “Кащенко!” Однако на кухню она вернулась вполне успокоенная, а я немного поработал с максимумом — воспроизводил последнее движение танца и сопровождал его мантрой. Я чувствовал, что работа выполнена качественно, так как сам ощутил прилив сил, состояние внутреннего покоя и безмятежности.

Вскоре происшествие было забыто. Шел третий час ночи наступившего Нового года, когда жена позвонила Ольге узнать обстановку. Потрясенная до глубины души, та сообщила, что после ее звонка муж внезапно утихомирился. Более того, он принялся извиняться за недостойное поведение и умолял простить его. Мир был восстановлен, и они уселись встречать Новый год. Но влияние симоронских плясок этим не ограничилось. Через две недели мы узнали от Ольги, что с той минуты он не берет в рот ни капли спиртного.

Столь крутого поворота событий я, уже начавший привыкать к сюрпризам Степаныча, никак не мог предположить. Эта история стала одним из узловых моментов моей практики волшебника, так как она окончательно убедила меня в том, что перед симоронавтом открываются невероятные возможности. А если вспомнить, что симоронавт — насмешник и шут гороховый, то он, лукаво прищуривав глаз и усмехаясь, добавит, что в этом рассказе ничего фантастического нет. Просто посредством “шаманского” танца я отныне *позволил самому себе* справляться со сложными проблемными ситуациями.

Метаморфозы.

Моя свекровь Изабелла Матвеевна до моего замужества относилась ко мне с большой симпатией. Она всегда была приветлива, доброжелательна, спрашивала, как я себя чувствую, как дела на работе. Непременно поила чаем, угощала пирогами с брусникой и фирменным айвовым вареньем. На каждый праздник она с удовольствием вручала мне подарки.

Отшумела свадьба, и через два дня Изабеллу Матвеевну словно подменили. Прихожу из школы (я — учительница) — в доме гробовая тишина. Свекровь даже не вышла из комнаты. Недоумевая, я отправилась на кухню, готовить обед. Заслышав звон посуды, она появилась в дверях и замерла, не поздоровавшись. Я спросила, какое блюдо приготовить? С искаженным лицом она пробурчала: “Мне все равно, свою стряпню ешь сама!” И развернувшись, удалилась. Началась черная полоса моей жизни.

Свекровь изменилась до неузнаваемости. Куда делись ее любезность, улыбка? Она перестала меня замечать, не выходила из комнаты, не здоровалась, ни о чем не спрашивала. Если я подходила к ней, предлагая помощь, Изабелла грубо отгоняла: “Уходи отсюда, ничего не надо, я сама все сделаю”. Готовила я лучше, чем она, и это вызывало ее ревность. Если свекор хвалил мое кулинарное произведение — жди новой бури. Однажды Изабелла Матвеевна с ехидной улыбкой заявила: “На работе женщины заметили, что я стала приходить к ним пить чай. Сказали, что меня сноха объедает”. Это меня очень задело, так как почти все продукты покупали мы с мужем, и готовила обычно я.

Мои попытки уладить конфликт каждый раз натывались на неприступную стену. Стоило подойти к Изабелле Матвеевне, как она отворачивалась и уходила. Войти к ней в комнату я не могла, опасаясь оскорблений. Сыну Изабелла говорила, что все нормально, и в его присутствии вела себя, как и прежде. Я рассказывала мужу о происходящем, но он отказывался влезать в мои отношения со свекровью: “Если это случится при мне, я поговорю с матерью. А так, без доказательств не могу”.

Создалась тупиковая ситуация. Я отчаялась, не зная, что предпринять, и без конца плакала. Не хотелось ничего делать. После работы я дожидалась, пока вернется муж, и лишь тогда отправлялась домой. Единственным желанием было уйти вообще из этой квартиры. При виде Изабеллы в тренировочных штанах и свитере, с пучком седых волос, собранных на затылке, ее холодных блестящих очков, меня пробирала внутренняя дрожь. Я была на грани нервного срыва: ночами не спала; на работе, в транспорте, в магазине — всюду терзали думы. Этот кошмар длился полгода.

И тут я познакомилась с одной симоронисткой, которая обучила меня благодарению. Я поблагодарила Изабеллу за предупреждение, что мне придется бежать из дома куда глаза глядят. Принесла ей в дар радость, спокойствие, приятное общение. И два дня подряд в ответ на любые выпады свекрови я награждала ее воображаемыми подарками: корзиной редчайших цветов, шикарными вечерними платьями, изысканным нижним бельем, дореволюционными жестяными коробками с монпансье, кухонным комбайном с искусственным интеллектом и так далее. Ко мне вернулось спокойствие, в сердце затеплилась надежда.

На третий день свершилось нечто сверхъестественное. Я вернулась с работы, и вдруг Изабелла появилась на пороге своего логова и спросила: не хочу я ли кушать? Я остолбенела, точно пораженная громом среди ясного неба. Не успела я раздеться, как увидела свекровь, шустро перебирающую ногами в вязаных тапочках, которая неслась мне навстречу с цветочным горшком. Посреди продолговатых колючих листьев распустились крупные, пурпурные цветы. Изабелла Матвеевна не могла сдержать восторга: “Посмотри, сколько он у меня стоял и вдруг зацвел! Посмотри, какой он красивый”. Впервые за время совместной жизни она обратилась ко мне в отсутствие мужа. Это была первая ласточка.

После распускания “аленького цветочка” свекровь вновь стала ласковой и радушной, и мне больше не пришлось награждать ее симоронскими дарами. Изабелла терпеливо вникает во все мои заботы, предоставляет простор для поварских изысков и с удовольствием нахваливает их. Любая моя хозяйственная покупка, будь-то мочалка или щетка, вызывает одобрение со стороны Изабеллы. Не дай бог, она заметит, что я занялась уборкой квартиры, немедля спровадит: “Отдыхай, ты устала после рабочего дня”.

Муж радуется, что я стала более спокойной и внимательной. И последний штрих: ежедневно мы с Изабеллой Матвеевной проводим обсуждение мыльных телесериалов. Хотя я не являюсь их страстной поклонницей, свекровь держит меня в курсе важнейших событий. Я своевременно узнаю, что Мануэла в очередной раз объяснилась в любви Фернандо, а коварная Ракель опять строит козни.

Дубленка для жены.

Наступили холода, и на повестку дня встал вопрос о покупке зимней одежды моей дорогой половине. На семейном совете постановили отправиться на вещевой рынок за дубленкой. В силу ряда причин, мое участие в этом важном мероприятии считалось абсолютно необходимым. Я понял, что от похода на рынок не отвертеться. Но уверенности в том, что нам удастся купить дубленку, у меня не было. Вызывало озабоченность определенное качество Ленули (в одних источниках его именуют привередливостью, в других — чувством вкуса). Оно связано с трудностью выбора из большого числа однородных вещей и проявляется с особой силой на толкучке. Неоднократно жена возвращалась с рынка, так и не сделав нужную покупку.

Тратить несколько часов впустую не хотелось, и я заранее “отсиморонил” предстоящее событие. Монолог был примерно таков:

— Я благодарю тебя, Ленуля, за предупреждение о том, что мы можем бродить по рынку целый день, обойдем его вдоль и поперек несколько раз и, едва волоча ноги, приползем домой, так ничего и не купив. И каждый день мы будем посвящать тесному знакомству с рынками и магазинами Москвы, пока не обследуем их все. Наступит весна. Деньги у нас иссякнут, обувь с одеждой изнашивается. А мы, будто вечные странники, босиком, в лохмотьях, будем скитаться по городам и весям нашей необъятной Родины.

Дойдя до этого места, я почувствовал, как по моей заросшей щеке скатилась скупая, мужицкая слеза. Сгущать краски дальше не хотелось, и я завершил монолог:

— Благодарю тебя, Ленуля, за предупреждение и дарю тебе спокойствие и уверенность в виде маслянистой темно-фиолетовой шпалы. Из нее тянется вверх изумрудно-зеленый побег, облепленный кленовыми листьями с прожилками. Рядышком стоит фарфоровая фигура шахматного коня, с гривой курчавых негритянских волос и, громко чавкая, объедает нежную листву.

Вооруженный замечательной шпалой, я спокойно отправился в путь. По дороге на рынок жена невзначай поинтересовалась, симоронил ли я покупку. И получив утвердительный ответ, незаметно, но с облегчением вздохнула. Дубленка была куплена через полчаса, после третьей остановки у торгового ряда. Во время шествия по рынку я прибегал к услугам шпалы, но такой скороспелости не ожидал. Когда Ленуля сказала, что эту дубленку мы берем, я попытался уговорить ее помедлить — все-таки дорогую вещь покупаем. И был приятно удивлен, услышав твердый ответ, что если вещь нравится, то ее надо брать не раздумывая. Прозвучала даже некоторая бравада в голосе, дескать, не собираюсь я по всему рынку носиться!

Вызов врача.

Зима, эпидемия гриппа. Мне звонит мама и говорит, что она заболела. У нее температура 38,5, и она уже полчаса не может дозвониться в поликлинику. Мама просит меня поехать и вызвать врача. Она живет одна, и, кроме меня, помочь ей некому. Ехать, конечно, не хочется (полчаса в один конец). На ум приходит классическая симоронская поговорка: “Симорон своими ногами никуда не ходит”. И чего она не дозвонилась? Видимо, задолжал маме внимания, душевного комфорта. Я произнес монолог:

— Благодарю тебя, мама, за предупреждение о том, что мне, возможно, придется поехать в поликлинику. Мало того, что я могу потратить час на проезд, так придется долго стоять в очереди в регистратуру. А в это время больные будут чихать и кашлять прямо мне в лицо. В результате, я и сам могу заболеть.

Осталось переименоваться. Я представил маму. Она лежала в лихорадке, одна в квартире, ей хотелось пить. Я мысленно заварил ей травный чай, и увидел, как она с удовольствием выпила целебный чай с малиновым вареньем. Я почувствовал, что нашел точное имя: **“Я тот, который поит маму чаем”**. Повторяя его, набрал номер поликлиники и дозвонился со второго раза.

Долой контрольную по английскому!

— Пап, поехали лыжи покупать.

— Неохота.

— Ну, я же симоронил!

— Тогда поехали.

Разговор в семье симорониста.

Настя, ученица младших классов, побывала на учебном семинаре по Симорону и мастерски овладела этим искусством. Дети вообще прирожденные волшебники, для них это так же естественно, как дышать.

Настя не проявляла особого усердия в изучении английского языка, а в ближайшем будущем перед ней маячила контрольная работа. Мама очень беспокоилась из-за контрольной, так как с большим трудом устроила девочку в элитную школу, и двойка могла вызвать весьма неприятный разговор с учительницей.

Перед Настей стоял выбор: или готовиться, или прибегнуть к помощи Симорона. Третий вариант, объединяющий два первых, был отвергнут сразу, хотя он дает фантастические результаты. Нетрудно догадаться, что и первый вариант, требующий корпения над учебником, Настю не особенно привлекал. И она положилась на Симорона.

Маме была вынесена благодарность за то, что она предупредила Настю о возможности получить двойку за контрольную. Это грозило девочке исключением из школы и суровыми репрессиями со стороны мамы. И в благодарность за предупреждение Настя послала маме олимпийское спокойствие и уверенность в себе. Подарок выглядел как ежик, который тащит на иголках разноцветные зефирины.

Ежиковы старания не пропали даром, и в результате контрольную по английскому откладывали три раза. Сначала из-за неотложных дел у самой учительницы, потом весь класс был отправлен на прививку, потом еще что-то помешало. А главная виновница всей этой кутерьмы получила дополнительное время — три недели. Вот бы использовать его для подготовки... Но зачем готовиться, если Симорон обеспечит тебе “зеленую улицу”? В конце концов контрольная состоялась, Настя получила тройку, и все остались довольны.

Конечно, лень весьма почитается в Симороне и состояние приятной лени является основным состоянием симоронавта, но всему есть предел!

Синий чемоданчик и Карлсон.

Мой сын Андрей учится в восьмом классе. Раньше его дневник украшали сплошные тройки. Если не напомнить ему, мог совсем забыть об уроках. Никакие уговоры и наказания не действовали.

Я поблагодарила Андрея за предупреждение о том, что он может учиться еще хуже, вообще перестанет делать уроки и может быть изгнан из школы с позором. Я стала размышлять, как подарить сыну недостающий душевный комфорт, и поняла, что в детстве часто навязывала Андрюшке собственное мнение, ограничивая его творческие способности. Вспомнила, что заставляла его через силу читать букварь. Он сразу становился рассеянным, начинал зевать. Конечно, сыну требуется больше свободы, самостоятельности. Я стала искать момент, когда давала возможность Андрею проявить творческую инициативу.

В возрасте четырех-пяти лет у малыша было любимое занятие. Он вытаскивал из кладовки синий чемодан “Юный техник”, извлекал молотки, отвертки, рубанок и принимался мастерить. Ничего особенного, на мой взгляд, Андрей не сооружал. Зато получал огромное удовольствие от самого процесса — вытаскивает все инструменты, разложит на полу, постучит, построгает. Может даже приколотить покрепче расшатавшуюся ножку табуретки. И я переименовала его в **“того, кто громко стучит молотком”**.

Прошло две недели, и у Андрея появились четверки. Он закончил вторую четверть с фантастическими результатами — четыре по истории и литературе. А жирная четверка в дневнике по русскому языку просто сразила меня наповал! Ведь уже несколько лет трояк по русскому был привычным явлением. Теперь я не знаю, чего от сына ждать. В третьей четверти он принес четверку по физике, этого никогда раньше не было. А последняя лабораторная работа по физике была оценена на пять баллов. Я стала лучше понимать Андрея, давать ему больше свободы. Спокойно отпустила его в Петербург с классом, перестала нервничать, когда он поздно приходит домой.

Кроме учебы, раньше меня беспокоила другая проблема. В третьем и четвертом классах он много читал, но потом книги исчезли со стола. Сын целыми днями болтался на улице, а за книжку его не усадить. Пожалуй, и в этом вопросе я перегнула палку, заставляя Андрея читать книги против желания. Поблагодарила сына за предупреждение о том, что он совсем перестанет читать, и дала себе новое имя: **“Я та, которая читает Андрею книгу о Карлсоне”**. Это — любимая книжка его детства. Он всегда заливисто хохотал, слушая похождения Малыша и Карлсона. Андрюшка был маленьким толстым человечком, и наибольший восторг у него вызывало откровение Карлсона: “Я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил!”

Андрей сразу начал читать запоем. За последние два месяца проглотил “Три мушкетера”, “Граф Монте-Кристо”, “Робинзон Крузо”. Недавно заметила у него на столе книгу Зоценко.

Глава 2. Истории о материальных успехах.

Квартира и дача.

На дворе стоял апрель. Муж моей подруги, Вова, начал мне рассказывать об интересной методике под названием Симорон. Я никак не могла в нее вникнуть. Какого-то Ванечку надо отблагодарить, и произойдут чудеса. Я вначале отмахивалась от этой информации, но, заинтригованная его рассказами о симоронских успехах, задумала испытать Симорон и обратилась к Вове:

— Раз ты так рекламируешь Симорон, раз он может такие чудеса, то мне нужна квартира и дача. Дача в Малаховке, с магистральным газом и телефоном, а однокомнатная квартира в Новогиреево, в ста метрах от метро.

— Ну ты и загнула, — присвистнул Вова, но танец станцевал и выдал мне мантру ЧИ ЁРВА. И показал жест руками, опуская их так, будто ладони скользят по поверхности большого кувшина.

Я внутренне посмеивалась, потому что ни на минуту не воспринимала серьезно всю эту белиберду. Но стала твердить мантру вслух и “рисовать” руками кувшин. Мне понравились и жест, и мантра. Каждый раз, идя к подруге, которая жила недалеко, я прилюдно размахивала руками и бодро чеканила ЧИ ЁРВА. Люди на меня оглядывались, кто с сочувствием, кто с улыбкой, а мне самой было весело. Эта мантра стала частью меня. Однажды Вова с ехидной улыбкой посоветовал написать мантру 108 раз, она будет работать гораздо сильнее. И я перед сном взяла лист плотной бумаги и написала ЧИ ЁРВА ровно 108 раз. После этого я прикрепила лист на стенку, чтобы он почаще попадался на глаза.

В августе я уехала в отпуск в Пицунду. Оттуда позвонила маме, чтобы узнать, как дела дома. Мама, услышав мой голос, заплакала, потом начала кричать и что-то от меня требовать. Я не сразу поняла, что неведомо откуда взялась ее родная сестра Варя (стало быть, моя тетя), которая с ней навеки поссорилась двадцать лет назад. С тех пор мы ее ни разу не видели и не знали, что с нею стало и где она живет.

Варвара Ивановна приехала к маме и стала умолять, чтобы я взяла ее квартиру. Тете 75 лет, она одинокий человек, и ей не хватает родственного тепла и ухода. Сгорая от нетерпения, тетя Варя попросила мою маму срочно вызвать меня из отпуска. Примечательный факт — тетина однокомнатная квартира с десятиметровой кухней, с огромной лоджией находится в доме башне как раз напротив метро “Новогиреево”.

По логике вещей тетя должна была оставить квартиру своему племяннику Жорику, выросшему на ее глазах, единственному человеку, которого она любила и принимала. Тетя Варя — человек недоверчивый, закрытый, у нее никогда не бывало гостей. О тетином расположении к Жорику свидетельствовала покупка для него тапочек.

Когда я вышла из переговорного пункта в Пицунде, то вспомнила, как не один раз подкалывала Вову: «Где же твоя квартира? А где дача в Малаховке? Денег больше не стало, откуда взяться квартире и даче?»

Вова невозмутимо отвечал:

— Обязательно будет, когда-нибудь, через 27, ты работай.

Я думала, что 27 неизвестно чего — это Вовины шуточки. И вдруг принципиальная тетя, человек жесткого характера, принимает парадоксальное, неожиданное для всей родни решение. Надо знать мою тетю Варю, она не выбросит и пустой коробочки из-под спичек — это Плюшкин в кубе. Я решила не забивать себе голову этой ерундой — вернусь в Москву, разберусь.

В день моего прибытия с восьми утра в нашей квартире разместилась тетя Варя. И когда я в три часа дня вошла в дом, она чуть не плакала. Прямо с порога она выпалила:

— Ты думаешь квартиру-то брать? Или так и будешь дурака валять и меня за нос водить?

На что я выдала тираду:

— Здравствуй, тетя! Рада тебя видеть! Я хочу понять, чего тебе надо, ведь я тебя ни о чем не просила. Дай мне время подумать.

Я всячески оттягивала принятие решения, ибо не могла поверить в серьезность тетушкиного намерения. Спустя полтора месяца тетя Варя стала плакать, называть меня нехорошими словами и упрекать в том, что я никак не хочу помочь ей в жизни. Наконец я сдалась и стала оформлять документы на квартиру. В это время тетя упала и сильно расшиблась. Было предположение, что она могла сломать шейку бедра, а для пожилого человека это часто сопровождается тяжелыми осложнениями. Нужно было срочно переоформить квартиру. И я опять обратилась к Вове — пусть доводит дело до конца, пусть поможет мне быстро оформить документы.

На этот раз Вова выдал мне картинку: через поле спелой ржи проложена красная ковровая дорожка с зелеными полосками по бокам. В конце дорожки стоит огромный дубовый стол. На зеленом сукне стола — изящная бронзовая чернильница, промокашка, подставка под ручки и полукомпас-получасы.

Вооруженная этой картинкой, я отправилась в Бюро технической инвентаризации за справкой. Там я с ужасом поняла, что попала в неприятный день. Унылый внутренний голос загнул: «От этих канцелярских крыс и в обычный день ничего не добьешься. Справка делается не меньше месяца. Со мной никто и разговаривать не будет».

Из двери в дверь сновали какие-то женщины с кипами документов. Окошки, к которым обыкновенно стоит очередь, были наглухо закрыты. Навалилось ощущение безнадежности.

Внезапно из-за двери с табличкой “Заместитель начальника БТИ Людмила Васильевна Грозная” донеслись громкие вопли. Затем дверь распахнулась, с глухим стуком ударившись о стену, и из кабинета вылетел потный, красный мужчина. Одной рукой он прижимал к груди стопку растрепанных документов, а другой придерживал открытый дипломат. Вслед ему неслось:

— Больше никогда не приносите мне документы в таком виде! Я и в лучшем-то виде документы не подписываю. И когда вы ко мне едете, то должны соображать, что вы везете и что вы хотите. И учтите, что не все ваши желания выполняются. Здесь сидят серьезные люди, которые отвечают за серьезные вещи.

Перепуганный мужчина поспешно поскакал по коридору, а я оказалась лицом к лицу с миловидной женщиной средних лет, возникшей в дверном проеме. Крашенные белые волосы собраны в высокую прическу, брови нахмурены, над глазами сочные голубые тени, а губы накрашены ярко-красной помадой. На ней был хороший серый костюм. Глаза излучали административное рвение.

Я мгновенно увидела перед собой дорожку красного цвета с зелеными полосочками, а за циклопическим дубовым столом восседала сама Людмила Васильевна. Я перевела взгляд на реальную начальницу. Ее лицо стало спокойным, приветливым, и она ровным грудным голосом спросила:

— Вам чего?

Я оторопела, не зная, что сказать. Людмила Васильевна повторила вопрос. Почесав нос, я собралась с мыслями и ответила:

— Я пришла к вам за невозможным.

— Проходите, — предложила она с заинтересованным видом.

Людмила Васильевна предложила мне стул напротив роскошного стола, очень похожего на стоявший посреди ржаного поля. Многие предметы с воображаемого стола переключались на реальный, слегка изменив свой вид. Самое интересное, что на подставке стояли круглые часы, которые с другой стороны были барометром. Громадный подоконник, какие бывают в старых домах, был весь заставлен ухоженными цветами. В уголке теснились трехпрограммный радиоприемник и электрический чайник, а на батарее сушились пучки трав.

— Что у вас? — спросила Грозная.

— Я вам сказала, что пришла за невозможным. Документ, который я хотела бы получить сейчас, вы готовите в срочном порядке две недели, — ответила я, доставая папку с документами.

Она внимательно посмотрела мои документы и сказала:

— Чаю хотите?

Я в замешательстве отказалась.

— Тогда я вам музыку включу.

Оказалось, что с двух до трех на радио перерыв, видимо, дикторы обедают.

— К сожалению, музыки нет. Подождите, — сказала Людмила Васильевна и вышла из комнаты.

Я огляделась и заметила в углу две удочки. Пока я размышляла, для кого они предназначены, Людмила Васильевна вернулась с моими документами, открыла стол, достала печать. В двух местах шлепнула ею, поставила подпись, достала толстую амбарную книгу, что-то туда вписала и, показав мне пальцем на галочку в одной из граф, любезно предложила: “Вот здесь распишитесь, пожалуйста”. Я машинально расписалась. Людмила Васильевна с улыбкой подала мне документы: “Видите, ничего невозможного нет!”

Наступила минута молчания. Я не могла выговорить ни слова — ситуация была совершенно нереальной. Молчание прервала она сама, начав рассказ о цветах на подоконнике. Особенно была горда за редкий цветок, с волосатыми листьями и множеством крошечных белых соцветий. Цветок привезли издалека, и он долго не приживался. Людмила Васильевна рассказала, как она его удобряла, разговаривала с ним и в конце концов выходила.

Наконец я спохватилась и начала ее благодарить.

— Вы себе представить не можете, как вы меня выручили. Вы удивительный человек. Я действительно начинаю верить, что ничего невозможного нет.

Людмила Васильевна сидела и довольно улыбалась, с текстом она была полностью согласна. Я уже направилась к двери и вспомнила:

— А деньги?

Она замахала руками:

— Что вы, что вы! О чем вы говорите!

— Да за справку.

— Ах, — всплеснула она руками, — за справку я действительно с вас не взяла.

Я расплатилась и сама не помню как оказалась на улице.

Моя приятельница Алла не поверила рассказу о Людмиле Грозной. Алла обращалась раньше за справкой в БТИ и стала изобличать меня в том, что я целиком выдумала эту историю. Алла уверяла, что справка выдается только после предъявления оплаченной квитанции, на что я загадочно улыбалась.

В квартирных хлопотах я совсем забыла, что мой заказ состоял из двух частей: квартира и дача. О последней мне напомнил телефонный звонок приятельницы, имевшей дачу в Малаховке:

— Ты знаешь, сегодня мой муж подвозил мужчину, оказавшимся нашим соседом. Этот мужчина является владельцем трети дома и продает ее. Ему срочно нужны деньги, и много он не возьмет. Может быть, ты купишь этот дом?

Я замерла. Не успела опомниться от квартиры, как валится дача. Я договорилась о встрече и спустя день поехала смотреть дом. Это оказался небольшой участок в три с половиной сотки, в ста метрах от станции, рядом с прудом. В доме есть магистральный газ и телефон. Я как раз хотела дом с соседями, чтобы они в мое отсутствие присматривали за моей частью. Я обрадовалась и загрустила одновременно. Хозяин запросил 6000 долларов, хотя сотка в Малаховке стоит 2000. Мы договорились на 4500, а у меня было всего 1500. Я подумала, что если фортуна мне улыбнулась, то и деньги откуда-нибудь возьмутся.

Вечером ко мне приехал приятель, и мы с ним долго обсуждали, как можно обустроить эту дачу. С изумлением он узнал, что, не купив дачу, я уже строю планы, причем у меня и денег нет. В этот момент позвонил Семен — другой мой приятель, с которым мы не виделись около полугода. Он услышал конец моей фразы о том, что у меня нет денег, и спросил, о какой сумме идет речь. Спустя сорок минут Семен приехал ко мне в бархатном костюме, с французским коньяком и сумкой фруктов. Под музыку и при свечах мы стали обмывать будущую покупку дачи. На столе лежали три тысячи долларов, которые Семен дал мне без процентов и на неопределенный срок.

Так я приобрела квартиру и дачу.

Немного о пользе борща.

Однажды дама, которая привозила ко мне на массаж шестилетнего сына, приехала в сильно взъерошенном эмоциональном состоянии. Ее звенящий, срывающийся голос и напряженные черты лица выдавали рвущиеся наружу чувства негодования и раздражения. Выяснилось, что эти чувства адресованы молодому парню, который снимал у Наташи (нашей героини) квартиру. Со временем квартира превратилась то ли в проходной двор, то ли в склад — там толклись подозрительные личности, образовались горы коробок и ящиков. Кипа неоплаченных телефонных квитанций за междугородние переговоры стремительно росла. С большим трудом Наташе удалось заставить Юру освободить квартиру. Помимо телефонных счетов, он остался ей должен приличную сумму.

[Академия Знакомств [Soblaznenie.Ru] - это практические тренинги знакомства и соблазнения в реальных условиях - от первого взгляда до гармоничных отношений. Это спецоборудование для поднятия уверенности, инструктажа и коррекции в "горячем режиме". Это индивидуальный подход и работа до положительного результата!]

— Нет, каков придурок! Мало того, что не рассчитался за квартиру, еще и наговорил по телефону чуть ли не со всем Советским Союзом! — восклицала Наталья, бурля от "справедливого гнева".

Я попытался объяснить, что если она будет относиться к Юре как к "придурку", то на возврат денег вряд ли стоит рассчитывать. Юра появился в ее жизни из-за того, что Наташа проигнорировала все предыдущие сигналы, предупреждавшие, что с ней могут обойтись несправедливо — не выполнить обязательства, воспользоваться доверием. Я предложил отблагодарить возникшее препятствие, от которого уже не отвертеться и которое говорит: "Если ты со мной не разберешься, то все подряд будут садиться тебе на шею, свешивать ножки и болтать ими". Разгоряченная Наташа возмутилась:

— Чтобы я этого засранца благодарила? Да ни за что! Он у меня все время перед глазами стоит, с оттопыренным мизинчиком, — аристократом прикидывался!

После моего рассказа об успехах симоронцев в работе с препятствиями Наташа утихомирилась и стала спокойно обсуждать сложившуюся ситуацию. Вернувшаяся способность логически мыслить помогла ей понять, что для выхода из тупика необходимо изменить отношение к препятствию. Наташа искренне поблагодарила Юру за то, что он предостерегает ее от более серьезных проблем. Например, от появления в Наташиной жизни людей, которые не только не будут платить по счетам, но и выселят ее из квартиры, и ей придется слоняться по чердакам и подвалам.

Мы имели дело с вихрем — квартирный вопрос тянулся давно. Применив переименование через трэк, Наташа увидела себя и Юру, сидящими рядом за обеденным столом, накрытым красивой скатертью. На столе, распространяя соблазнительный аромат, дымится тарелка с густым наваристым борщом. В бордовом бульоне плавают золотистые лужицы жира, огибая куски мяса, островки картошки, свеклы, капусты и прочих ингредиентов. Юра сидит за столом в белом кружевном нагруднике, а Наташа большой ложкой зачерпывает очередную порцию борща и ловко отправляет ее Юре в рот. Новое имя Наташи звучало так: "Я та, которая кормит Юру борщом". Она подтвердила точность найденного имени, признавшись, что в приготовлении борща достигла высочайшего мастерства.

Потом я порекомендовал Наташе повторять новое имя и представлять сцену угощения борщом в те моменты, когда она будет вспоминать о Юре или общаться с ним. Наташа ушла в приподнятом настроении и, что особенно важно, с новым пониманием происходящего. Она осознала, что Юра — не "засранец" и не "придурок", а экзаменатор, указывающий на ее собственные промахи и предлагающий ей скорректировать свои действия. Наташа была полна решимости сдать этот экзамен, что ей великолепно удалось.

Она появилась примерно через неделю и прямо с порога радостно сообщила, что Юра с ней полностью расплатился (к удивлению родственников и знакомых). Но самое любопытное, что Юра стал названивать Наташе, рассыпать комплименты, мило шутить и забавлять ее и наконец делать недвусмысленные намеки, чего ранее не наблюдалось. Рассказывая об этом, Натали равнодушно пожала плечами, ее лицо приняло пренебрежительное выражение, и она заявила: "Все это меня, конечно, не интересует". Но на мой взгляд, это была маленькая женская хитрость, и, скорее всего, Наташа с удовольствием выслушивала Юрины "серенады". Тем более что в следующее мгновение ее лицо озарялось довольной улыбкой и с губ слетало признание: "Похоже, борщом-то я его перекормила..."

Перемещения в пространстве.

Мы с мужем решили снять отдельную квартиру без мебели на длительный срок, чтобы потихоньку обзаводиться собственным хозяйством. Со временем мы планировали приобрести собственную квартиру. У нас уже был печальный опыт неудачной аренды жилья — за прошлый год мы переезжали дважды. Стоило нам с мужем довести до ума чужие хоромы, сделать ремонт, частично оплачиваемый владельцами, как нас просили освободить квартиру. С формальной точки

зрения никаких нарушений не было, но хозяева быстро забывали свои обещания о длительности аренды.

Когда хозяин нашей новой квартиры, господин Форточкин, потупив взор, намекнул, что нам, возможно, придется освободить его квартиру, мы прямо-таки оторопели. Мы снова дали себя облапошить — предстоял третий переезд. Самое неприятное было чувствовать себя дурачками, которых ловкие владельцы недвижимости использовали как бесплатную рабочую силу для обустройства своих апартаментов, да еще взимая изрядную плату. Наплакавшись вволю, я решила действовать. Но как?

Форточкин и рад бы пролонгировать договор на несколько лет, как обещал ранее, но его дочь Эльза надумала выйти замуж и поселиться в этой квартире. Нашего хозяина явно настораживал жених дочери, его криминальные замашки, неопределенность занятий, отсутствие жилья. Словом, Макар Кузьмич надеялся, что дочь изменит решение, и умолял нас подождать до окончательного ответа месяц-другой. В любом случае, мы могли прожить в их квартире еще несколько месяцев после окончания нашего годичного договора, пока не подыщем себе новое жилье.

Вдобавок, квартира вдруг стала меня раздражать. Мне было жалко, что все труды по обустройству быта пошли “коту под хвост”. Пугала и финансовая сторона переезда. Теперь стали проявляться минусы нынешнего жилья, на которые я раньше закрывала глаза, и мне захотелось скорее покинуть эту квартиру.

Я не знала, как быть: то ли всеми силами пытаться остаться здесь, то ли попробовать найти жилье, которое нас действительно устроит. И не дожидаясь от Эльзы окончательного решения, я начала поиски квартиры.

В это время я встретила своего знакомого, несколько лет применявшего симоронские техники. Он подробно рассказал мне о системе Симорон. Я искренне поблагодарила Макара Кузьмича за предупреждение, что наши скитания никогда не закончатся и стала анализировать ситуацию.

Однажды, прибыв за квартплатой, он обмолвился, что больше всего на свете любит спокойненько порыбачить. Кузьмич даже приобрел для вылазок на природу старенький “УАЗик”. Покупку жена обозвала “просто бредом” и долго возмущалась: “Зачем купил эту развалюху?” Форточкин добавил, что его дражайшая половина, Евдокия Апполинарьевна, не одобряет его увлечения. Пригладив висячие усы, он сокрушенно изрек: “Доконали меня эти бабы! Хотел 8 марта поехать на рыбалку, отдохнуть по-человечески, а эта стервоза не пустила. Пришлось сидеть дома”.

Я впервые обратила внимание на этого мешковатого, лысенького мужичка с одутловатым лицом. Казалось, что он всеми заброшен: мятые штаны, разлапистые ботинки с комьями грязи, куртка в пятнах машинного масла. Я заметила его суетливость, виноватый вид, вызывающий жалость. Передо мной стоял замученный семьей из трех женщин человек, которого мой муж окрестил подкаблучником. Макару Кузьмичу явно не доставало душевного комфорта и спокойствия. Но когда он рассказывал о зимней рыбалке, его лицо озарялось блаженной улыбкой. Я подумала, что лучшим способом обеспечить ему душевный комфорт будет отдых от семьи и возможность вырваться на природу, прихватив коловорот. Господин Форточкин получил имя: **“Я тот, который едет на “козле” с коловоротом”**.

После такой нестандартной работы я совершила вполне прозаические действия — оставила с десяток заявок в агентствах по недвижимости. Когда ко мне возвращались сомнения по поводу переезда, я мысленно заводила “козлика” и “отправляла Кузьмича рыбачить”. В итоге я почувствовала себя гораздо спокойнее.

Форточкин, приехавший за квартплатой, посвятил меня в перипетии своих отношений с дочерью и пообещал всячески на нее влиять. На успех он практически не надеялся. Раньше я не знала о его разногласиях с Эльзой, и меня очень удивил рассказ Кузьмича. Истинной драмой Макара был серьезный конфликт с дочерью. Она вела с родителями настоящую войну, вечно огрызалась, запиралась в своей комнате и “отца родного ни в грош не ставила”. Эта информация требовала коррекции в работе. Через трэк было добыто свеженькое имя Форточкина, учитывающее проблемы с Эльзой: **“Я тот, который надувает разноцветные наволочки”**.

Во всех агентствах мне отвечали: “Найти квартиру по вашей заявке просто нереально. Не мешало бы вам либо снизить требования, либо повысить арендную плату”. Несмотря на это, я методично работала с именем. Еще десяток агентств получили ту же заявку.

Через две недели позвонила агент и предложила посмотреть интересную квартиру, отвечавшую всем моим требованиям, но которая была на 40 процентов дороже нынешней и на

одну комнату меньше. Правда, огромная кухня компенсировала второй недостаток, но цена... Было решено ехать на встречу с хозяйкой и попытаться сбить цену. Ни на минуту не забывая про взмывающие в небо наволочки умопомрачительных цветов, мы отправились на просмотр.

Хозяйка, мадам Симбиевич, оказалась поистине грандиозной женщиной: крупный торс, глубокое декольте, зычный голос плюс бьющая через край энергия и напористость маленького танка. Я мысленно попрощалась с надеждой снять расчудесную квартирку, понимая, что нам не уступят ни копейки. Выяснилось, что уступят, и столько, сколько нам нужно, и ремонт оплатят, и договор составят на нужное количество лет.

Я мечтала снять квартиру именно в этих домах: в пятидесяти метрах от роскошного парка с озерами, каменными мостами, скульптурами и памятниками. Вдобавок, кирпичная башня располагалась в пяти минутах ходьбы от метро, поблизости от моих родителей. Квартира была с высокими потолками, огромной лоджией и милейшими соседями. Хозяйка оказалась очень приятной женщиной, с которой мы быстро нашли общий язык.

Когда агент оформляла договор, я вспомнила наши условия проживания у Форточкина, за которые упорно цеплялась: блочный дом с «картонными» стенами; пятиметровую кухню; окна, выходящие на крышу библиотеки, то есть помойку, по которой ходят подростки и стучат в окна; соседей, преимущественно хронических алкоголиков; вечные ссоры с ними, иногда заканчивающиеся вызовом милиции. Грустную картину дополняли котлованы вокруг дома, которые забыли зарыть. Я припомнила героические вылазки с ребенком в коляске, когда мы рисковали свалиться в какой-нибудь окол.

После подписания договора мы с мужем с энтузиазмом принялись за ремонт и вскоре переехали. Ура!

Спустя месяц после переезда мне позвонила дочь Форточкина, чтобы решить вопрос с телефонными счетами. После официальной части Эльза вдруг задушевно призналась мне, абсолютно незнакомому человеку, что замуж она так и не вышла, ибо жених оказался редкостным проходимцем. Эльза предложила будущему мужу составить брачный договор, в котором владение квартирой остается только за ней. Жених вознегодовал: «Как можно мешать мои светлые чувства с меркантильной дележкой имущества?» И поставил условие: либо он прописывается к Эльзе без всяких брачных договоров, либо свадьбы не будет. Она разумно решила, что и, правда, — лучше свадьбе не бывать. Теперь он временами появляется и угрожает ей. А потом девушка с сожалением добавила: «Как жалко, что вы уехали. Ведь мы собирались продлить договор».

Все действующие лица оказались в выигрыше. Мы с мужем — в полном восторге от нового жилья. Эльза вовремя раскусила жениха-авантюриста и, по ее словам, избежала глобальных неприятностей, вплоть до потери квартиры и жестокой душевной травмы. Форточкин с женой теперь проводит много времени в квартире у Эльзы, помогает ей обустроиться, вешает книжные полки и морально поддерживает дочь в трудный момент разрыва с «любимым». По последним сведениям от Макара Кузьмича, в семье воцарились мир и покой.

Жертвам финансовых пирамид.

Повествование относится к 1994 году, когда население страны было охвачено «золотой лихорадкой». В Москве на каждом углу пестрели объявления, в которых всевозможные коммерческие банки, компании и акционерные общества сулили баснословные проценты. С телеэкранов не сходили суперзвезды рекламы — Рита и Леня Голубковы, зазывая пуститься в погоню за сокровищами. Расчет был прост и строился на древнем человеческом соблазне: на дармовщинку сорвать приличный куш. В таком виде проявилась вера в чудеса, присущая русскому народу.

Повсюду можно было увидеть длиннющие очереди, — это азартные игроки сутками стояли на улице перед манящими и согревающими душу дверями. Там их ожидала сочная, увесистая охапка сена (см. притчу о Насреддине). И они спешили избавиться от жгущих карманы пачек денег, охотно давая оседлать себя очередному погонщику ослов, который и сам был ослом, одержимым бумажками с президентами.

Вирус денежной лихорадки захватил и меня. Тем более что один из моих знакомых, житель Подольска, несколько раз вложив деньги во «Властилину», смог купить себе автомобиль «Жигули» и однокомнатную квартиру. Оставалось сделать выбор: куда отнести дензнаки? После размышлений я остановился на акционерном обществе «Гермес-Финанс». Сия фирма являлась детищем концерна «Гермес», который то и дело мелькал в средствах массовой информации и

производил солидное впечатление. По сравнению с другими инвестиционными компаниями, “Гермес-Финанс” обещал меньшие проценты, что вызывало доверие. Кроме того, предлагалось страхование вкладов, впрочем, осуществляемое тем же “Гермесом”. Я отбросил сомнения и решился на эту авантюру.

Стояла середина мая, в безоблачном небе светило солнышко, цвели каштаны, устремив вверх бело-красные пирамидки соцветий.

Накануне я впервые побывал на необычном семинаре Бурлана, посвященном работе с предупреждающими сигналами. Впечатления были свежи, и я внимательно следил за сигналами. Пока все складывалось благоприятно: транспорт подходил вовремя, нигде не видно было очередей, задержек на пути не возникало, перед входом в пункт приема вкладов было свободно. Внутри все выглядело чинно и благообразно: большая светлая комната, икебана на столах. Милые, обходительные дамы в деловых костюмах любезно знакомили с необходимой информацией и оформляли вклады. Ничто не предвещало осложнений. Я положил деньги на минимальный срок — три месяца, рассчитывая получить 50 % прибыли.

Летом тучи в атмосфере народных инвестиций начали сгущаться. Лопнул громадный мыльный пузырь из трех букв — “МММ”, прекратила выплачивать деньги подольская “Властилина”, рухнул банк “Тибет” и так далее. Заветы Терентьевича (Бурлана) к тому времени были подзабыты, и все эти тревожные сигналы остались неотблагодаренными. “Гермес-Финанс” держался на плаву, и в конце августа я поехал получать дивиденды.

В свете последних событий я колебался: снять все деньги или забрать первоначальный вклад, оставив проценты еще на три месяца. Сובлазн урвать дополнительный клочок дармового сена был слишком силен, и я решил сыграть повторно: “Кто не рискует, тот не пьет шампанского!” В движениях мадам, переоформляющей вклад, была заметна легкая озабоченность и нервозность. Но и это меня не остановило — рыбка попала в сети. Вдобавок, исходную сумму я вернул, и на кон были поставлены дармовые денежки.

Осенью произошли небезызвестные события, связанные с резким взлетом курса доллара. Они вошли в историю под названием “черного вторника”. Оставить без внимания такой мощный сигнал я не смог и поблагодарил Ванечку. Однако ситуация уже стала неуправляемой. Пришло “время собирать камни”. В назначенный день я прибыл к знакомому пункту “Гермес-Финанс”. Попал я туда к вечеру — постеснялся сделать ПВБ своему знакомому и был вовлечен в мероприятие, которое могло бы обойтись без моего участия. В итоге я потерял массу времени, ожидая электричку и добираясь из другого города. Сигналы настойчиво бомбардировали меня в тот день, но я не придал им особого значения, и вихрь усилился.

На подступах к бронированной двери гудела возмущенная толпа. Выяснилось, что якобы из-за последствий “черного вторника” выплата вкладов почти прекращена. Деньги выдавали тем, кто должен был получить их на второй или третий день после рокового вторника. Причем выплачивались лишь небольшие суммы. Дверь приоткрылась, и оттуда появился смущенный счастливчик, которому с процентами вернули кровные тугрики. Разъяренные вкладчики бросились на приступ, стремясь прорваться в образовавшуюся щель. В проеме появился одетый в строгий костюм служащий конторы и попытался объяснить ситуацию, призвать граждан к порядку. Но наткнувшись на гнев и негодование осаждающих, быстренько ретировался и захлопнул дверь.

Растрепанный дядька с покрасневшим лицом объяснил мне, что если я еще надеюсь получить деньги, нужно проникнуть внутрь и поставить штамп в договор. Когда дверь приоткрылась, мне удалось протиснуться в нее. Раздраженная секретарша шлепнула смехотворный штампик на бумажку с договором. “Денег сейчас нет, и выплаты идут очень медленно. Звоните, узнавайте”, — сделала она своеобразное ПВБ. На память пришла сказка Пушкина “О рыбаке и рыбке” с поучительным финалом.

Оказавшись на улице и вдохнув свежий морозный воздух, я перевел дух. Было темно, на землю падал мягкий снежок. Город жил собственной жизнью, и по Садовому кольцу нескончаемым потоком неслись автомашины. Легкий морозец отрезвил меня, и я возблагодарил Ванечку. Происшедшее предупреждало, что я могу попасть в более неприятную авантюру, потерять все средства к существованию и, в итоге, оказаться в долговой яме. Ваня срочно нуждался в спокойствии и эмоциональном комфорте.

Я расфокусировал взгляд, и огни вечерней Москвы были превращены воображением в разноцветные фейерверки, елочные гирлянды и блестящую мишуру. Густую, высокую ель цвета морской волны украшали тропические фрукты и цветы. Елку венчал эмалированный детский

горшок, на котором восседал Дед Мороз в белой накидке бедуина. Вокруг елки, взявшись за лапы, двигались в хороводе экзотические зверушки.

Вместо того чтобы сожалеть об утраченном барыше, я вызывал образ елки с хороводом. Время шло, а звонки в “Гермес-Финанс” не приносили утешительных вестей. Вклады не выдавались, а в телефонной трубке раздавались длинные гудки. Вспомнив, что симоронист не проявляет излишней прыти, я перестал ломиться в запертую дверь. Но периодически меня посещали сомнения: откуда возьмутся потерянные деньги? И я продолжал водить хоровод вокруг нарядной елки.

Иногда мне хотелось изменить образ подарка — что-то стереть, дорисовать детали, ввести новые действующие лица. Например, из-за елки могла выйти старуха Шапокляк в костюме Снегурочки, залезть на табуретку и голосом оперной певицы запеть: “Мы волшебную косим трын-траву”.

Как часто случается у симоронских волшебников, итог превзошел все ожидания. После Нового года жена несколько раз получила различные суммы денег, что было для нее полной неожиданностью. Общий размер этого “вознаграждения” превышал сумму, исчезнувшую под обломками финансовой пирамиды.

Эту историю я рассказываю заказчикам, которые испытывают денежные затруднения в результате нечестных действий со стороны партнеров. И заказчики, применив симоронские техники, находят невидимый доселе выход из тупика.

Велосипед для Федора, или дело о неуплате алиментов.

С проблемой, о которой пойдет речь, обратилась моя знакомая по имени Таня. Ее бывший муж Альберт долгое время не платил алименты на сына Федора. От всяческих контактов отец Федора уклонялся — не появлялся и не звонил. А все Танины звонки к нему на работу заканчивались одинаково — ей отвечали, что Альберт в командировке. Работал он в милиции и имел высокую должность, посему “качать права” Тане было бессмысленно. Отношения они сохранили хорошие, и обиды на бывшего мужа Таня не держала. Беспокойство было вызвано исключительно денежными трудностями.

Таня выразила неплательщику алиментов благодарность за предупреждение о том, что ее беспокойство может перерасти в неуправляемую панику. Деньги иссякнут, даже если продать все имущество. И в результате Таня может закончить свои дни в сумасшедшем доме, а Федя — в колонии для малолетних преступников.

Таня сообщила, что раньше Альберт часто проявлял материальную заботу о сыне. Это — симоронский след. Чтобы его расширить, я попросил Таню вспомнить, в каких поступках отца проявилась эта забота: может быть, купил какую-то нужную вещь, или подарил мальчику игрушку, или смастерил что-нибудь? Самым значительным событием оказалась покупка велосипеда, о котором давно просил мальчишка.

Мне было нетрудно представить радость Федора, когда однажды вечером отец привез домой долгожданный “велик”. Я мгновенно перенесся в свое детство и вспомнил, как сам мечтал о велосипеде. Однажды я увидел его во сне и, проснувшись, очень огорчился, не обнаружив велосипеда. Вскоре после “вещего” сна мы с отцом поехали в спортивный магазин. На обратном пути я, не веря собственному счастью, гордо катил по залитой весенним солнцем улице Мира новенький промасленный велосипед “Орленок” пронзительно-изумрудного цвета.

Мы расширили симоронский след до имени: “Я тот, который покупает Федору велосипед”. Каждый раз, сталкиваясь с денежными проблемами, Таня повторяла “велосипедное” имя. Через пару дней папаша объявился — приехал домой с гостинцами. Денег, правда, не дал.

Деньги появились, как часто случается при использовании симоронских техник, из другого источника. Позвонила подруга Татьяны и сообщила, что давняя сделка, в которой участвовала и Таня, неожиданно дала большую прибыль. Таня получила кругленькую сумму — комментарии излишни.

Прибавка к зарплате.

Моя знакомая, Валя, заняла у меня кругленькую сумму на несколько дней. Неделя шла за неделей, но о долге она и не заикалась. Мне нелегко было спрашивать Валю о долге, потому что у меня уже был неприятный случай, когда я в шутку напомнила одной из подруг о “копеечном”

долге. А в ответ услышала о себе много нового: я и вымогательница, и скупердяйка, и крохоборка. В результате мы надолго разругались.

Пока у меня были деньги, я не очень-то волновалась, но однажды мои карманы опустели, и я скрепя сердце пошла к Вале. Тут-то я и узнала, сколько она тратит на ребенка, на неработающего мужа, на лечение своих болезней и на все свои тридцать три несчастья. Затем был продемонстрирован пустой кошелек и дано обещание отдать деньги в аванс. Так происходило в каждый мой визит к Вале, а поскольку мы по работе часто видимся, я довольно тесно познакомилась с ее проблемами. Иногда ее получки хватало только на то, чтобы раздать половину долгов, и если бы не случайные халтуры, она, наверное, умерла бы с голоду. Признаться честно, мне ее было жалко, ведь я знала, что денег у нее действительно нет. Проблема завихрилась.

Тут я познакомилась с Бородой, и он поведал мне, как симоронисты разрешают проблемы. Я поблагодарила Валу за предупреждение, что могу лишиться денег и постепенно начну распродажу вещей. В результате я могу оказаться в переходе метро рядом с местными старушками, крестясь и протягивая дрожащие руки вместе с ними.

Вале было даровано душевное равновесие в виде золотой музыкальной шкатулки. Под звуки вальса, по зеркальной поверхности шкатулки каталась на серебряных коньках маленькая девочка. Она была в бордовой шубке с белой меховой оторочкой и шапочке с помпоном, и как будто сошла со страниц сказок Андерсена. Вспомнив про страсть Вали к старинным вещам, я с удовлетворением подумала, что подарок ей бы понравился.

Через два дня ко мне подошла моя начальница, Татьяна Викторовна, с которой у нас, прямо скажем, не было взаимной симпатии. Она отличалась скверным характером и привычкой придирается по всяким мелочам. Поскольку Татьяна сидит как раз напротив меня, то она часто выражает свое мнение по поводу моей одежды, прически, лица, пятиминутного опоздания на работу и т. п.

И вот эта вредная особа вдруг приходит и говорит: “Я ходила в кадры и узнала, что мы можем повысить тебе оклад”. Мы с ней безотлагательно подписали все бумаги, и мне прибавили зарплату. Мало того, у нас улучшились отношения с Татьяной. Ядовитые замечания стали звучать гораздо реже. Татьяна стала рассказывать анекдоты, делиться своими кулинарными рецептами, вспоминать случаи из своей, богатой событиями, жизни. Вот сейчас я пишу эту историю, поедая фруктовый салат, приготовленный по рецепту Татьяны Викторовны.

Вскоре у нас с Валею произошла душераздирающая сцена. Я осведомилась, не считает ли она меня подпольным миллионером или ходячим сбербанком. На что Валентина припомнила, сколько раз она меня угощала, оказывала разные услуги. По ее словам выходило, что я еще и приплатить должна. Валя так разошлась, что очки съехали с носа, лицо покраснелось. Она махала руками, защищая свой кошелек от посягательств. Сцена закончилась тем, что Валя заплакала и достала деньги. Тут уже я не выдержала:

— Раз так, — мне твоих денег не надо!

Валя со слезами умоляла простить ее:

— У меня сплошные проблемы, ночами не сплю, все думаю, как долги раздать. Мне очень стыдно перед тобой.

— Ладно, — ответила я, — половина твоя, половина моя.

На том и порешили. Обнялись, и с тех пор с моей души свалился тяжелый камень.

Недавно другая знакомая заняла у меня “до завтра” немного денег и не вернула. Я промолчала, но вспомнила музыкальную шкатулку. Через неделю мне выплатили внеочередную премию, а на следующий день знакомая с извинениями вернула долг.

Глава 3. Повесть о маленьком Будде.

*Всем, кто утратил надежду,
посвящается*

В этой главе речь пойдет о том, как человек открыл в себе удивительные способности волшебника, как благодаря этому он смог распутать сложный клубок внутренних противоречий

и житейских проблем. Перед вами захватывающее повествование о том, как удалось найти выход из тупика отчаяния и сыграть новый, увлекательный акт в пьесе под названием “жизнь”.

Замысел нашей книги не позволяет изложить все подробности. Но и то, что вошло в короткую повесть, достаточно ярко иллюстрирует известную нам с детства историю о превращении гадкого утенка. Снимите ваши шляпы, господа! Представление начинается...

Пророческий сон.

Мне позвонил Саша. Я знал его около трех лет как общительного жизнерадостного человека и немало удивился, услышав, что несколько десятков лет его мучают постоянные головные боли. В последнее время они усилились, и Саша надеялся на помощь Симорона. Он побывал на одном тренинге и немного знал об этой системе.

Стоял конец августа, и через день мне предстояла поездка в Крым. Времени было мало, и я пообещал зарядить для него водичку*, а после возвращения в Москву поработать более обстоятельно. На следующий день я передал ему бутылку с водой. Саша, действительно, сильно сдал. В таком угнетенном состоянии я его не видел. Целебная вода и короткая беседа немного приободрили его.

Вернувшись через две недели из Крыма, я погрузился в суматоху привычных дел и совершенно забыл о Саше. Примерно неделю меня преследовало смутное ощущение неудовлетворенности, чего-то упущенного. Однажды мне приснился сон.

Действие происходило на громадной остроконечной глыбе льда. У самой верхушки глыбы вилась узенькая тропка, а дальше — бездонная пропасть. В этом сне я был провинциальным актером, и меня окружали известные артисты, звезды театра и кино. Разыгрывалась комедия, и звезды играли весело и непринужденно. Особенно блистал Костолевский. Гундарева, Табаков, Джигарханян, Крамаров тоже были в ударе. Никакого сценария не было — сплошная импровизация. События принимали самый неожиданный оборот, мгновенно менялись декорации. Смешную роль надо было сыграть и мне, но легкой, искрометной игры не получалось.

Я был скован, все время запинаясь, невпопад ронял глупые реплики, — не давала расслабиться зияющая бездна, вдоль края которой мы двигались. Я то и дело поглядывал в пустоту, и по спине пробегал холодок. Никулин, Вицин и Моргунов многозначительно переглядывались, когда я допускал очередной ляп.

В голове вертелась мысль: “Скорее бы все это кончилось”. Без всякого предупреждения пьеса оборвалась, и звезды, сбившись в тесный кружок, вынесли безжалостный вердикт:

— Свою роль ты сыграл слабовато и совсем не смешно.

Повисло тягостное молчание. Вперед вышла Гундарева и предложила:

— А может, дадим ему еще шанс?

Булдаков с неизменной сигарой во рту поддержал ее:

— Ну вы, блин, даете!

Остальные пожали плечами и после короткого раздумья согласились.

Сон был таким ярким и живым, что повседневная реальность показалась бледным подобием. Перебирая в памяти детали сна, я вышел из дома. У края железнодорожной платформы трое мужичков разливали по бумажным стаканчикам бутылку “Столичной”, и тут же возник забытый кусок сна.

Ледяная сцена трансформировалась в зал, затянутый бордовыми портьерами. В центре стоял длинный стол, уставленный закусками, а за ним — участники спектакля. Из-за стола поднялся Андрей Миронов в роли Остапа Бендера, отхлебнул водки прямо из графина, забросил за спину белый шарф, надвинул поглубже фуражку и произнес: “Заседание продолжается, господа присяжные заседатели!”

Цепочка ассоциаций замкнулась: мужики со “Столичной” — великий комбинатор с графином — бутылка с заряженной водой. Саша! Сон каким-то образом связан с ним. Вот откуда неясное предчувствие! Я незамедлительно отблагодарил Ванечку за предупреждение, что вечно буду

* Более подробно о заряженной воде см. рассказ “Златовласая куколка”.

забывать данные обещания, и подарил ему душевный комфорт в форме ветряной мельницы с крыльями из павлиньих перьев.

Только поздним вечером мне удалось дозвониться до Сашиной жены Ирины. Надтреснутым голосом она сообщила: “Саше совсем плохо. Боли не прекращаются, стали невыносимыми. Вчера я положила его в больницу”.

После разговора с Ириной я настроился на Сашу, чтобы оценить серьезность его положения. Саша находился в смерчевой ситуации, когда человек заслонен от мира плотной стеной разрушительных сигналов. Он видит себя в этой стене искаженно, как в кривом зеркале. Вытащить его из воронки смерча почти невозможно.

Возле нашего дома есть футбольное поле. Когда я проходил мимо, один из пацанов готовился ударить по воротам. Я подумал: “Если промажет, Сашу можно вытащить. Если забьет гол, значит, все пропало”. Мяч влетел точно в девятку. Неужели ничего не выйдет? Опять выплыл вчерашний сон. Как там было сказано: дадим ему еще шанс? “А ведь это про Сашу!” — внезапно осенило меня.

Вспомнилось, каким Саша был в то время, когда мы работали вместе. На лице у него вечно была улыбка, Саня мог найти общий язык с кем угодно. Ни разу я не видел его возмущенным или обиженным, и это при изнуряющих головных болях. Какая внутренняя сила у небольшого с виду мужичка! Потом Ира рассказывала, что долгое время после замужества не подозревала, что он сильно болен. Догадки появились, когда заметила, что он украдкой глотает таблетки. Неужели такой человек не сможет выкарабкаться? Прочь сомнения! “Заседание продолжается, господа присяжные заседатели!”

Путешествие по Венеции.

Я опять созвонился с Ириной и договорился о приезде к Сане в больницу, в которой она работала врачом и могла предоставить нам свой кабинет. Ирина перечислила столько диагнозов, поставленных мужу, что их хватило бы на всю больницу. От мудреных медицинских терминов у меня чуть не повалил дым из ушей, и я даже не дослушал весь список. Как профессиональный медик, Ирина понимала, что из этого “букета” достаточно одного заболевания, чтобы отправить человека на тот свет. Например, такого, как арахноидит — воспаление оболочки головного мозга. Традиционная медицина считает его неизлечимым.

Однако Ирина не теряла надежды. Они с Сашей жили в поселке Некрасовка, где и находилась больница. Ира выписала временный пропуск, и в назначенный час я приехал в больницу. Саша производил тягостное впечатление: бледное восковое лицо, потухший взгляд человека, одной ногой стоявшего за чертой смерти. Его штормило из стороны в сторону, координация была нарушена.

Саша рассказал, что головные боли мучили его с детства (сейчас ему за сорок). Ему ничто не помогало: ни сильные обезболивающие средства, ни многократное лечение в больнице. Саша начал заниматься различными духовными практиками: системой Порфирия Иванова, динамической медитацией, Раджа-йогой, Рэйки... Особого эффекта это не дало. Состояние ухудшалось. Доходило до того, что он несколько суток подряд лежал пластом, в полуобморочном состоянии. Сашу мучила рвота, у него были провалы в памяти, он терял ориентацию во времени и пространстве. Передышки сокращались до одного-двух часов в день. Саша глотал по две пачки таблеток ежедневно. От большого количества лекарств была полностью разбалансирована работа иммунной системы и пищеварительных органов.

Во время нашей беседы Шурик, как обычно, испытывал сильную головную боль. Он был знаком с Симороном, и объяснять ему идею благодарения не требовалось. Саша стал благодарить головную боль и прочие болячки, предупреждающие хозяина о возможном усилении мучений и, в конечном итоге, о заколачивании в деревянный ящик. Я предложил Саше переименоваться через трэк.

Он сел поудобнее, закрыл глаза и увидел диагностический образ — черное пятно, которое затем преобразовалось в старый прогнивший колодец, окруженный песком. Из колодца сочилась струйка воды, которая постепенно превратилась в равномерный поток, и вскоре всюду расстилалась зеркальная гладь. Наконец, среди водной поверхности выросли ажурные здания, арки мостов, башенки, остроконечные крыши домов, стены каналов, лесенки. Вокруг неспешно скользили гондолы с нарядно одетыми пассажирами. Заходящее солнце окрасило облака,

сооружения, поверхность воды в золотисто-розовые тона. Саша находился внутри дивной картины, пересекая Венецию на гондоле.

С удивлением он заметил, что головная боль исчезла. Впервые без таблетки, без болеутоляющих уколов он сам справился с ней. Шурик радовался как ребенок. Пока он ликовал, я встал и подошел к окну, чтобы немного размяться. День выдался хмурый, дождливый. Но к этому времени небо на западе очистилось, и солнце, повисшее над краешком леса, позолотило пелену облаков. Точь-в-точь, как в Венеции. Второй экран подтвердил качество работы! Новое имя было готово: **“Я тот, который плывет по каналам Венеции”**. Два дня голова не болела вообще. Новоиспеченный гондольер назвал это колоссальным достижением. Одного удачного опыта оказалось достаточно, чтобы воскресить веру в себя и убедиться: “Симорон работает!”

Отныне он частенько отправлялся в Венецию, особенно при первых признаках головной боли. Передышки увеличились, начался процесс восстановления. Отметим, что симоронист не занимается болячкой, не ищет, где она гнездится, а сразу находит просвет и расширяет его. В этом принципиальное отличие Симорона от известных целительских практик.

Не забудьте выключить телевизор.

Саша взялся осваивать симоронские приемы и техники. Скоро он рассказал о новом достижении. Весь день в его четырехместной палате шли оживленные разговоры о предстоящем футбольном матче — обсуждались шансы нашей сборной. Рядом была палата на шесть человек с телевизором, которая вечером превратилась в министадион. Саша упустил, не отсиморонил момент, когда начала побаливать голова, и к вечеру боль стала невыносимой.

К несчастью, начался футбол. Ребята поддали и врубили телевизор на полную громкость. Они орали и топали ногами, бурно реагируя на острые моменты игры. Деваться было некуда. Пришлось Сане отблагодарить телевизор, хотя естественнее было работать с футбольными фэнами. Саша благодарил за предостережение, что от громких звуков голова может расколоться, как кокосовый орех.

Наш герой представил телевизор, мысленно открыл его и изумился: пылица необыкновенная. Взял мяконькую колонковую кисточку, почистил все платы. Протер спиртиком контакты, осмотрел каждую детальку, подпаял, где надо. Экран протер чистой фланелевой тряпочкой. Подключил стабилизатор напряжения. Словом, выдал сигнализатору то, в чем он нуждался. Он применил симоронский метод переименования актуального сигнала. Тут пришла медсестра и сделала выговор распалившимся болельщикам: “Вы мешаете другим больным!” Те выключили телевизор и ушли в другую палату. Вслед за этим стихла и боль в голове.

Зубастая щука.

По признанию Саши, одно из главных препятствий на его пути к гармоничной жизни — страх смерти, страх перед бездной, на краю которой он оказался. Фактически, Шурик смирился с мыслью, что падение неизбежно. Он рассказал, что незадолго до начала нашей работы приготовился к смерти и разработал драматический и эффектный уход из жизни. Не один раз он представлял, как раздает друзьям самые любимые вещи, как, пустив скупую мужицкую слезу, прощается с женой и уходит в дремучие леса — помирать.

Тем не менее призрак костлявой старухи с косою чрезвычайно пугал. Безысходным казался и страх перед изматывающими приступами, перед болью. Едва она затихала, возобновлялось ожидание очередной волны боли и страх перед ней. С этим необходимо было срочно разобраться. Саша поблагодарил чувство страха и стал вспоминать, когда оно впервые его посетило. Корневое событие было найдено почти сразу.

Пятилетний Шурик гостил летом в деревне. Возвращаясь с речки, он подошел к компании деревенских мальчишек, скучающих на завалинке. Самому старшему из них пришла мысль подшутить над малышом. Он выхватил здоровенную полуживую щуку и, растопырив ей пасть, резко поднес к лицу Шурика. Рыбина шевелила жабрами и била хвостом. Что творилось с Шуриком, описать невозможно. Сбежались взрослые, и его с трудом удалось успокоить.

Надо переименоваться. Реального благодарственного поступка для мальчишки Саня не мог совершить — они были незнакомы. Значит, надо переиграть корневой эпизод. Саша остановился на следующем варианте. Увидев, что мальчишкам скучно, он подошел к ним и вытащил из кармана перочинный ножик. Глаза у пацанов загорелись, и предложение Шурика сыграть в “ножички” нашло всеобщую поддержку. Время пролетело незаметно, и когда он собрался уходить,

старший из мальчишек предложил щуку в обмен на ножик. Шурик едва дотащил крупную рыбину до дома. Все! Не было никакого испуга, а Шурик получил новое имя: **“Я тот, который предлагает мальчишкам игру в ножички”**.

Переиграв корневой эпизод, он почувствовал сильное облегчение, и его сегодняшние страхи показались беспочвенными. Если они подбирались вновь, Саша воспроизводил полученное имя, возвращая себе смелость. То, что имя выбрано верно, подтвердилось в нашу следующую встречу. Саша достал блокнот, куда записывал возникающие вопросы, и я увидел на обложке пятнистую зеленую щуку. Дополнительное подтверждение было получено, когда я записывал эту историю, а моя жена смотрела по телевизору “Особенности национальной охоты”. Я поднял взгляд на экран и узрел, как пьяненький лесник Кузьмич вылавливает щуку.

Будда, парящий в смокинге.

Спустя некоторое время Сашу выписали из больницы. Благодаря богатому воображению, он оказался способным волшебником и в одну из наших встреч порадовал следующим рассказом.

— Сколько себя помню, у меня не складывались отношения с матерью. Мы живем отдельно, но от этого не легче. Телефонный разговор с ней — сущее наказание. Мать начинает учить уму-разуму — как мне жить, как ходить, как есть, как общаться с женой. По ее словам оказывается, что я “дурак и работаю за всю родню, а они лишь наблюдают за этим. (Кроме Саши и Ирины в их квартире живет дочь с зятем.) Жена плохая — пуговицу не пришьет, борща не сварит”. Мать вечно упрекает, что я не ухаживаю за ней, не помогаю по хозяйству. Но стоит приняться за дела в ее доме, как выясняется, что я все делаю неправильно. Тихий и спокойный разговор быстро переходит в скандал, и мы яростно бросаем трубки. Дело дошло до того, что, едва заслышав по телефону голос матери, я закипаю как самовар.

Я поблагодарил ее за предупреждение, что самовар может не выдержать и разорваться на тысячу осколков. Чтобы подарить матери спокойствие и душевное равновесие, попробовал переименоваться через трэк. Я представил две бетонные стены, с грохотом сталкивающиеся между собой. Потом они рассыпались. Когда облако пыли рассеялось, я увидел Будду, парившего в воздухе над лесной поляной. Как и положено, он сидел в позе лотоса, улыбался блаженной улыбкой и распространял светящийся ореол.

Будда был необычен — в безукоризненном смокинге с бабочкой и в лакированных штиблетах, во рту торчала сигара. Я дал себе имя: **“Я тот, который парит в смокинге”**. Перед тем, как говорить с матерью, представлял себя в таком виде. Результаты не заставили долго ждать. После первого же звонка я почувствовал себя вполне комфортно. Мы поговорили о бытовых мелочах и попрощались, довольные друг другом. С тех пор наши взаимоотношения стали доброжелательными.

Вышитый слон и снеговые сандалии.

Одна за другой вскрывались труднейшие психологические проблемы, мучившие Сашу. Я удивлялся, сравнивая веселого и разговорчивого Сашу, каким я его помнил в начале нашего знакомства, с нынешним — унылым и неуверенным. Постепенно я стал понимать, каким образом герою нашей эпопеи удалось загнать себя в подобный тупик.

Дело в том, что он носил проблемы и противоречия в себе, стараясь загнать их поглубже. Не получая выхода, они раздирали его на части. Раздирали в буквальном смысле — и психику, и физическое тело. Новые попытки подавления приводили к обратным результатам — самовар бурлил сильнее. Образовался замкнутый круг. Выход из него показался, когда Саня **перестал бороться** с болячками и страхами, когда он осознал неоценимую помощь и подсказку со стороны своих же проблем и начал их за это **благодарить**.

Следующий этап работы был посвящен проблеме, понятной многим людям. Саше казалось, что он никому не нужен, всеми заброшен. Чувство одиночества мучило Сашу, не давая покоя, порождало неуверенность в себе, он думал, что делает что-то не так. Саша старался угодить окружающим, жил не своей жизнью, а той, которая, по его мнению, нравилась бы другим, и очень зависел от постороннего мнения.

Например, в некоторых методиках самосовершенствования, которыми Саша увлекся, требуется отказаться от мясной пищи. А Шурик мясо очень любил и дома уписывал его за обе щеки, а когда приходил в клуб и садился за стол, где мясо не употребляли, чувствовал себя крайне неловко перед остальными. Шурик всем говорил, что мясо не ест, переживал, что на

самом деле это не так и ему очень хочется мяса. Он страшно волновался — как люди посмотрят на то, что он “оскверняется нечистой пищей”.

Авторы, одно время будучи ортодоксальными йогами, тоже отказались от мясной пищи. Нам удалось внушить себе уверенность в преимуществах вегетарианского питания, и интерес к мясу пропал напрочь. Занявшись Симороном, мы поняли, что подобные запреты — всего-навсего очередная упаковка, матрешка. Зачем ее напяливать, отгораживаясь от мира, ограничивая свою свободу? Сейчас мы по-прежнему предпочитаем вегетарианскую пищу, но не откажемся побаловаться ароматным шашлычком на лоне природы, без всяких угрызений совести.

Саша хотел преодолеть неуверенность силовым путем. Он начал заниматься по системе Иванова. Занимался серьезно, добился того, что в зимние морозы ходил без шапки и рукавиц и носил только легкую курточку из бодоны, футболку, джинсы и сандали на босу ногу. В этот раз самовнушение оказалось помощнее, чем с мясом, и ноги не мерзли.

Внешний вид у Саши довольно необычный, даже забавный: он маленького роста, коренастый, с большой головой, реденьким пушком на лысине и седой бородой лопатой. Портрет завершают неестественно огромные глаза, увеличенные массивными линзами очков, и добродушное выражение лица. Толстые, узловатые, скрюченные пальцы производят впечатление крабовых клешней. Один из симоронцев окрестил его домовенком, а другой инопланетянином.

Когда этот домовенок в легкой одежде и босоножках заходил зимой в электричку или метро, его мучил вопрос: что думают о нем окружающие? Ему везде мерещились косые взгляды, перешептывания за спиной. Казалось бы, добился таких впечатляющих результатов — по сугробам босиком, однако ощущения неуверенности, никчемности не исчезли, и временами напоминали о себе.

Во многих эзотерических школах проповедуется аскетическое отношение к материальным благам. От занимающегося духовными практиками требуется презрение к соблазнам “падшего” мира. Идеал искателя просветления должен быть нищим, оборванным и голодным. Авторам знакомо это “преданье старины глубокой”. Попался на эту удочку и Саша. Ориентация на мнение окружающих, в том числе, “великих” мастеров, учителей, не позволяла ему приобрести желаемые вещи, например магнитофон и телевизор. Он не мог этого сделать не потому, что не хотел, а потому, что было — “низзя!” Мало того, в одной из школ Саше авторитетно заявили, что его болезни, лишения, бытовые неурядицы являются свидетельством высокой продвинутой, неких супермутаций и скорого вознесения!

Саше надо было разобраться с внутренними конфликтами. Обратившись к его личностной истории, мы стали искать корень вихря. Шурик быстро вспомнил один за другим три эпизода, в которых испытал наиболее сильные чувства отчужденности и неуверенности.

Ему было девять-десять лет. В семье недавно родились двойняшки — братишка и сестренка, и Шурика заставили сидеть с ними. Ребята во дворе гуляли, играли в мячик, катались на велосипеде, а он сидел дома и качал двойняшек. Ему было очень горько и обидно.

Другой эпизод. Саше — семь лет. Он жил в лесной школе санаторного типа. Детей немного, замкнутый коллектив. Ребята обижали его, смеялись над физическими недостатками. Чувствуя, что никому не нужен, он убежал в лес. Вот он, сценарий красивого умирания с уходом в чащобу!

И наконец корневой эпизод, когда Саше было три-четыре года. Вспомнился коммунальный барак, тусклая лампочка в коридоре, кухня одна на десять семей, обшарпанная мебель, деревянные табуретки. Как в песне Высоцкого: “На тридцать восемь комнаток всего одна уборная”. Шурик что-то натворил, и мать грубо оттолкнула его: “Уходи, ты мне не нужен, ты плохой мальчик!” Тоже “переименование”, только наоборот. Шурик — в истерику, он не нужен родной матери! Бросился к ней, но та опять отпихнула рукой: “Я не твоя мама!” На Сашу накатило чувство непреодолимой опасности, свет стал не мил. Он облокотился на табурет и зарыдал. Перед глазами — шляпки гвоздей, вбитых в некрашенную табуретку.

Шурик поблагодарил мать, теперь за предупреждение, что он может до конца жизни горевать от одиночества и лить крокодиловы слезы. Чтобы вернуть матери, а значит и себе, недостающее эмоциональное равновесие и уверенность, Шурик взялся за поиск доброго поступка. И он был найден, да какой!

Мама научила его вышивать, дала деревянные пальцы, обеспечила материалом — белой плотной канвой и нитками. Саше занятие понравилось. Он перенес через копирку рисунок, обвел карандашом. Вышивал крестиком и гладью. Мать удивлялась: что он так упорно сидит и ковыряет иголкой? Но Шурик свое произведение держал в секрете. Кропотливая работа заняла два месяца,

и наконец вышивка была готова — желто-синий слон с малиновым цветком. Настал долгожданный момент — мама открыла дверь, вошла в комнату, а Шурик подбежал к ней и произнес: “Дорогая мамочка, поздравляю тебя с Восьмым марта!” Затем торжественно достал из-за спины вышивку. Мать заплакала от счастья и погладила его по головке.

Какой момент! Я подскочил на диване, как азартный охотник, выследивший редкую дичь. Через Шурика в этом эпизоде проходил чистый, незамутненный никакой корыстью симоронский луч. Имя готово: **“Я тот, который вышивает маме слона”**. Шурика трудно было узнать, передо мной сидел совершенно другой человек. Чтобы передать состояние внутренней свободы, переполнявшее его, он привел метафору: “Я точно сидел взаперти. И вдруг тюремная дверь передо мной распахнулась”. После этих слов Шурика мощным порывом ветра широко распахнулась форточка в комнату, и с улицы хлынул поток свежего воздуха! Мы, как зачарованные, в полном молчании уставились на нее.

После переименования Шурик стал отслеживать моменты, когда запускалась заезженная пластинка неуверенности, заброшенности и включать вместо нее новую, утверждая симоронское имя. Постепенно нарастала уверенность в собственных силах, с каждой маленькой победой становилось все легче. И чем легче становилось, тем больше Шурик проникался внутренней свободой. Все чаще он стал поступать, как ему хочется. В настоящее время Саша спокойно уминает мясо прямо в клубе, зимой свободно ходит в босоножках: “Я потом присмотрелся, никто и не обращает внимания на меня. Проблемы как таковой не было. Были мои фантазии, внутренний диалог”.

Саша стал меньше значения придавать различным догмам. В частности, разрешился внутренний конфликт по отношению к дорогим вещам. Шурик стал больше зарабатывать и купил импортный магнитофон, музыкальный центр, телевизор, видео. А клубные ребята потом просили у него аудио- и видеокассеты. Это лишь отдельные примеры из множества подобных достижений. Прошло больше года с момента, когда Шурик стал “вышивать слона”, и, забегаая вперед, можно сказать, что достигнуты значительные сдвиги в обретении внутренней раскрепощенности. Однако лавровый венок надевать не время, пластинка со старой музыкой нет-нет, да и заиграет.

Рассказывая об очередных успехах, Саша воспользовался сравнением: “Представь, что нога очень долго находилась в гипсе. А потом гипс сняли, и нога ожила, задвигалась, задышала”. Если Саша опирался на себя самого, всякие боли и недомогания отступали. «Вышивание слона» благоприятно влияло и на взаимоотношения с матерью, они стали лучше понимать друг друга.

Примирение в царстве животных.

Саша постепенно возвращал себе природные права, избавлялся от страхов, сомнений, внутренних конфликтов. Это сразу же сказалось на его здоровье. Периоды хорошего самочувствия увеличились до семи-десяти дней. Интенсивность болевых ощущений упала в несколько раз, а количество заглатываемых таблеток намного уменьшилось. Произошел значительный качественный сдвиг. Вместо отчаянного балансирования на краю пропасти, появилась твердая опора. Можно было с уверенностью сказать, что Шурик вышел из смерча.

Шурик освоил начальный этап Симорона — благодарение и переименование, и рвался двигаться дальше — изучать ЯСные языки. Он посетил несколько занятий симоронской группы и получил мантру **ЧРУЗ**, с помощью которой подключался к силе всех минералов Земли.

Вскоре Шурик прошел тренинг по переименованию на втором и третьем ЯСном, и сам выработал имя на третьем ЯСном (языке животных) **ВАНГОНЖЕР**. Придя домой после тренинга, он незамедлительно стал **ВАНГОНЖЕР**онить. Домашние животные — собака и две кошки крепко спали. Шурик начал припевать мантру, выполняя волнообразные раскачивания. Кошки моментально проснулись, замурлыкали, а собака прибежала из коридора. Такое поведение животных было нехарактерно — обычно они не обращали на хозяина внимания, когда он громко разговаривал. Как правило, они воевали между собой за территорию, а тут встали в рядок, все вместе, подняли морды вверх и неотрывно наблюдали за его действиями. “ЯСные работают!” — понял Шурик. Едва у животных возникал конфликт, Саша заводил **ВАНГОНЖЕР**, и они тотчас успокаивались и расходились.

На этом **ВАНГОНЖЕР**ные чудеса не закончились. Как-то Шурик, почувствовав на службе эмоциональный дискомфорт, вышел во двор, на небольшую площадку, ограниченную стенами домов и покатой оцинкованной крышей. Закрыв глаза, Саша забормотал “заклинание”. Когда он почувствовал себя спокойнее и открыл глаза, то обнаружил на коньке крыши стайку любопытных зрителей. С энтузиазмом Шурик заголосил мантру. Голуби и воробьи нестройными рядами стали

спускаться с крыши. Шурик почувствовал себя рок-звездой. Наиболее рьяные поклонники его таланта, не взирая на лужи, рвались к сцене, отчаянно расталкивая других меломанов. С тех пор кумир пернатой молодежи неоднократно баловал обожателей благотворительными концертами.

Сказать, что процесс восстановления у Саши проходил гладко, было бы преувеличением. Иногда он откатывался назад, впадал в депрессию, уныние, особенно, если забывал о своих волшебных возможностях — золотом ключике, открывающем сокровенную дверь к мечте. Зачастую приступ можно было снять при первых признаках боли, поработав на ЯСном. Из-за лени, занятости или сомнений Саша мог упустить момент, и тогда боль выбивала из колеи на два-три дня. А однажды, после ночного кошмара снова навалился страх, хотелось забиться в угол и не шевелиться. Довольно долго Саша пребывал в подвешенном состоянии, в конце концов, опомнился и включил **ВАНГОНЖЕР**.

Несмотря на трудности, Шурик значительно окреп физически, координация движений вошла в норму, его больше не шатало, как тростник на ветру. Лицо приобрело здоровый цвет, перестал болеть желудок, пропала изжога, наладилась работа кишечника, исчезли запоры. Саша помолодел. Ира с радостью замечала, что он становится похож на прежнего Сашу — подвижного и жизнерадостного.

Лодка и флотилии.

Росла уверенность в собственных силах — по словам Шурика, он “нашел стержень в самом себе”. Раньше он периодически заводил разговор о том, что не может обойтись без духовного пастыря, который бы вел за собой. Открыв для себя Симорон, Саша все больше убеждался, что потребность в учителях фактически является признанием собственной несостоятельности, бессилия. Это удобный способ переложить ответственность на того, кто ведет, в чьем стаде оказалась заблудшая овечка. Это позиция куклы, которую дергают за ниточки, а не кукловода. Как я могу доверять учителю (целителю, магу, колдуну), если они являются моей проекцией? А кукловод — это мое истинное Я, это — Симорон, источник жизни, который находится во мне. И я как Симорон принимаю ответственность за все, что происходит в моей жизни.

Недавно Шурик с улыбкой поделился очередной аллегорией:

— Моя жизнь напоминает плавание в лодке. Я всегда боялся, что на своем суденышке могу оказаться в открытом океане один и утонуть. Я подумал, что самым безопасным будет пристать к флотилии. Там много лодок, и есть большие крейсера, которые могут взять на буксир. Флагманский корабль знает, куда держать курс. Но начался шторм, и мой утлый челн остался один в бушующем море. В него набралась вода, и я долго ее вычерпывал. Наверное, ошибся в выборе флотилии, подумал я и пристал к другой.

У нее был мужественный капитан, настоящий морской волк. Он так красиво говорил, обещая привести нас к новым землям, сказочно богатым и обширным. И вновь буря, и я снова один. Воды в лодке прибавилось. Предводителем следующего флота был грозный адмирал. Провинившихся он заковывал в цепи на галерах, матросы трепетали перед ним и уважали его за это. И опять крушение, и теперь вода поднялась к самому борту.

Долго я метался от одного скопления кораблей к другому. Лодка еле держалась на плаву.

Тут я заметил, как ветер раздувал мои просторные трусы. “Попробую использовать их, как парус”, — пришло в голову. Едва я прицепил трусы на мачту, как лодка понеслась вперед. Управлять судном оказалось довольно легко, главное — поймать ветер, и дело в шляпе.

Вскоре я чувствовал себя бывалым моряком. Парусник летел так лихо, что скопившаяся вода сама выплескивалась за борт. Я научился по слабым признакам распознавать приближение непогоды, менять курс и ускользать от штормов. Я понял, что когда-нибудь трусы окажутся не нужны — достаточно будет попасть в теплое течение, и оно само понесет лодку. Если она отклонится от стремительного потока, хватит легкого поворота руля, и мы вновь полетим вперед.

Белых яблонь дым.

Вернемся назад, когда наш герой стал “парить в смокинге”. Уладив отношения с матерью, Шурик не остановился на достигнутом. Запах свободы и аромат волшебства пьянили его. Настало время браться за следующий крепкий орешек — супругу. Вот типичная сцена из семейной жизни.

Саша с нетерпением ждет жену с работы, радуется ее приходу. Ирина появляется в плохом настроении:

— Опять начальник деньги не платит. Всю работу взвалили на меня одну. Вдобавок обругали. Мне даже выйти не в чем — ни сапог, ни шубы, ни пальто, ничего нету. Муж мне больной достался. Дочь у меня без работы, все у нее наперекосяк!

Саша хмурится, настроение испорчено, ничто его не радует. Начинает раскалываться голова. Итог печален: Ирина переживает, Шурик лежит пластом, дочь Маша уходит, громко хлопнув дверью.

Другой пример. В семье возникают финансовые трудности, и уже Сашины резкие слова служат причиной для ссоры. Он упрекает, что Маша не работает, сидит дома, приходится ее кормить. Ира моментально вспыхивает:

— А, моя дочь тебе помеха! Ты не учишь, что я тебя лечу, занимаюсь тобой. Ты этого никак не ценишь, не понимаешь! Раньше ты меня любил, а сейчас перестал, внимания не обращаешь!

Шурик поблагодарил Ирину за предупреждение, что их семейная жизнь может превратиться в сплошной кошмар. Я предложил Саше отыскать симоронский след, событие, в котором проявилось взаимопонимание между ним и Ирой. У Шурика это замечательно получилось.

— В начале нашего знакомства мы были как одно целое. Понимали друг друга с полуслова, с полувзгляда. Однажды я пришел к Ире, и вечером мы вышли на балкон. Стояла весна, вокруг буйствовала зелень, цветущие яблони распространяли нежный аромат. Воздух был неподвижен, в нем разливались голоса птиц. Мы любовались большой красной луной, звездами. Мы обнялись и посмотрели друг другу в глаза. Было такое блаженство, такое понимание, такая любовь, какой я до этого не испытывал. И потом мы поцеловались.

Шурик поведал, как после другого свидания Ира летела домой будто на крыльях. У нее захватывало дух от счастья. “Прилетела” домой и всю ночь напролет рассказывала дочери о Саше, что, наконец, встретила родственную душу.

Шурик дал Ирине новые имена: **“Я та, которая целуется на балконе”** и **“Я та, которая летит на крыльях, встретив родственную душу”**.

Теперь Саша был начеку, и когда возникало непонимание, называл Ирину одним из двух новых имен. Предчувствуя, что жена может прийти не в духе, он делал это заранее. Иногда забывал, и приходилось переименовывать в процессе скандала, когда, бросив Саше несколько резких фраз, Ирина выходила на кухню. Он не расстраивался, как раньше, а переименовывал жену. В результате, через пятнадцать-двадцать минут Ира возвращалась успокоенная, будто ничего и не было, подходила к мужу и объясняла: “Саш, не обращай внимания. Ты ведь знаешь, у меня бывает плохое настроение”. Ирина менялась на глазах.

Шурик изумлялся, как быстро действовало переименование, и жена преображалась. Он стал “целоваться на балконе” и “летать на крыльях”, когда это было необходимо. Впрочем, таких моментов становилось все меньше и меньше. Ныне Шурик спокойно и уверенно регулирует отношения с женой. Любопытно, что и сам он изменился, стал давать меньше поводов для разногласий.

Как Шурик подружился с Петрухой.

Уладив проблему с Ириной, Саня переключился на зятя. В присутствии Петрухи он испытывал сильный дискомфорт, их отношения напоминали театр военных действий: постоянные ссоры, напряженность, раздел имущества и территории. Они могли не разговаривать целыми днями. С тещей Петруха не ладил, и это тоже отражалось на Шурике. Зять полностью игнорировал Сашины проблемы со здоровьем и мог врубить музыку на всю катушку, когда Шурик себя неважно чувствовал.

Петруха был отчаянным вихревиком — его вещи, особенно телевизор и машина, регулярно выходили из строя, в руках у него постоянно что-то ломалось, перегорало, обрывалось. Один раз под ним даже рухнула кровать. Шурик следил за этим и, коль случалась очередная авария, немедленно благодарил Петечку, иначе инфекция поломок могла перекинуться и на Шурика.

Шурик надумал переименовать зятя, вспомнив благодарственный поступок. Когда Петруха приобрел машину и нуждался в инструментах, Шурик не раз выручал его. Подобрать имя было легко: **“Я тот, который дает Петрухе гаечный ключ”**. На “фронте” наступило перемирие, но напряженность сохранялась. Однажды у Петрухи со страшным грохотом, усеяв весь пол осколками, взорвался телевизор “Samsung”. Саня понял — нужно радикальное средство, гаечный

ключ изжил себя. ЯСными он еще не владел и позвонил мне. Получив мантру **ДУРРБИНТК**, Шурик стал работать с ней, и поломки прекратились.

Когда Шурик чувствовал, что в общении с Петрухой наступает напряженный момент, он принимался твердить мантру и замечал — перед ним другой человек. По образному выражению Саши, Петруха как будто менял маску или получал огромную премию.

Как-то Шурик возвращался с работы и возле дома встретил зятя. Тот был хмурый, неразговорчивый, даже не поздоровался. Они вошли в квартиру, после чего Шурик отправился гулять с собакой. Во время прогулки он старательно напевал **ДУРРБИНТК**, а когда пришел домой, то был приятно удивлен. Петруха зашел к нему в комнату, что бывало очень редко, и покровительственно произнес: “Сань, возьми кассету, посмотри. Фантастика. Я знаю — ты любишь”. Что касается громкой музыки, то ее нынче в квартире не услышишь. Более того, Петруха теперь неусыпно заботится о Шурике и делает замечания Маше или Ирине: “Потише, пожалуйста, Саша устал сегодня, ему нужен покой”.

Санаторий “Симорон”.

Однажды летом Ирина принесла грустное известие, что у отца совсем плохи дела — Борис Николаевичу шел восьмой десяток и в последние дни он едва таскал ноги. Анализ крови внушали сильные опасения. Ира окончательно упала духом и уже собралась хоронить отца. Горестно вздыхая, она металась по квартире, не находя себе места, и вопрошала: “Где же нам деньги взять на похороны?”

Шурик понял — без Симорона не обойтись, и поблагодарил тестя за предупреждение, что он и впрямь может отправиться на тот свет, жена может получить душевное расстройство, а семья залезет в долги. Чтобы развихрить ситуацию, надо выдать Борис Николаевичу здоровье и крепость. Шурик задумался: был ли момент в его жизни, когда он укреплял здоровье тестя? Память подсказала ответ.

Ранняя осень, погожий, теплый денек. На даче Борис Николаевича полным ходом шла уборка урожая. Молодожены — Шурик с Ирой прибыли на подмогу. Тесть собирался перетащить мешки с картошкой, но, затеяв перепалку с женой Ксенией, понервничал, и ему было не до мешков.

Шурик предложил: “Борис Николаич! Отдохни, покури, а я мешки потягаю”. Так и сделали — Саня с легкостью перенес мешки, а тем временем Боря пришел в себя и отправился заключать перемирие с Ксюшей. Жена остыла, и с ней можно было разговаривать. Вечером Борис Николаевич откровенничал с Ксенией: “Какой Саша-то молодец! Настоящий помощник. Я и не ожидал, что он мне так посочувствует и поможет. Я ему очень благодарен”. На следующий день тесть ощутил прилив сил и с рвением продолжил уборочную страду.

Случай был вполне подходящий, и Шурик дал себе новое имя: **“Я тот, который таскает мешки с картошкой”**. Спустя несколько дней Ирина побывала у отца на даче и вернулась в полном восторге. Боря почувствовал себя двадцатилетним и за два дня сделал ремонт, который планировал на два-три месяца. Он перекрыл и покрасил часть крыши, перекопал пол-огорода, поправил забор и отремонтировал машину. Раньше Борис Николаевич сильно уставал, делал все нехотя, еле-еле. Поработает чуть и сидит, отдыхает. А тут все горело в руках. Прямо на глазах человек окреп, стал выглядеть, как после санатория.

Саша убедился, что с недомоганиями тестя можно справиться, и когда Боря хандрил, Шурик “носил” памятные мешки. А в этом году Борис Николаевич вновь потряс родственников — перекрыл всю крышу. Восхищаясь собственным подвигом, он рассказывал всем:

— Я и не мечтал, что смогу это сделать, думал: приеду на дачу, придется сидеть на лавочке сложа руки. Откуда силы появились? Взял да и перекрыл всю крышу. Есть еще порох в пороховницах!

Долой эксплуатацию трудящихся!

По выходным Шурик подрабатывал сторожем в офисе фирмы “Крылья и хвосты”. Когда он устраивался на работу, директор Егорыч, раздуваясь от важности, произнес: “Мы оказали тебе большую услугу. Сам знаешь, времена нынче тяжелые, кругом безработица. Я надеюсь, ты оправдаешь высокое доверие”.

В начале трудовой деятельности в фирме Шурик с радостью предлагал помощь, охотно брался за дополнительные поручения, не отказывался, когда его просили подежурить сверх

нормы. Он не подозревал, что попал в лапы наглых угнетателей. Однако со временем эксплуатация перешла всякие границы — директор заставил Сашу выходить на праздничные дежурства, которые не оплачивались. Помимо обязанностей сторожа, Егорыч возложил на него уборку помещений, погрузку-разгрузку инвентаря, техники, сборку и разборку велосипедов и т. п. И каждый раз директор напоминал, как благодетельствовал Шурика, взяв его на работу.

Это типичный пример попадания в долговые отношения. Он иллюстрирует классическое симоронское правило: ***“Давай не больше и не меньше, чем у тебя реально могут взять. Бери не больше и не меньше, чем реально могут дать”***.

Шурик дал больше, чем было необходимо Егорычу. Сигнал тревоги прозвучал в момент приема на работу, когда Егорыч заявил о своем благоденствии. Шурик не отреагировал и заглотнул наживку, включился в старую, как мир, игру “угнетатель-жертва”. В тот момент можно было обойтись благодарением и предупредить зарождающийся вихрь. Вместо этого Саша стал предлагать Егорычу услуги. Это была первая стадия избыточной выдачи — щедрость. Затем наступила вторая стадия — расточительность, и директор сел Саше на шею. Легко можно представить дальнейшее развитие событий. Третья стадия — жертвенность — Шурику вообще прекращают выплачивать зарплату. И четвертая стадия — сверхжертвенность — Саша задарма вкалывает в офисе дни и ночи, забыв о доме и семье.

Расскажем, чем закончилась история. Шурик понял свою ошибку, и честно поблагодарил директора за предостережение, что может попасть в настоящее рабство и бесплатно потеть на “плантациях” Егорыча. Чтобы переименоваться, Шурик стал искать эпизод, когда он оказал директору помощь, в которой тот действительно нуждался. Такой эпизод имел место на заре патриотической деятельности Шурика в фирме “Крылья и хвосты”, когда директор столкнулся со сложной проблемой. Она касалась финансовых отношений с другими фирмами. Не видя никакого выхода, шеф обратился за помощью к Саше.

Вообще-то, по мнению Егорыча, Саша был “отмороженным” — музыку заунывную слушал, книжки чудные читал, зимой ходил в босоножках, о каких-то духовных практиках и учениях разговоры вел. Что это за учения, Егорыч толком не знал, но деваться было некуда. И он попросил: “Не помогут ли твои учения уладить мою проблему?” Шурик поработал, и проблема разрешилась.

На другой день Егорыч появился очень довольный и поблагодарил Сашу: “Ты сделал для меня большое дело”. Если бы “отмороженный” остановился на этом и не предлагал дополнительные услуги, скорее всего, об эксплуатации не было бы и речи.

Шурик переименовался: **“Я тот, кто делает большое дело Егорычу”**. Едва он стал повторять это имя, отношение директора к нему резко переменялось. Все лишние трудовые нагрузки и дежурства были отменены, и, более того, Саше увеличили зарплату. Егорыч однажды обронил: “Мы будем держать тебя не за ради бога, а как **маленького Будду!**” С того времени у Шурика был лишь один повод вспомнить имя про большое дело. Егорыч хотел взять дополнительного работника — плотника Васю, который работал у них раньше и отличался слабостью к спиртным напиткам. Тогда бы у Шурика уменьшилось рабочее время и зарплата, но он держал ухо востро и тотчас стал “делать большое дело”. И Егорыч заключил, что рисковать не стоит и лучше иметь маленького Будду, чем большого Васю.

Эпилог.

Под занавес предоставим слово Шурику.

— С течением времени стало приходить ощущение Симорона внутри себя, внутреннее знание. Точнее, не знание, а умение. Можно знать основные предпосылки системы Симорон, термины, техники. Уметь — это совсем другое, это как плавать. Можно знать, как плавать, и можно уметь плавать. Я почувствовал, что умею. Это не книжное знание, а внутреннее, пропущенное через ежедневный опыт. Одно дело, когда ты прочитаешь или услышишь нечто, и другое дело, когда ты сам до этого допрешь. Я как бы сливаюсь, соединяюсь с Симороном. Мне трудно объяснить словами. Иногда во время танца ты можешь почувствовать с партнером контакт, внутренний резонанс, и тогда не нужно следить за правильностью, синхронностью движений — все происходит само собой, становишься единым целым с партнером.

Мы приглашаем к танцу и Вас, дорогой читатель. Конец у этой повести еще не написан. “Заседание продолжается, господа присяжные заседатели!”

Глава 4. Исцеления по-симоронски.

Целительство.

Впервые я познакомился с Симороном в октябре — участвовал в четырехдневном семинаре, посвященном благодарению. Затем в январе я был участником восьмидневного тренинга, где обучался работе с вихревыми сигналами. Мы осваивали симоронские танцы. Исполнитель делает спонтанные движения с закрытыми глазами, произнося слова на “тарабарском” языке. Бывает, что речь исполнителя похожа на какой-то иностранный язык. Частенько танцор поет, сочиняя мелодию по ходу танца. Диалект и мелодия, темп и ритм могут несколько раз меняться за время одного танца. Позже я узнал, что исполнитель еще ведет активную работу на трэке, проще говоря, представляет картинки и работает с ними.

Помню свое ошеломление, когда я впервые увидел это дикий зрелище на октябрьском семинаре. Я с нетерпением ждал январский тренинг: “Неужели и я смогу танцевать симоронские танцы?”

Сомнения оказались напрасны. Бурлан в хорошем темпе предлагал одно за другим простые упражнения, каждое из которых не вызывало затруднений. Последовательность этих упражнений была тщательно продумана. Бурлан, как всегда, был в ударе — много шутил, импровизировал, и аудитория, незаметно для себя, начала лихо отплясывать сложные танцы уже на третий день семинара. К концу тренинга многие стали просто асами симоронских танцев и по праву получили диплом волшебника третьей степени.

Несомненным достоинством симоронских техник является их универсальность. Если какая-то техника хорошо освоена, то ее можно применять к абсолютно любой проблеме. Хочешь — погоду налаживай, хочешь — улучшай жилищные условия и так далее. Я стал применять симоронский танец к любой вихревой проблеме, но хотелось попробовать зубы на крепком орешке. И случай представился в марте.

К нам в гости приехал знакомый экстрасенс Толя, и мы неспешно беседовали за чашкой чая. Тут меня осенило, и я предложил Толику провести эксперимент — попробовать силу симоронского танца на каком-нибудь пациенте. Толя согласился. Он слышал кое-что о Симороне и понимал, что если Симорон и не поможет, то, по крайней мере, не повредит. Толя сразу выбрал пациентку и предложил мне прийти к нему через день. Я ответил, что для Симорона нет расстояний и я буду работать дома. Толик был заинтригован. Я надумал “для накопления энергии” поголодать денек. Если учесть, что утром я купаюсь в проруби, а затем занимаюсь йогой, то можно представить степень моей готовности.

В урочный день Толя позвонил — пациентка сидела перед ним. Я начал танец и увидел на трэке заброшенное колхозное поле, заросшее сорняками, и понял, что поле надо вспахать — о нем просто забыли. Стал искать симоронский след. Рядом с полем — большое красивое озеро, а председатель колхоза — рыбак, но давно не рыбачил. В это время председателю звонил его райкомовский друг. Все ясно — нужно подкинуть другу идею о рыбалке! И вот уже друзья поехали на рыбалку мимо поля, и председатель вспомнил о нем. Работа сделана.

В этот момент я обратил внимание на то, какое движение делало мое тело и какие слова я произносил. Финальное движение и слова танца называются маской Симорона или сокращенно *масксим*, а в разговорной речи это превращается в *максим*.

Я получил то, ради чего танцевал — максим, позвонил Толику и поинтересовался результатами работы. Он сказал, что не поверил собственным глазам. Ту работу, на которую он обычно тратил полчаса, мне удалось совершить за четыре минуты. Раскрасневшаяся пациентка чувствовала горячие волны энергии, прокатывающиеся по ее телу с головы до ног. Я попросил Толю налить банку воды и “зарядил” водичку. Затем сообщил мантру и дал пациентке инструкцию по применению воды и мантры. Она ушла очень довольная. Позже Толик сообщил, что пациентка быстро пошла на поправку.

Дня через два Толик пришел с ассистенткой Ритой посмотреть на чудодейственный танец, а у Риты был заказ. У ее мужа Лени на мягком месте вскочил чирей, поднялась высокая температура, и он бюллетенил четвертый день. Леня работал в американской фирме, а американцы терпеть не могут, когда сотрудники долго болеют. Леня переживал, что его могут уволить, и вопрошал: “Интересно, как бы себя чувствовали янки, если бы их увольняли за чирей на заднице?”

Танец я исполнял зажигательно и слегка перестарался — сделал умопомрачительный кувырок на ковре и со всего маху ногами долбанул дверь, которая отреагировала жалобным позвякиванием стеклянных витражей. Когда танец был окончен, в комнате на некоторое время воцарилась гробовая тишина. Постепенно целители пришли в себя, а я зарядил бутылку воды и дал стандартные рекомендации, как ее использовать.

Прошло несколько дней. Мне позвонил Толя и с присущим ему чувством юмора сообщил, что Леня вопреки инструкциям сразу выдул всю бутылку, да еще пивком запил. Через несколько часов чирей прорвало, и на следующий день Леня отправился на работу.

Двух этих случаев хватило, чтобы я поверил, что Симорон можно успешно применять в целительстве. Возможностей закрепить эту веру было хоть отбавляй. На работе молодая сотрудница пожаловалась на боль в спине — трудно наклоняться вперед. Я предложил Марине помощь, и станцевал дома танец, во время которого увидел, что у девушки была родовая травма. Далее все шло по накатанному сценарию — заряжена вода, сообщена мантра и дана инструкция по применению.

Марина позвонила на следующий день — она с легкостью наклонялась, а от боли не осталось и следа. Марина узнала у матери: роды, действительно, были очень тяжелые.

Марина попросила поработать с ее мужем Андреем, которого я хорошо знал. У него давно болела рука, так, что ему даже трудно было поворачивать руль автомобиля. Обращения к врачам результата не принесли, иглоукалывание давало лишь кратковременное облегчение. Андрей довольно скептически отнесся к предложению Марины полечиться у меня. Во-первых, Андрей верил только в традиционную медицину. Во-вторых, мы с Андреем два года работали в одном отделе, были дружны, вместе ходили в баню, играли в футбол, шахматы, преферанс. Известное правило гласит — нет пророка в своем отечестве. Как это я могу его исцелить, если он хорошо меня знает? По этой причине, как правило, довольно трудно лечить близких родственников и друзей. В частности, моя мать хоть и просила несколько раз сделать ей водичку, но существенной помощи ей это не принесло. Я думаю, что в ее подсознании прочно засело: «Я его родила и вырастила, я знаю его как облупленного. Неужели он может лечить людей? Для этого нужны особые способности, а он обычный человек».

А вот сын безгранично верит в меня как в волшебника, и помочь ему довольно легко.

Когда я услышал в телефонной трубке ироничный вопрос Андрея: “Что, и мне водичку хлебать?” — то подумал, что шансов на успех не много. Однако решил попробовать и сообщил Андрею, что завтра в одиннадцать часов утра я буду врачевать его руку. Вечером следующего дня позвонил Андрей, и в его голосе уже не было насмешливых интонаций. Произошло следующее. Конечно, Андрей забыл о нашем уговоре. Ведя машину, он поймал себя на том, что спокойно повернул влево. Рука не болела! Покрутив ею, Андрей окончательно убедился, что рука в норме. Он посмотрел на часы — было начало двенадцатого.

Хотя рука функционировала нормально, Андрей попросил на всякий случай зарядить воду, что и было сделано. Прошло более трех лет, на руку он больше не жалуется.

Я с усердием принялся разрабатывать целительскую практику, пока не столкнулся с неудачами. Не удалось излечить щитовидную железу у родственницы, она обратилась к знаменитым экстрасенсам. Затем не удалось спасти больного раком четвертой стадии. Я понял, что танец — не панацея, что с некоторыми пациентами надо встречаться несколько недель или месяцев, чтобы они поправили здоровье.

Хочу поделиться секретом, как стать целителем. Сначала, для уверенности, желательно окончить хоть какие-нибудь курсы. Затем — набраться храбрости и попробовать кого-нибудь вылечить. Если получится, то у вас будет положительный опыт. В противном случае следует сделать вид, что получилось. Немного попритворявшись, вы забудете, что притворялись, и однажды у вас получится.

Дальше — проще. Выздоровевший пациент кому-то вас порекомендует. Глядишь, к вам уже течет ручеек из пациентов. Их число будет постепенно нарастать, и скоро ручеек превратится в широкую полноводную реку. Далее организуется предварительная запись, желательно за несколько месяцев. И когда счастливый пациент попадет к вам на прием, он почти здоров. Ведь лечение началось, когда он только записался на прием. Вот примерные мысли пациента: “Как же, такой мэтр! Столько народу к нему ходит, и все выздоравливают. Значит, и я поправлюсь, когда придет срок”. Итак, вы стали знаменитым целителем, а в основе всего лежит один удачный

эпизод. Замечу, что таким же способом можно стать психологом, волшебником, магом и так далее.

Красивую метафору целительства привел Н.Козлов в “Философских сказках”. Смысл ее сводится к следующему. Для того чтобы вернуть здоровье, пациенту нужен театр. Если целитель разыгрывает нужный пациенту театр, то последний *позволяет* себе выздороветь. В настоящее время имеется огромное разнообразие различных театров. Перечислим некоторые из них. Съесть чудодейственную таблетку. Сходить в современную клинику, где “лечит” компьютер или какие-то сложные приборы, подключенные к нему. Можно голодать, пить мочу, купаться в проруби, бегать, есть вегетарианскую пищу, заниматься йогой. Можно пойти к колдуну или магу, которые снимут порчу, или найти экстрасенса, который помашет руками. Можно разобраться с кармой или сходить к психоаналитику, который найдет вытесненные комплексы. Одно перечисление всевозможных целительских театров может занять несколько страниц.

Приведенное рассуждение касается не только целительства. Если я хочу *измениться, как личность*, то без театра не обойтись. Не может человек без театра!

Если я Симорон, а все является моей проекцией, то как я могу доверить проекции вылечить мою личность? Вернуть здоровье собственной личности могу единственно Я сам — Симорон. Лекарь нужен, когда я забыл о симоронских возможностях или когда пропустил столько сигналов, что физического вмешательства не избежать. Например, когда разрушен зуб. Когда я все это осознал, куда я могу пойти? Чтобы кто-то стал меня обманывать, душить, разыгрывать передо мной представление? Уж лучше я сам поставлю для себя пьесу одного актера. Если я играю в симоронский театр, то в моем арсенале — благодарение, переименование, танцы, ЯСные языки. И постепенно набирается опыт: стоит только пожелать, и все происходит само по себе. Но так бывает, когда я нахожусь в состоянии парения.

Я думаю, что состояние парения возникает, если я *применяю волшебные технологии подсознательно*, так же как перевариваю пищу или хожу. Поэтому одним из критериев овладения Симороном я считаю умение пользоваться симоронскими техниками в сновидении. Во сне достаточно одного намерения применить технику, и ситуация тотчас преобразается. Например, во сне я иду по улице без зонта, и пошел дождь. Едва я подумаю о благодарении, как дождь прекращается, уже светит солнышко в голубом небе, и отпадает необходимость в произнесении монолога.

В заключение приведу еще один пример “чудесного” выздоровления.

С Игорем я познакомился в тот день, когда мне впервые рассказали о благодарении сигналов. Это произошло на слете “Радуга” в Карелии, под городком Питкяранта. Я ехал в Питкяранту в одном купе с Андреем, который недавно прошел семинар по Симорону. Он горел желанием поделиться его технологиями, и на слете устроил импровизированный семинар. Одно дело, когда семинары проходят в помещении, и совсем другое, когда — в дремучем лесу. Была белая ночь, в неподвижной глади лесного озера отражалась полная луна. Мы сидели на бревнах вокруг потрескивающего костра из еловых дров, а Андрей рассказывал об основах благодарения. Внезапно я увидел таинственного незнакомца.

На нем было черное длиннополое пальто и большая черная шляпа, надвинутая на глаза. На шее висели деревянные четки черного цвета, а на запястьях были фенечки из бисера. Портрет дополняли усики, короткая реденькая борода и волосы до плеч. Он скромно присел на краешек бревна. Попив чайку, достал банджо, надел на шею тесемку, к которой были привязаны дудочки и губная гармошка, и запел. Песня под банджо резко сменялась трелью дудочек, лихой пляской. Вдруг незнакомец схватил шляпу и бросил ее в костер. Через мгновение шляпа — опять на голове. Началась импровизация — мгновенно сочинялись стихи и мелодии. Мы долго не могли понять, что за фантастическое явление перед нами? То ли это сон, то ли мираж, реален незнакомец или это — фантом?

Так я познакомился с Игорьком.

Однажды он приехал в Москву, и мы встретились на дне рождения знакомой по слетам. В конце вечера я предложил ему попариться как-нибудь в баньке, на что Игорек горестно ответил, что у него по всему телу большие, постоянно чешущиеся прыщи. Он даже не мог носить рубашки с короткими рукавами. Когда я предложил свои услуги, Игорек обещал подумать. Он справедливо считал, что во всех своих проблемах человек может разобраться сам. Через пару дней он все-таки мне позвонил. Я станцевал, зарядил воду и сообщил ему мантру. И Игорек уехал из Москвы.

Через год я увидел его на очередном слете. Игорек расхаживал по поляне в одних плавках. Небрежно продемонстрировал он мне гладкую кожу без единого прыщика.

Оборотень.

Посвящается бабе Насте, ночной нянечке детского сада, в который ходил один из авторов, за то, что научила его читать, и за душераздирающие полуночные рассказы о ведьмах и оборотнях.

Ко мне на симоронскую группу довольно долго ходила Татьяна. Эта веселая простодушная женщина рассказала следующую историю.

— Моя подруга Аня купила собаку породы мопс. Когда собака подросла, по просьбе заводчиков, отвели ее на выставку, и собака оказалась не простая, а “золотая”. Она получила малую и большую золотые медали, и ее собирались выставить на международный конкурс. На лето Анина мать выезжала на дачу, туда отправили и собаку.

Однажды мать позвонила с дачи: “Собака заболела, ничего не ест, ее всю трясет”. Через день положение ухудшилось — появились прыщи на коже, а из головы мать вытащила клеща.

Я сказала Ане:

— При чем тут клещ. Это не клещ, а золотая медаль.

— Да я уж думала, кто это ее сглазил?

— Соседке Зойке хвасталась золотой медалью?

— А как же.

— Вот и все. Давай работать. Найди, что ты делала Зойке приятного.

— Делала. У Зойки был хронический бронхит. Когда еще все было запрещено, я отвела ее в подпольную секцию, которая занималась дыханием по Бутейко. Зойке помогло, она была очень довольна результатами и благодарила меня.

— Теперь повторяй: **“Я та, которая ведет Зойку в подпольную секцию”**.

Аня стала повторять имя в прошедшем времени: “Я та, которая привела Зойку в подпольную секцию”. Я ей указала, что нужно обязательно в настоящем. Стала она снова повторять: “Я та, которая ведет в подпольную секцию Зойку”. Я сказала, что переставлять слова нельзя. Потом порекомендовала: “Повторяй это имя вдвоем с дочерью. Давай потренируемся”. И Аня стала ходить и повторять новое имя, а я ей вторила. Затем Аня спросила:

— А сколько надо повторять?

— Ты сама почувствуешь. Или тебе станет легко, или зашатает тебя.

— А я уже почувствовала, — сказала она, повторив два раза имя. — У меня сердце сразу прошло.

— Все, мантра работает! Давай, раз такое дело, повторяй ее, не жди до воскресенья (был вторник). Приедешь, а собачка будет здорова, зачем тебе ждать? Как увидишь Зойку, как вспомнишь о собачке, так и повторяй новое имя.

Приехала Аня в воскресенье на дачу — собака здорова, как будто ничего и не было.

Здесь хочется высказать соображения о таких понятиях, как сглаз, порча и проклятие. Как меня может сглазить или наслать на меня порчу моя собственная проекция? Это может случиться, если я забыл, что я — Симорон, если я боюсь собственной проекции. На наш взгляд, патогенное описание мира (или система верований), в котором присутствуют сглазы и порчи, выгодна современным целителям, магам и колдунам. Это сильно упрощает работу с заказчиком. Пришел клиент, а маг ему объявляет: “У вас, уважаемый, порча!” И частенько этой самой фразой порчу и ставит, а потом сам и снимает.

Большинство магов искренне верит в этот патогенный театр: “Как же, я вижу, как выглядит порча. И другие видят этих сущностей со скользкими щупальцами и присосками. Сейчас я их поотрублю огненным мечом”.

А механизм прост. Сначала, верой в порчу, целитель протранслировал ее на трэк, а потом увидел свое ужасное произведение, с которым зачастую и справиться не может. Потому что поставил себя в подчиненное положение, забыл о своем авторстве. Порчу может поставить себе и сам заказчик собственным страхом, ожиданием того, что она у него есть.

Геопатогенные зоны имеют аналогичное происхождение — если я поверил в их существование и взял в руки рамку, то уже не могу их не найти.

Начиная играть в сглаз и порчу, я автоматически снимаю с себя ответственность. Есть плохие люди, которые меня сглазили, и поэтому у меня все плохо.

Если же к симоронисту приходит заказчик, который непременно хочет снять порчу, то волшебник сделает это с чувством юмора, попытается объяснить механизм появления порчи. А лучшей защитой является улыбка, юмористическое осознание этого механизма, как в нижеприведенном захватывающем повествовании нашей знакомой целительницы.

— К нам обратилась Рая. Ее дочка Верочка внезапно теряла сознание, погружалась в “небытие” и могла находиться в этом состоянии два-три дня. Верочка то совсем не ела, то могла опустошить холодильник. Когда она была в сознании, ей периодически мерещились черти с горящими глазами, жуткие подземелья, летающие мечи. Она слышала голоса: одни подбивали ее на всевозможные героические подвиги, другие звали в преисподнюю. Кошмары и видения не покидали ее и в бессознательном состоянии: она находилась во власти чертей, к ней спускались ангелы, прилетали святые, осеняла крылом Богородица.

Святые общались с ней через иконы, в храмах. Иногда ее рука начинала спонтанно писать. Это были письма, написанные Верочке от лица различных авторов, причем каждый раз — иным почерком. Все тянули Верочку на свою сторону. Ангелы говорили, что она невероятно одарена божественными силами и должна им служить, а ребята из преисподней доказывали, что Верочка замечательная ведьма и может летать на метле. Когда Верочка возвращалась из коматозного состояния, она иногда могла вспомнить, что с ней было. Верочка рассказывала, что она, как прекрасная графиня, сидела в мрачном подземелье, прикованная цепями. Раз в день ей давали воду и иногда маленькую краюшку хлеба. Временами ее истязали.

Мы диагностировали Верочке очень сильную форму энергетического поражения. Она встречалась с молодым человеком по имени Семен, который был разведен и имел дочь от первого брака. Ему Верочка очень нравилась, и они собирались пожениться. Семен жил с тетушкой, которая сильно любила первую жену и желала восстановить семью. Первая жена добивалась того же. Мы увидели на Верочке и Семене магическую наводку — жена Семена была с Украины и обращалась к местным колдунам. Когда Семен позвонил бывшей жене, та подтвердила этот факт, сказав, что их развод был ошибкой, что она сильно любит Семена и хочет снова жить с ним.

Видя, в каком тяжелом положении находится Верочка, мы стали ей сочувствовать, жалеть ее. Теперь я понимаю, что этого ни в коем случае нельзя было делать. Мы в подробностях выслушивали все ее видения, очень отчетливо и ярко представляли их образы. Мы, незаметно для себя, стали жить ее кошмарами. Можно сказать, что мы полностью срезонировали к Верочке, разделили ее реальность. Нам стали везде мерещиться дьявольские силы.

Верочка ездила к нам один-два раза в неделю. Первый раз она появилась в марте, а в июне начался полный караул. Как гром среди ясного неба прозвучало слово “оборотень”. Моя ассистентка Тамара увидела в “канале”, как “тетушка Семена по ночам летала в гробу”. Верочка нам рассказала, что тетушка — хромая горбунья, инвалид детства, с трудом передвигается по квартире. Мы вспомнили предание, что самые сильные колдуны — горбуны и калеки. Образ тетушки впечатлял: развевающиеся седые волосы, ноги, оканчивающиеся копытами и угрожающе торчащие из гроба.

Началась настоящая паника. Мы поняли, что оказались под смертельным ударом, и предстоит тяжелейшая битва не на жизнь, а на смерть с темными силами, объединившимися против нас. Неизвестно откуда взялась фраза, которая беспрерывно повторялась: “Главное — выжить!”

Виктор, отец Верочки, поехал на дачу и пережил там два самых страшных дня в своей жизни. Ночью по крыше что-то скреблось, бухало в стены, кто-то царапался в дверь. Виктору казалось, что по оконному стеклу стучат капли дождя, а на улице было ясно. Начала нагреваться стена, и нагрелась довольно сильно. Виктор в ужасе уехал с дачи. Но в Москве было не лучше. Все

* Астральный канал – это аналог трэка у экстрасенсов.

видели по углам корчащиеся тени, горящие глаза, по квартирам носились искры. Верочка почти не выходила из коматозного состояния.

Я настолько впечатлилась словом “оборотень”, что вполне серьезно начала искать литературу по оборотням. В “Мифологическом словаре” и “Словаре славянской мифологии” никакой информации не было. Я стала искать фильм “Серебряная пуля” — безрезультатно. Мой страх с каждым днем усиливался. Мне казалось, что все силы ада собираются вокруг меня и скоро начнут раздирать меня в клочья.

Я позвонила подруге, целительнице:

— Машенька, у тебя нет чего-нибудь по оборотням?

— А что такое?

— В моей практике появился оборотень.

— Сейчас я тебе ничего не могу сказать, позвони завтра.

Когда на следующий день я ей позвонила, то услышала громкий визгливый голос, почти срывающийся на крик:

— Не смей мне больше звонить! В работе с таким явлением тебе никто не поможет! Это очень опасно и не звони мне больше!

Я осталась один на один с оборотнем. После десяти часов вечера мне казалось, что за балконом сгущается мутное, серо-черное облако. Оно приобретало очертания то медведя с лосяными копытами, то лося в медвежьей шкуре. Мне чудилось, что из темной тучи ко мне тянулась тонкая лапка и хватала меня то за сердце, то за горло. Сердце щемило, и не спасали никакие лекарства. Плечо отваливалось, спать я не могла часов до трех-четырех, то есть до рассвета.

Когда, все-таки, я леглась спать, то клала под подушку большую икону Иисуса Христа. С одной стороны я клала Евангелие, с которым я ездила в Иерусалим, и которое лежало на Гробе Господнем, а с другой — распятие. Свечи горели постоянно. Дело могло дойти до пожара — когда я спала, свечи догорали и падали. Я засыпала минут на пятнадцать, а потом в ужасе вскакивала, хваталась за Евангелие и распятие, а лбом прижималась к иконе. Потом ложилась на спину, пытаюсь расслабиться и успокоиться, и все повторялось снова.

Утром приезжала Тамара. Она рассказывала, что у нее ходуном ходил балкон и что она всю ночь простояла, непрерывно молясь, со свечой в одной руке и крестом в другой. Тамара так иступленно все крестила и водила свечами, что к утру не чувствовала рук. Свеча тряслась, трещала и выдавала струю черного дыма до потолка. Как-то раз Тамара трагическим голосом сообщила, что с полочки попадали все иконы. Знаменательно, что Тамара выучила наизусть почти весь молитвенник, читая молитвы одну за другой. Она без запинки могла прочитать такие сложные молитвы, как “Животворящему кресту” и девяностый Псалом “Живый в помощи Вышняго”.

Я была в полубезумном состоянии и не помню, как работала. Мы впятером: Тамара, Верочка, Рая с Витей и я, встречаясь и перезваниваясь, не могли говорить на другие темы. Мы просто спрашивали друг друга: “Ну как?” — и в ответ получали подробнейший отчет о нападениях, напоминавший сводки боевых действий. Я, на самом деле, честно воевала — концентрировала боевые лучи из центров ладоней и лупила ими по туче. Я отгоняла ее, сжимала, набрасывала на нее сетку, пыталась отправить в антивселенную. Туча ненадолго исчезала, а потом появлялась вновь.

Моя мать перестала спать по ночам, почти оглохла, у нее участились сердечные приступы. Мой сын во сне брыкался, вскрикивал — ему непрерывно снились кошмары. Тамарина мама упала и сломала ногу, что было отнесено на счет “наезда” вражеских сил. У ее отца на какое-то время отказал мочевого пузыря, несколько раз вызывали “скорую”. У Раи “сели” печень и почки, а у Вити обострился псориаз. Мы чувствовали, что столкнулись с силой, от которой спасения нет. Я считала дни до отпуска, хотя на заднем плане крутилась мысль: “Куда же я от этого уеду? Оно же почпаает за мной и в Пицунде достанет!”

Мы обратились к православному батюшке. Он наставлял, что надо жить в благодати, в любви к Господу, молиться с утра до ночи, — оно само и пройдет. Мы и так считали, что сохраняем жизнь исключительно благодаря непрерывным молитвам.

Подошло время отпуска, а Верочка была в таком состоянии, что мы просто не могли ее покинуть. Верочкины родители боялись остаться в Москве беззащитные перед оборотнем, без наших молитв и боевых лучей. Я предложила им поехать с нами — будем в Пицунде все вместе отбиваться от оборотня.

Наконец, за три дня до вылета, я будто очнулась, вспомнила о Симороне и обратилась к знакомому симоронисту. Мы собрались в следующем составе: два симорониста, Верочка, Тамара, еще одна моя ассистентка и я. Симоронисты сообщили, что применяют технику **группового фантома*** и сказали:

— Тетушке явно не хватает душевного тепла и покоя, ведь она — инвалид детства, и в ее жизни, видимо, было мало хорошего. Более того, вы “одели” на трэке тетушку в патологический образ и всей командой долго развивали его. Сейчас мы “переоденем” тетю на трэке.

Симоронисты предложили нам встать в круг, взявшись за руки. В центр круга была вызвана тетушка. Мы стали выдавать ей душевное тепло и покой в виде воображаемых картинок. Кто-то предлагал образ, а все остальные развивали его, добавляли детали. Мы подарили ей цветущий луг, криминальный роман, женьшень, телогрейку с золотыми пуговицами, орловского рысака с каретой и множество других подарков. Неожиданно горбатая старуха превратилась в маленькую симпатичную девчушку, лет трех-четырёх, которая прыгала через скакалку. Мы мысленно обняли девочку, прижали к себе, погладили ее по головке. Симоронисты предложили спеть для нее песню, известную им со слетов:

*Солнце любви светит для всех.
Сердцем согрей нежный росток.
Пусть зазвучит радостный смех,
И распускается счастья цветок.
Ом, ом, ом, ом.*

Мелодия была очень красивая, и мы с чувством пропели куплет раз десять. На глазах у меня выступили слезы. Наконец симоронисты заявили, что петь хватит. И на некоторое время воцарилась торжественная тишина, которую не хотелось прерывать. Впервые за последние три месяца я почувствовала покой и радость. Симоронисты провещали, что если мы хотим жить спокойно, то нам периодически нужно напевать песню.

Мы всемером вылетели отдыхать: Верочка с родителями, Тамара, я с сыном и моя подруга Люся. Первые двое суток отдыха мы ни разу не вспомнили ни об оборотне, ни о песне. Погода стояла чудесная, теплое море было абсолютно спокойно, желтый песочек радовал глаз. Вокруг росла сочная зелень — за неделю до нашего приезда прошли дожди, и ущелье стало душистым и пушистым. Баклажаны мы рвали прямо с куста, в двух шагах от кухни, где их и жарили.

По пути к морю мы проходили два болотца. Там обыкновенно лежали совершенно потрясающие свиньи, и мы останавливались полюбоваться на них. Хавроньям было так хорошо, что мы чувствовали их блаженство и заряжались им. Если там не было хрюшек, то появлялись лягушки. Они медленно всплывали, зависая в воде, высунув мордочки и слегка подрагивая лапками. Некоторые ныряли и копошились на дне.

И другое интересное место встречалось по дороге к морю. Через быструю речушку был перекинут мостик, а около мостика — несколько заводов. В них кружилась мелкая рыбешка. Мы садились на мостик и смотрели на рыбок, сверкающих в солнечных бликах, и забывали обо всем на свете, время исчезало.

Когда мы поворачивали к морю, то проходили ключевую точку маршрута — железную трубу, из которой под большим напором хлестала струя воды. Здесь местные армяне мыли машины, и это место было “клубом”, где встречались настоящие мужики ущелья. Конечно, все они были в кепках “аэродром”.

Рядом с трубой находился распределитель электроэнергии для всего ущелья. При нем состоял пожилой армянин, который время от времени то поднимал ручку рубильника вверх, то опускал вниз и иногда чего-то подкручивал. “Оператор” рубильника был одним из самых уважаемых людей

* В данной книге мы не описываем эту мощную технику, но из дальнейшего изложения о ней можно составить представление.

ущелья, и его слово много значило в местных разборках. Странно, что ни полная, дородная яркая Тамара, ни я с такими интересными перепадами в фигуре, ни Рая — зрелая интересная женщина, ни Люся — стройное, эфирное создание не привлекали внимание этого армянина. Он замечал исключительно замороженную, зажатую Верочку с темными кругами под глазами, с иссиня-черными всклокоченными волосами. Хотя Верочка очень симпатичная, но в тот момент она выглядела безнадежно больной. Но каждый раз, когда мы шли на пляж, уважаемый армянин показывал на нее толстым волосатым пальцем: “Ва-а, какой дэвочка!”

Отдых проходил здорово, пока в один прекрасный момент хозяйка не сказала, что Верочке плохо. Я побежала в комнату. Верочка выгнулась на кровати, хрипела и, вся дрожа, мелко сучила ногами. Мы с Тамарой автоматически начали выводить ее привычными методами: размахивать руками, направляя энергетические потоки, пока не пришла Люся и не спела “Солнце любви”. Все радостно подхватили спасительную песню. Верочка облилась потом, выпрямилась и часа на полтора заснула. Потом опять закричала — ей кто-то мерещился за окном. Мы в ответ бодро затынули “Солнце любви”. Можно сказать, что мы отбили первую попытку Верочки вернуть нас к игре в захватывающий фильм ужасов.

Прошло четыре дня, и я с Раей и Витей пошла за грибами в горы. Мы проходили по глубокому ущелью через бурелом: когда-то сошел сель, поломал деревья, и они засохли. В разные стороны торчали острые, как пики, шипы обломанных веток. Все это перемежалось огромными валунами. Создавалось впечатление сказочной нереальности окружающего пейзажа. И тут Раечка сказала:

— Чего-то давно не было ничего такого, на нас никто не наезжал.

Рая моментально обрезала себе ногу острым сучком, а я сразу огласила ущелье “Солнцем любви”.

До конца отдыха Верочка чувствовала себя хорошо, никто нас не беспокоил. Иногда ее подташнивало, но зато впервые за много лет у Верочки наладилась работа кишечника, она стала нормально есть.

Ближе к вечеру мы совершали прогулки вдоль моря. Обыкновенно первой шла Верочка, потом метрах в тридцати я, и на таком же расстоянии друг от друга все остальные. Создавалась иллюзия, что я — наедине со всей природой. Я шла по самой кромке воды, чувствуя под ногами мягкий песок, подбирала необычные камни, обломки стеклышек и деревяшек, интересно обточенные морем, и про себя напевала “Солнце любви”. Я была абсолютно уверена, что все остальные пели этот гимн.

Когда я вернулась в Москву, то с радостью отметила, что кошмары прекратились. Все вернулось на круги своя. Я поняла, что больше на такую удочку не попадусь.

Загадка для эскулапов.

Несколько лет назад во время диагностического обследования, в моем, теоретически здоровом, организме было обнаружено чужеродное новообразование. Я стараюсь не заикливаться на своих болячках и недомоганиях, если от них можно избавиться с помощью простеньких медикаментов. Но тут я стала проявлять изрядное беспокойство — прогнозы врачей оптимизма не добавляли.

Потом я родила ребенка, и нервозность усилилась. После родов опухоль стала доставлять неудобства и болезненные ощущения. Врачи предельно ясно и честно обрисовали мне трагическую перспективу, если процесс не остановить вовремя. Они видели единственный выход из создавшегося положения — хирургическое вмешательство. Впрочем, у меня оставался выбор между скальпелем и лазером. Оба варианта внушали тихую панику.

Припомнив, что знакома с Симороном, я не спешила отдавать себя в руки хирургов. Недавние удачи в применении Симорона ободрили меня настолько, что я решила исцелить себя сама.

Я поблагодарила врача, от которого впервые узнала об опухоли. Затем тщательно проанализировала отрезок времени перед появлением первых симптомов заболевания. Исследование привело меня к корневому событию.

* Знакомство нашей героини с Симороном началось с того, что ей удалось освободиться от проблемы, мучавшей ее в течение года. С помощью переименования: “**Я та, которая обматывает Витьку туалетной бумагой**”, она за полчаса рассталась с сильнейшими, изматывающими страхами, переросшими в манию преследования.

В одиннадцатилетнем возрасте я обожала поесть и была пухленькой коротышкой, таким колобком. Я чрезвычайно переживала из-за полноты и страстно мечтала похудеть, а когда учитель физкультуры объявил набор в секцию легкой атлетики, не раздумывая записалась туда. Занятия спортом меня мало привлекали, но красота требовала жертв. Забросив любимую изостудию, я заставила себя накачивать мышцы, подавляя естественное желание вкусно поесть. Спортивной звездой я не стала, зато за шесть лет приобрела стойкое отвращение к легкой атлетике.

Желанная стройность фигуры была достигнута слишком дорогой ценой. Жертвы оказались напрасными — я и так похудела бы с возрастом, без изнуряющих тренировок и строгой диеты. Я поняла, что и сейчас действую по старому сценарию — пытаюсь подавить болячку, избавиться от нее насильственным способом. В детстве я обожала жареную картошечку с румяной хрустящей корочкой. Она стала запретным плодом в период борьбы с жировыми отложениями. И я выбрала имя: **“Я та, которая лопает жареную картошечку”**.

Проделав эту работу, я испытала громадное облегчение и поняла, что освободилась от копившегося годами внутреннего напряжения. В течение десяти дней я неоднократно размышляла о причине заболевания и добросовестно пропечатывала имя. Когда я пришла на очередную консультацию, врач заинтриговал меня вопросом: “А что искать-то?” Я показала результат старого обследования. Озадаченный эскулап молвил: “Вы после операции?” Я отрицательно помотала головой. В следующем вопросе врача сквозило неподдельное удивление пополам с ехидством: “Само что ли рассосалось?” Схватив результаты, я рванула из кабинета, дабы избежать расспросов, которые явно читались на лицах медперсонала.

Немного прийти в себя и обдумать ситуацию я смогла, лишь плюхнувшись на скамеечку в сквере и затянувшись сигаретой. Скорое исцеление свалилось на меня нежданно-негаданно. В глубине души я допускала, что врач мог ошибиться, и пошла на повторное обследование к другому врачу. Результат был таким же. Новообразование, несколько лет угнетавшее меня и лишавшее покоя, исчезло. Я даже испугалась за собственный рассудок, который мог запросто помутиться от радости. Язык мой постоянно чешется рассказать друзьям о чудесах исцеления, но остатки здравого смысла вешают замок на мои болтливые уста.

Златовласая куколка.

Из одного южного города позвонил мой давний приятель и одноклассник Серега. Он рассказал, что у его трехлетней дочки Катюхи катастрофически быстро ухудшается слух. Врачи поставили диагноз — двусторонний неврит слухового нерва. Заболевание тяжелое, никакие лекарства и процедуры не помогали, и девочка слышала все хуже и хуже. Срочно нужна была операция, которую могли сделать в одном из институтов Москвы, по недавно разработанному методу. Оказалось, что для назначения на операцию необходимо пройти обследование, а запись на прием велась за два месяца. Но ждать Катя уже не могла.

Для Симорона не бывает безвыходных ситуаций. Чтобы поработать с заказчиком, вовсе не требуется его присутствие. Он может находиться за тысячи километров от волшебника. Когда Катя была совсем маленькой, я подарил ей большую куклу с золотистыми волосами. Златовласка приглянулась мне среди множества других кукол в “Детском мире” и пришлась Кате по душе. Серега рассказывал, что это одна из ее любимых игрушек. Как говорят симоронцы, кукла “мурчала” нам обоим, связывая нас невидимой ниточкой благодарственного отношения к ней. Учитывая силу вихря, я использовал переименование на ЯСном. Через фотографию девочки я настроился на нее и пустился в пляс. Симоронский танец представляет собой странное зрелище, а в этот раз он получился особенно разнородным. Плавные и грациозные движения тела сменялись размашистой тряской, резко замирали и переходили в стремительные прыжки. Звуковое сопровождение менялось столь же быстро и завершилось мантрой **ЯЛЛА БИКУНЧА РАПАЛЛУК**.

После танца я ощутил необыкновенную упругость, каждая клеточка тела была наэлектризована, наполнена живительной силой. Затем я обратился к кукле и поручил ей важное задание — транслировать девочке здоровье с помощью мантры. Златовласка любезно и с охотой согласилась.

* Хотя это имя построено методически неточно, оно подчеркивает процесс освобождения от очень жесткого шаблона. Напомним, что Симорон не догма, а руководство к действию.

Как здесь не вспомнить сказку о Василисе Прекрасной. Была у нее куколка любимая, и Василиса потчевала ее самыми лакомыми кусочками. А как приключится беда, скажем, навалит мачеха всю работу по дому, куколка ей и поможет. Пока Василисушка в состоянии СПЛЕНА отдыхает в тенечке да рвет цветочки, у куколки уж и грядки выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь истоплена.

Кроме куколки, я собрался подключить к работе воду, которая хороша тем, что находится в постоянном контакте с заказчиком. Ее можно пить, готовить на ней еду, стирать, принимать ванну. Отметим, что по новым технологиям переименования на ЯСном симоронавты заряжают не токмо воду, но и... воздух! На одном из семинаров Бурлана можно было наблюдать счастливых обладателей полиэтиленовых кулечков с заряженным воздухом.

Записав мантру, чтобы не забыть, я набрал полуторалитровую бутылку воды и установил перед собой. Договорившись с конкретным объемом воды в бутылке, я загрузил в нее мантру. Можно дополнительно оживить этот процесс, представляя, что в каждой мельчайшей частичке воды маленький бородатый человечек исполняет последнее движение танца и напевает мантру. Для пополнения запаса чудодейственной водицы в посудину с ее остатками доливается обычная вода. Затем она перемешивается, и программа выздоровления распространяется на весь объем.

Любопытно отметить, что подобный “цирк” позволяет изменить физико-химические свойства воды. Заряженная вода может стоять годами, сохраняя свежесть и приятный вкус. Одна заказчица сообщила, что забыла банку с водой на дачном участке во время сильных морозов. Когда она вернулась через несколько дней, то не поверила своим глазам — вода не замерзла!

На московском поезде работала проводницей Серегина родственница. Я передал ей бутылку с водой и письмо, содержавшее подробные инструкции по работе с водой и мантрой. Я предложил Сереге вовлечь в игру и саму девочку. Один из вариантов — рассказать ей, что ночью, пока она крепко спала, из далекой страны прилетала добрая фея. Она принесла для Кати “живую” воду, попросила Златовласку заботиться о Кате, лечить ее и дала волшебные слова (мантру). Катюха приняла эту игру, выясняла у родителей подробности визита феи, беседовала с куклой и ложилась спать с ней в обнимку. Серега с женой добросовестно повторяли “заклинание” и всюду добавляли заряженную водичку, к которой Катя “прикладывалась” с большим удовольствием.

Примерно через три недели позвонил встревоженный Серега. Дела пошли на лад, и более не требовалось громко кричать Кате на ухо, но возникла другая проблема. По недосмотру девочка выдула всю воду, и бутылка стояла пустая. Рассмеявшись, я объяснил Сереге, что ничего страшного в этом нет. Достаточно одной капельки, одной молекулы эликсира, оставшегося на дне бутылки, и вновь долитая вода тотчас зарядится. Кроме того, стенки бутылки тоже заряжены. И после того, как вода будет долита, можно увидеть, как бородатые мужички степенно сходят со стенок в воду, заряжая ее. В общем, недоразумение было улажено.

Шло время, слух у Катерины постепенно восстанавливался. Со Златовлаской она не расставалась. Когда я в последний раз разговаривал с Сергеем по телефону, он подтвердил, что Катя слышит сейчас нормально, чем немало удивила врачей.

Долгожданный малыш.

После того как я разошлась с первым мужем, решила замуж больше не выходить. Вечерами я сидела в одиночестве, так как моя дочь Аня целыми днями бегала с подругами во дворе.

У моей мамы здоровье было слабое, и она часто заговаривала о смерти. Отношения у нас с ней были довольно напряженные. Меня стали посещать мысли, что после смерти матери я останусь совсем одна. Мне казалось, что из этой ситуации существует единственный выход — родить ребенка. Ни кавалеры, ни работа не занимали моего времени настолько, как занял бы ребенок. Где-то я услышала фразу, что материнство — это сын, и она глубоко запала мне в душу. В течение десяти лет я безуспешно пробовала родить ребенка — кавалеры были, но я не беременела.

Я немного занималась йогой, ушу, регулярно ходила в духовный центр “Акрополь”. Когда стала ходить на семинары по Симорону, меня посетила мысль: “Чтобы родить ребенка, нужно найти духовно развитого партнера”. И я встретила такого человека.

Мы сблизились с Андреем, и я ему сказала: “Гулять просто так не буду, я хочу родить от тебя ребенка”. Он ответил, что подумает, и через полгода согласился. Мы стали целенаправленно пытаться зачать ребенка. Чего мы только не перепробовали. Плавали на резиновой лодке по живописным местам, выходили на приглянувшейся полянке, включали магнитофон с космической

музыкой и занимались любовью. Пробовали зачать в воде. Призывали ребенка вдвоем, поднимая руки вверх, делая при этом различные движения телом. Ничего не помогало.

Солнечным майским днем я пошла в лес на свою любимую полянку с пеньками. На ней росла трава с мелкими беленькими цветочками, похожими на землянику, а вокруг поляны — высокие сосны. Я подняла руки, мое тело потянулось и стало делать волнообразные повороты, выписывая сложные фигуры, напоминающие восьмерки. Я до сих пор отчетливо помню медовый запах травы, когда несколько раз ложилась на землю. Во время танца я внезапно почувствовала, будто поймала прозрачный воздушный шар: “Есть, вот оно!” Мне казалось, что вокруг тихо играет неземная музыка, отдаленно напоминающая перезвон маленьких хрустальных колокольчиков. Звуки были высокой частоты и накатывали несколько раз, как дуновение легкого ветерка, а потом все стихло. Показалось, что на мгновение я прикоснулась к едва уловимой истине и узнала ее.

Я помню этот день во всех подробностях, вплоть до температуры щек, нагретых солнцем. Испытанное блаженство не раз поддерживало меня впоследствии. Когда у меня бывает депрессия или болит голова, мне достаточно вспомнить запах травы или музыку, и все проходит. С того дня я без ума от колокольчиков.

Мы с Андреем посетили несколько Бурлановских семинаров по Симорону. В августе мы поехали в Вологодскую область. Плавали по озеру и речке на резиновой лодке. Однажды я станцевала симоронский танец, а Андрей в это время танцевал вокруг меня. Во время танца я побывала в будущем и увидела мальчика со светлыми волосами, которого звали Алексей. Я разглядела его во всех подробностях. После этого я вернулась в настоящее и ощутила Лешино присутствие. Хотя я еще не была беременна, но мы уезжали из Вологды троим!

У меня светлые волосы, а у Андрея — иссиня-черные. Логично было предположить, что у Лешеньки будут абсолютно черные волосы, в крайнем случае — каштановые, но я была совершенно уверена, что он будет блондином. В январе я зачала Лешу. Момент зачатия я почуяла физически и доподлинно знала, что в этот раз забеременела.

В комнате моей бабушки висел портрет неизвестного мальчика лет семи. Я была трепетно влюблена в него, и когда решили продать эту картину XVIII века, то для меня это был удар. Забегая вперед, скажу, что у меня родился сын, я назвала его Лешей, и он очень похож на мальчика с портрета. Может быть, на картине изображен мой предок, и сейчас он воплотился в Леше?

У меня пятнадцать лет была фибромиома матки, которая постепенно росла и достигла величины грецкого ореха. Когда я беременная пришла к врачу, та сказала: “Какой ребенок с фибромиомой!” А через два месяца опухоль сама по себе исчезла. “Наверное, ошиблись в диагнозе”, — предположила врач.

К родам я готовилась специально. Врач настаивала на кесаревом сечении:

— После тридцати пяти мы всех кесарим.

— Меня все не интересуют, никаких противопоказаний у меня нет. Возраст не диагноз.

Я дала расписку, что буду рожать сама, без кесарева сечения. Во время родов я попробовала отделиться от собственной личности: “Какая боль может быть у Симорона? Не знаю я, что такое боль!” И у меня это получилось. Я чувствовала боль, но она мне была безразлична. Я заулыбалась и сказала себе: ну я даю! Чувство свободы опьянило меня, и я поиграла с ним. Вошла в боль: “Не могу терпеть”, отошла от боли: “Вот это да!” Это одно из самых ярких впечатлений в моей жизни. Так на свет появился Лешенька.

Исцеляющая рогатка.

Когда на работе у моей жены узнали, что ее муж стал волшебником, со всех сторон посыпались заявки. Вот одна из них. Дарья Андреевна пожаловалась на то, что в последнее время страдает от резкой боли в правой руке. Руку периодически простреливало от кисти до плечевого сустава. Врачи ничего определенного сказать не могли, ссылались на возраст и разводили руками. Я поблагодарил Дарью Андреевну за предупреждение о том, что если я не поработаю с этим сигналом, то и у меня могут разболеться руки, и ничего не поможет, даже филиппинские хилеры. В итоге руки могут окончательно отсохнуть, и я стану совершенно беспомощным: не смогу ни ложку держать, ни штаны расстегнуть, чтобы пописать.

Времени у нас было в обрез, и я воспользовался быстрой техникой переименования через трэк. Пока заказчица жаловалась на болячку, я с таинственным видом закрыл глаза и оказался на

трэке. Дарья Андреевна предстала как бесшабашная, залихватского вида девчонка, в выгоревшем цветастом платишке и со здоровенной рогаткой в руке. Натягивая резинку из серого жгута, она мастерски метала из этого орудия перезревшие помидоры.

Описав образ, я порекомендовал ей повторять имя: “Я та, которая стреляет из рогатки перезрелыми помидорами” и представлять при этом соответствующую картину. От предложения изготовить настоящую рогатку Дарья Андреевна отказалась из соображений охраны психического здоровья окружающих. Тогда я посоветовал ей имитировать рогатку V-образной формы из указательного и среднего пальцев левой руки, подгибая остальные пальцы. Правой рукой надлежало натягивать воображаемую резинку с помидором. Дарья Андреевна довольно ловко изобразила этот процесс.

После нашей встречи Дарья Андреевна была много раз замечена сотрудницами за странным занятием. Украдкой, чтобы не привлекать внимания, та изображала стрельбу из рогатки. Одна дама, случайно ставшая свидетельницей такого зрелища не для слабонервных, долго недоумевала. А узнав, в чем дело, весьма взволновалась. Когда я зашел встретить жену с работы, эта дама осторожно осведомилась у меня: “А не повредит ли человеку, если Дарья Андреевна залепит в него помидором?” (Причины таких опасений нам неизвестны. Вполне возможно, что дама наслушалась про всякие сглазы и порчи населения.) Стараясь сохранить серьезную мину, я уверил ее в том, что плоды совершенно безобидны, и она удовлетворенно вздохнула.

Однако вернемся к нашему “ворошиловскому стрелку”. Рука все реже беспокоила Дарью Андреевну. А вскоре боли исчезли совсем и больше не появлялись.

Как излечиться от гриппа за один день.

Моя пациентка, Нина Ивановна, пришла на массаж совершенно простуженная. Она чихала, шмыгала носом, сморкалась и кашляла.

— Приболела, — огорченно проговорила она в нос. — Сопли ручьем, наверное, грипп. Сейчас говорят, по Москве какой-то страшный грипп ходит, гонконгский. Вчера вечером леглась спать, чувствую, что-то не то — в носу засвербило, озноб появился. А на утро — насморк, температура. Теперь на неделю свалюсь. Насморк — дело такое, если его не лечить, пройдет за неделю, а если лечить — за семь дней.

Нина Ивановна знала о Симороне и умела благодарить Ванечку. Поэтому я спросил: “Что же вы сразу болезнь не отблагодарили?” Она пожала плечами: “Да я и забыла, что можно это сделать”. Вспомнив, что у нее есть палочка-выручалочка, Нина Ивановна принялась благодарить хворь. Вот ее пламенное выступление.

— Дорогой многоуважаемый грипп! Я понимаю, что тебе пришлось совершить долгое и трудное путешествие из Гонконга с благородной целью — избавить меня от больших несчастий. Ты явился, чтобы показать мне мои ошибки и научить их вовремя исправлять. Спасибо тебе, родной! В благодарность за неоценимую услугу я дарю тебе крепкое здоровье и прекрасное самочувствие!

После чего она описала мне образ, в который воплотился подарок дорогому гостю из Гонконга. Это была крупная морская раковина причудливой формы, с зубчатыми краями. Снаружи она имела волнистую поверхность бежевого оттенка с рельефным замысловатым орнаментом, а изнутри ее покрывал тонкий слой перламутра. В прозрачной желеобразной массе покоилась нежно-розовая матовая жемчужина. Ваня блаженно “мурчал” от подарка, а Нина Ивановна оказалась буквально замороженной этим зрелищем. Она радостно повторяла: “Неужели мне удалось такой красивый подарок нарисовать?” Ведь совсем недавно она сомневалась, что вообще сможет увидеть что-нибудь на трэке.

Вся работа заняла несколько минут, и Нина Ивановна с удивлением заметила: “Вы знаете, а нос-то у меня задышал!”

Прощаясь, я напомнил, что вместо таблеток и лекарств ей предстоит вспоминать замечательную жемчужину. Эта картинка служит для нее паролем, который запускает программу выздоровления. На том мы и расстались. Через день бодрая и довольная Нина Ивановна пришла на очередную процедуру массажа. Она рассказала, что вечером почувствовала себя значительно легче, на следующее утро температура вошла в норму, а насморк полностью прошел.

Снимаю желудочный спазм.

Расскажу, как моя жена открыла в себе целительские симоронские способности. Одной из сотрудниц, Ларисе, понадобились обезболивающие таблетки — у нее начались резкие, скручивающие боли в желудке. Однако таблетки не помогли и боли продолжались. Лёнуля спохватилась и вспомнила, что симоронавт может оказать помощь более эффективную, нежели снабжать таблетками. Она поблагодарила сигнал боли у Ларисы, предупреждавший, что и сама может заболеть. Лёнуля отправила ему здоровье и физическую выносливость в виде сверхскоростного лайнера типа “Конкорд” — с узкими треугольными крыльями и острым, загнутым вниз носом, уносящегося в бездонное голубое небо.

Она предложила Ларисе представлять картинку с бороздящим воздушный океан лайнером до тех пор, пока боль в животе полностью не утихнет. Лариса воспользовалась советом и вскоре почувствовала заметное облегчение.

Пропуская через себя благодарственный поток, человек обращается к подлинному центру в себе — Симорону. И ему открываются поистине безграничные возможности, в том числе способности к исцелению. Из этого примера понятно, что любой человек, даже и не замечавший в себе особых “волшебных” талантов, дара сверхчувственного восприятия, оказывается способен на чудеса. Достаточно лишь немного воображения, и чудеса начинают происходить в его жизни.

Глава 5. Симоронцы на отдыхе.

Отпуск в Крыму.

Есть у нас с женой излюбленное местечко на южном побережье Крыма. Каждое лето мы стараемся съездить туда на пару недель. В том году, к которому относятся описываемые события, мы тоже запланировали такую поездку. По нескольким причинам осуществить ее хотелось бы в начале сентября. Дело оставалось за малым — чтобы жене дали отпуск в это время. Раньше она неизменно брала отпуск летом, и проблем не было. На сей раз могли возникнуть серьезные трудности, так как в сентябре у нее на работе — самая напряженная пора. Первые вестники тревоги появились ранней весной, когда жена начала зондировать почву насчет сентябрьского отпуска. Я до поры до времени отмахивался от настораживающих сообщений и дал сигналу завихриться. Однажды, в конце апреля жена пришла с работы расстроенная. Она рассказала, что график летних отпусков уже составлен, и в сентябре подменить ее будет некому. Со слезами на глазах, Лёнуля объяснила, что все ее коллеги выбрали самое удобное время для отпусков, лишь она осталась не у дел. Лёна почти смирилась с тем, что поездка в Крым не состоится. Настала пора плясать симоронский танец.

На следующий день мы отправились в лес. Там, на берегу озера, на полянке, окруженной могучими стволами берез, я и закрутил танец. Танец бывает очень экспрессивным, и в условиях городской квартиры исполнять его довольно тесно. Неоднократно на траектории движения оказывалась люстра, или кровать, или еще что-нибудь. А на лесных просторах можно развернуться во всю ширь. Едва затихли звуки финальной мантры **ЛУНЧИСУР**, разносимые лесным эхом, Лёнуля стала допытываться, по какому поводу я выплясывал. Я не стал рассказывать, что танец посвящен ее отпуску. Она уже рассталась с идеей сентябрьского отдыха в Крыму и отнеслась бы к работе скептически и недоверчиво.

В дальнейшем, когда речь заходила об отпуске, я работал с мантрой, старался успокоить жену и внушить ей уверенность в удачном исходе. Однако известия были неутешительными. То жена передавала сказанную ей на работе фразу: “У нас даже начальство в сентябре не отдыхает!” То она огорченно сообщала, что все летние отпуска расписаны так плотно, что отпуск ей и летом не светит. Тем временем наступило лето, и я уехал на две недели на слет. Когда в конце июня я вернулся, выяснилось, что проблема отпала. Для одной из сотрудниц оказалось удобнее отгулять отпуск в июле, и она согласилась поработать за Лёну в начале сентября.

Жена изредка высказывала опасения типа “как бы чего не вышло” — уж больно легко все устроилось. Посему я иногда **ЛУНЧИСУРИЛ**. Загадка лесного танца была открыта под ласковым крымским солнцем, и это не было для жены сюрпризом. Она давно подозревала, что “дело нечисто”, и без Симорона не обошлось.

А теперь я расскажу о нашей первой совместной поездке в Крым. Она проходила под девизом: “Легких путей мы не ищем!” Начну по порядку, а читатель может загигать пальцы на руках, подсчитывая пропущенные сигналы. Наш путь лежал в удивительно красивый заповедный уголок

Крыма — поселок Новый Свет близ Судака. С железнодорожными билетами в благодатные южные края, как обычно, была напряженка. До Симферополя билетов не было вообще. Но счастье улыбнулось нам — в кассе неведомо откуда вынырнули два плацкартных места на поезд “Москва — Феодосия”. Желанные места оказались самыми “блатными” — боковые полки рядом с туалетом. Да-да, догадливый читатель, — туалет, как водится, не убирали всю дорогу, и мы полной грудью вдыхали стойкий аромат. Но сортирные запахи, непрестанное хлопанье дверей и спящие люди оказались мелочью по сравнению с тем, что ожидало нас позже.

Во время стоянки в славном городе-герое Туле напротив нас появился новый сосед, крепко выпивший и с трудом ворочавший языком. Первым делом он извлек из недр пузатого потертого портфеля бутылку водки. Следом за ней появился твердый как камень тульский пряник. Предложение выпить не нашло поддержки у остальных пассажиров, от пряника тоже все отказались. Пробормотав что-то вроде: “Ну и х... с вами”, тульский патриот опрокинул стакан и попытался отгрызть кусок пряника. Но тот стоял насмерть, и мужик, окончательно загрузив, полез к себе на верхнюю полку. С третьей или четвертой попытки “Измаил” был взят. В купе наступило затишье, изредка нарушаемое храпом, но это было затишье перед бурей.

Около семи часов вечера страшный грохот потряс окрестности. Нет-нет, догадливый читатель, — это не пьяненький мужичок рухнул с полки. Окно напротив нас было разбито увесистым булыжником, и вокруг валялись мелкие осколки стекла. Чудом никто не пострадал. На шум сбегались пассажиры из соседних купе. Выдвигались разные версии — от хулиганской выходки мальчишек до политической акции, связанной с разделом черноморского флота. Происшедшее разбудило тульского мужика. Он был крайне взволнован и, допив бутылку, принял самое активное участие в дискуссии. Постепенно народ разошелся по местам. За окном стемнело. Пассажиры укладывались спать.

Однако нетрезвый господин, разгоряченный происшествием, на боковую явно не собирался. Он подсел на нижнюю полку к молоденькой соседке и, не умолкая ни на минуту, начал к ней приставать. Взаимностью та не отвечала, и ловелас начинал новый штурм. Никакие увещевания и угрозы с нашей стороны не действовали — он замолкал лишь на несколько секунд, а потом опять начинал бубнить что-то, обвиняя неприступную соседку в отсутствии любви к ближнему и прочих грехах. Вдобавок ко всему, из разбитого окна со свистом врвался холодный воздух. Уснуть было невозможно. О возможностях волшебника в тот момент я забыл.

Под стук колес да монотонное покачивание я все-таки уснул. А когда проснулся, говорливый мужик исчез. Ленуля, так и не сомкнувшая глаз, сообщила, что он умолк только под утро. Мы вышли на станции “Айвазовская”, за одну остановку до Феодосии. Автовокзал располагался рядом со станцией. И опять препятствие — ближайший автобус до Судака отправлялся через четыре часа. Представители частного извоза, лениво фланирующие по привокзальной площади, заламывали баснословные цены. В ожидании автобуса мы отправились к морю. Накупавшись вдоволь, вернулись на автовокзал.

Автобусный маршрут пролегал по живописным местам, через Коктебель и Солнечную долину. Однако жене не удалось полюбоваться пейзажем, она задремала, измученная бессонной ночью. Наконец, мы прибыли в Судак. До конечного пункта путешествия — поселка Новый Свет оставалось семь километров. И вновь задержка — мы попали в перерыв движения автобусов. Ждать два часа не хотелось, и мы поехали на машине. По дороге водитель сказал, что у него есть знакомые в поселке, которые помогут устроиться с жильем: Галя работала в пансионате, а Рита сдавала комнату отдыхающим.

Не успели мы выйти из машины, как разразился тропический ливень. И хотя до пятиэтажки, где жила Рита, было рукой подать, мы промокли до нитки. Риты дома не было. У соседней удалось узнать, что она вот-вот придет с работы. Ожидая Риту, мы проторчали в подъезде около часа. Дождь лил как из ведра, не давая высунуть носа. Наши надежды не оправдались — Рита отказала. Когда дождь иссяк, я отправился на другой конец поселка в пансионат. Галя сокрушенно развела руками:

— Ничем не могу помочь. Июль, разгар сезона — свободных мест нет. И не только в пансионате. Отдыхающих нынче много, спрос превышает предложение. Попробуйте походить по домам, поспрашивать. Может, вам повезет.

Я опасался, что шансов найти жилье немного, так как поселок состоит из частных домиков и всего нескольких многоэтажных зданий. Я ходил из одного дома в другой, узнавая, не сдается ли жилье. Повсюду висели таблички: “Просьба не звонить, комната (квартира) не сдается”. Когда остался последний необследованный пятиэтажный дом, я понял, что зашел в тупик. Солнце опускалось все ниже. Удрученный печальной перспективой ночевать на берегу моря, я вернулся к

жене. Она совсем приуныла. Надо было срочно что-то предпринять, и, окончательно припертый к стене обстоятельствами, я спохватился: “Симорон! Как я мог забыть?” Воистину: пока гром не грянет, мужик не перекрестится!

Я ухватился за эту возможность, как утопающий за соломинку. Присев на скамеечку, я закрыл глаза и начал монолог:

— Я благодарю тебя, Ванечка, за предупреждение о том, что все наши попытки найти жилье в Новом Свете могут завершиться полным провалом. Из-за ночевки под открытым небом мы можем простудиться и захворать, и в результате отдых может быть окончательно испорчен. За то, что ты предупреждаешь об этом, я тебя благодарю и дарю спокойствие и душевный комфорт в виде изящной бригантины с алыми парусами, на палубе которой сидят кружком матросы и пекут картошку в костре.

Когда я закончил благодарение, мы извлекли из дорожной сумки припасы и немного подкрепились. Затем я отправился к оплоту последней надежды — зигзагообразному пятиэтажному дому. Образ бригантин с алыми парусами неотступно следовал за мной. Обойдя один подъезд, я вошел в следующий. В коридоре первого этажа навстречу мне попался загорелый мужчина лет сорока.

— Что, комнату подыскиваем? — обратился он. — Я со своей драгоценной через полчаса уезжаю, так что попробуй зайти, поговори с хозяевами.

Комната оказалась чистой и просторной, с двумя кроватями, креслом, столом и сервантом. С балкона открывался прекрасный вид на горы Сокол и Орел, расположенные с двух сторон Зеленой бухты. Цена нас вполне устроила, и вскоре мы разбирали вещи.

Впервые Новый Свет я посетил за пять лет до описываемых событий, и с тех пор он покорило мое сердце. Мы с женой предпочитали загорать и купаться на Царском пляже. На него можно попасть двумя путями — по узенькой “козьей” тропке от Сквозного грота или по дну небольшого каменистого ущелья. Удобнее и быстрее добираться по ущелью. В первый день отдыха мы наткнулись на препятствие в лице местного лесника.

Вынужденное знакомство с ним состоялось во время моего первого визита в Крым. Прилегающие к Новому Свету окрестности считаются государственным заказником. И мы с моим приятелем Костиком поставили палатку в укромном распадке у склона Сокола, а наутро двинули купаться в Разбойничью бухту. После полудня мы услышали громкие вопли и свист сверху, с тропы Голицына. Издававший эти звуки человек с негодованием размахивал руками, однако к морю спускаться не стал, и мы продолжали кайфовать. Когда вечером мы поднялись на тропу, из-за скального выступа, словно привидение, возник тот самый горластый мужик. Он сильно смахивал на разбойника: всклокоченные черные волосы и борода, сердитое лицо с пеной в уголках беззубого рта. Предъявив удостоверение лесника, угрюмый защитник природы начал пугать нас штрафом. Мы сделали вид, что впервые слышим о каком-то заказнике. На тропе появилось еще несколько человек, и лесник устремился к ним, оглушительно дуя в свисток. На том моя первая встреча с ним и завершилась.

Ничего не подозревая, мы с Ленулей шагали через можжевелевую рощу, чтобы спуститься затем в ущелье к Царскому пляжу. Словно из-под земли, перед нами выросла фигура лесника и возопила: “Так, ну и куда же мы направляемся?!” Пристрастием к дипломатии упомянутая фигура не страдала, и нам было рекомендовано убираться подальше. Пришлось повернуть назад и пуститься на военную хитрость. Сделав большой крюк, мы спустились в ущелье. До Царского пляжа оставалось метров пятьдесят, когда сверху, со склона ущелья, раздался зычный глас вездесущего лесника. Делать было нечего — мы отправились на городской пляж. На следующий день засады не было, а через день лесник объявился снова, причем не один, а с помощником. Нагрянули они прямо на Царский пляж, как снег на голову, в середине дня. Всем отдыхающим было предложено сматывать удочки или оплатить пребывание на заповедном пляже. С некоторым опозданием до меня дошло, что сигнал опять завихрился и пора симоронить.

Я поблагодарил лесника за предупреждение о том, что нам до конца отпуска придется купаться на шумном и переполненном городском пляже, и вместо приятного отдыха нас может ожидать раздражение. Я подарил леснику бутыл из венецианского стекла с целебным маслом, источавшим эротический запах. Бутыл была заключена в плетенку из ивовой коры.

На Царском пляже наступили благодатные времена. Лишь однажды мы встретили лесника. Он шествовал по набережной нетвердой походкой, наводившей на мысли о несколько другом содержимом оплетенной бутылки.

Когда до отъезда оставались считанные дни, мы предприняли восхождение на Сокол (высота 476 метров). И хотя до вершины мы не добрались, для Ленули это был настоящий подвиг. Последние метры восхождения дались ей ценой небывалого напряжения всех сил, однако эти усилия были с лихвой вознаграждены. С Сокола открывалась восхитительная панорама. Перед нами как на ладони лежали Новый Свет, Судак, Генуэзская крепость, морские бухты, горы, покрытые лесом. Заходящее солнце создавало неповторимую игру света и тени, делая окружающие предметы сверхвыпуклыми и живыми. Причудливость очертаний вызывала ощущение сказки. По телу разливалась упругая волна, будто перетекающая из недр Сокола. Казалось, еще миг и ты взлетишь. Ленуля очень гордилась собственной победой и потом рассказывала знакомым, как “с языком на плече” карабкалась на Сокол. Симоронский след был зафиксирован в имени: **“Я та, которая совершает восхождение на Сокол”**, и оно действует безотказно по сей день.

В общем, отдохнули мы замечательно и вернулись домой полные ярких впечатлений, по сравнению с которыми трудности, испытанные в начале путешествия, конечно, блекнут. Но все же, зная Симорон, можно было обойтись и без лишних проблем. Следующая поездка в Новый Свет это подтвердила.

Наученный горьким опытом, я основательно подготовился к предстоящему путешествию и посвятил ему симоронский танец. Мантра имела красивое мелодичное звучание — **ЭЙ ЯНУЗА ТУРАЛУКАЛАПА**. Эта короткая песня обеспечивала режим наибольшего благоприятствования — комфортные условия в поезде, бесперебойную работу автотранспорта, быстрое отыскивание жилья, хорошие условия проживания и отдыха, солнечную погоду и так далее.

На этот раз мы ехали с друзьями — супружеской парой и их сыном. Вагон был чистенький, опрятный, работали оба туалета. Спокойно и беззаботно мы доехали до Симферополя. На перроне “командующий парадом” рубанул воздух рукой: “Мантру запевай!” И, грянув **ТУРАЛУКАЛАПУ**, процессия двинулась к стоянке автобусов. Пока мы с Димкой изучали расписание, откуда-то вывернулся шустрый мужичок. Названная им цена лишь немного превышала стоимость автобусных билетов, и мы, не раздумывая, погрузились в бежевую “Волгу”.

Все произошло столь быстро, что мы слегка опешили, а дамы даже не успели ознакомиться с местными ценами на фрукты. Мужичок домчал нас прямо до Нового Света. Машину мгновенно облепил рой бабuleк, наперебой предлагавших комнату или коттедж. С трудом отбившись от них, мы нанесли визит Васильевне, нашей прошлогодней хозяйке. У нее оказалось свободно, и мы заняли обе сдающиеся комнаты. Васильевна посетовала, что в этом году, несмотря на пик курортного сезона (стояла середина июля), отдыхающих — раз, два и обчелся. Такого и старожилы не могли припомнить.

Первые дни мы проводили на Царском пляже. Старый знакомец не объявлялся, хотя пару раз похожий силуэт мелькал на гребне скал. Прогуливаясь как-то по мысу Капчик, мы забрались на его вершину, и увидели маленький укромный пляжик, на котором живописно возлежало несколько обнаженных женских тел. Вот она, земля обетованная! Спуск проходил по крутому участку вулканической породы, поэтому желающих попасть сюда было немного. К тому же пляжик был хорошо укрыт скалами. Проявив солидарность с загорелыми нимфами, мы полностью разоблачились. Димка горестно вздыхал, поглядывая в их сторону: “Эх, в Тулу и со своим самоваром!” Славный уголок привлекал и тем, что изобиловал большим количеством надводных и подводных камней. Можно было вдоволь понырять и поплавать с маской, гоняясь за крабами и любясь сказочным подводным царством. Неприметный пляжик стал нашим излюбленным местом. В тот день, когда мы открыли его, состоялось одно любопытное происшествие.

Солнце скрылось за отвесной скалой, и мы направились домой. Неторопливо забрались вверх по склону, на ровное плато Капчика. Ступив на горизонтальную площадку, я поднял взгляд и вздрогнул. В нескольких шагах под кустом можжевельника, точно наваждение, сидел незабвенный лесник! “Все, приплыли”, — пронеслось в мозгу. Завидев нашу компанию, он нехотя встал и направился к нам. Гроза отдыхающих был навеселе. С некоторой опаской мы подошли поближе и на всякий случай вежливо поздоровались. Он властным жестом простер руку в сторону Царского пляжа и, заговорщицки подмигнув нам, проговорил, как будто спрашивая совета: “Пойти разогнать их, что ли? Вроде неохота”. Я остоленел и, не найдя, что ответить, пожал плечами. Пройдя несколько метров с нами, лесник пожаловался, что курортники оставляют за собой много мусора, после чего затрусил все-таки к Царскому пляжу. Больше он на нашем пути не попадался.

Поход за грибами.

Бархатный сезон в Новом Свете выдался довольно дождливым, и на рынке в больших количествах продавали шампиньоны. Для заядлого грибника чужие ведра с ядреными, тугими грибами — как соль на рану. А когда Васек, двенадцатилетний сынишка хозяйки, припер полпакета шампиньонов и поддубовиков, чаша терпения переполнилась.

С Васьком нас связывали приятельские отношения. Я обучил его сложению и вычитанию дробей, а он показал места на побережье, изобилующие крабами. О доверительности наших отношений свидетельствовал тот факт, что однажды Васек посвятил меня в страшную тайну. С видом заговорщика он извлек из-за пазухи насквозь проржавевшую советскую гранату, сохранившуюся со времен войны. Она была найдена старшим братом Серегой среди зарослей можжевельника на горе Сокол, а ныне хранилась дома в строгом секрете от матери. Завидев, как Васек небрежно подбрасывал гранату в руке, я принялся судорожно симоронить. Васек протянул опасную игрушку мне. С величайшей осторожностью осмотрев ее, я заметил, что отверстие для запала наглухо забито ржавчиной и затвердевшей грязью. Васек произнес:

— Жаль, если запала нет. Тогда ведь может и не рвануть. Да вы не бойтесь, я один не собираюсь ее взрывать. Сергей обещал взять меня с собой и бабахнуть гранату где-нибудь далеко в горах.

Вручив гранату Ваську, я посоветовал убрать ее в тайник, и тот нехотя утащил боеприпас обратно.

Выведать у Васьки, как выйти на заповедные грибные места, особой трудности не составило, хотя конечная точка маршрута была описана им довольно приблизительно (возможно, не без умысла). Утро следующего дня выдалось пасмурное. Но я обрадовался, ибо исчез соблазн купаться и загорать, и можно было со спокойной душой отправиться в поход за грибами.

Однако радость была преждевременной, так как грянул сильнейший ливень. Пришлось срочно симоронить погоду. Минут через пятнадцать дождь ослаб и я, невзирая на уговоры жены, двинулся в путь, лавируя между несущимися с гор бурными потоками. Я быстро поднимался по полуразрушенной царской дороге. Она змейкой петляла среди выступающих на поверхность мощных пластов известняковых пород, огибая узловатые стволы реликтовых сосен. Воздух был напоен терпким ароматом хвои. С дороги открывался потрясающий вид на Зеленую бухту, на поселок, на горы Сокол и Орел, окаймлявшие бухту. Недалеко от вершины навстречу мне высыпала стайка местных ребятишек, мокрых с головы до ног. Полиэтиленовые пакеты у них в руках были почти пустыми, и в голове мелькнула мысль: «Если эти чертенята, знающие здешние места вдоль и поперек, не нашли грибов, то и мне рассчитывать не на что».

Вспомнив о возможностях волшебника, я отблагодарил поступивший сигнал. Мальчишки с пустыми пакетами предупреждали о том, что и я могу остаться без грибов, даже если обойду все окрестности Нового Света или весь Крымский полуостров. Мальчишкам была подарена уверенность в виде бронзовой головы крокодила, с глазами из зеленого горошка.

Через некоторое время я оказался на дне оврага возле ориентира, описанного Васьком. Отсюда предстояло пройти по оврагу и потом подняться на склон, где и должны были произрастать грибы. Овраг тянулся далеко, и было непонятно, в каком месте сворачивать. Я забрался на склон горы, покрытый густыми зарослями граба и низкорослого крымского дуба. С деревьев градом сыпались капли, и за несколько минут я промок до нитки, так и не найдя ни одного гриба. Пришлось снова спуститься на дно оврага. Хлюпающие кеды то и дело скользили по влажной, глинистой почве.

Размышляя о превратностях грибной фортуны, я припомнил замечательный симоронский прием. Остановился, огляделся по сторонам и поприветствовал духа здешнего леса. Потом поблагодарил его и, закрыв глаза, попробовал представить духа на трэке. Я нарисовал образ зубчатой сторожевой башни из серого кирпича, парящей на ковре-самолете. Я спросил духа леса, чего бы ему хотелось добавить в этот образ? И стал дорисовывать картинку: башня украсилась пестрыми флагами, от нее протянулась лиана, на которой кувыркались белые морщинистые зверьки с хоботками. Почувствовав ответное мурчание лесного духа, я открыл глаза и двинулся дальше.

* Под духом какой-либо территории мы понимаем совокупность всех минералов, водоемов, растений и животных, постоянно находящихся на данной территории.

Внезапно ветка дерева чиркнула меня по щеке. Сделав еще несколько шагов, я чуть не потерял равновесие из-за того, что другая ветка зацепилась за куртку. До меня дошло, что это не случайность, и таким образом лесной дух пытается привлечь мое внимание к этому месту. Свернув в сторону и пройдя несколько метров вверх по склону, я наткнулся на крепенький поддубовик, ярко выделяющийся на фоне прошлогодней листвы. Немного дальше была обнаружена еще парочка, а чуть выше по склону я набрел на поляну с шампиньонами. За каких-нибудь полчаса большой полиэтиленовый пакет был доверху наполнен грибами.

Промокший, но довольный, я спускался по каменистой тропинке. Увесистый пакет приятно оттягивал руку. Небо очистилось, и мириады водяных капель сверкали вокруг в лучах солнца. Когда я шумно ввалился в квартиру, Васек уже пришел из школы. Завидев пакет с грибами, он, слегка хмурясь, выразил одобрение, а уже через пару минут его как ветром сдуло. Объявился он вечером, когда начало темнеть. Его пластмассовое ведро и пакет были битком набиты грибами. Возбужденный Васек рассказал, что в порыве азарта заблудился и сделал приличный крюк по горам.

В результате установления дружеских отношений с духом леса наш рацион на протяжении трех дней состоял исключительно из грибных блюд. В четырехлитровой кастрюле булькал густой суп из поддубовиков. Шампиньоны тушились в сметане, заняв объемистую сковороду. Рядом с грандиозными посудинами стояла жалкая кастрюлька, в которой варилась пара мелких картофелин. Васильевна, хозяйка квартиры, при виде этой картины, замерла и, указывая на кастрюльку, изумленно спросила:

— А это что такое?

— Картошка с грибами, — хором ответили мы.

Тучи над Питером.

Было это осенью 1995 года в славном граде на Неве. Бороду вместе с Папой занесло в Петербург со священной миссией посева зерен симоронского учения в благодатные души жителей северной столицы. Устав от трудов праведных и благовразумляющих, неспешно прогуливались два волшебника по Невскому проспекту. И небо над ними было сплошь затянуто серой пеленой облаков. И возжелали они узреть солнца луч и неба синеву. И произнес каждый из них обращение к Ванечке. И Борода изрек:

— Многоуважаемый Ванюша! Я возношу тебе искреннюю благодарность за предупреждение о том, что если я не обращу внимания на тебя и не поработаю с тобой, то облака над нами могут сгуститься еще плотнее. Они могут превратиться в грозовые тучи, и разразится ураганный ливень, и случится наводнение, и Нева выйдет из берегов, и унесет нас мощным потоком в Балтийское море, и пойдем мы на корм рыбам. За то, что ты уберегаешь меня от такой грустной участи, я дарю тебе душевный комфорт и смелость в виде енота с серебристо-голубым мехом, который стоит на задних лапках. В передней он держит серебряный пионерский горн с алым выпелом с желтой бахромой и трубит гимн Советского Союза.

И Папа предложил озвучить эту картину, и с воодушевлением спели они хором, шагая по Невскому: “Союз нерушимый республик свободных...” И вскоре свернули они к храму Спаса на Крови, и пока созерцали сей храм, небо постепенно стало очищаться, и появились голубые просветы. Но солнце было за облаками. Невдалеке стояли лотки, заставленные сувенирами — матрешками, шкатулками, украшениями, предметами военной формы, всяческой символикой времен социализма. И когда симоронцы прошли вдоль рядов, увидели они лежащий на последнем лотке серебряный пионерский горн, с красным выпелом и желтой бахромой, точно такой же горн, как у енота.

“Подарок Ванечке материализовался!” — расхохотались они. И в этот миг разошлись последние облака, закрывавшие солнце, и на землю хлынули неудержимые потоки солнечного света. И возликовали Папа с Бородой, и вознесли хвалу Степанычу.

Коль зашла речь о Степаныче, напомним, что Симорон — это не магия, и мы *не занимаемся насильственным изменением* внешней среды. Если бы установление солнечной погоды в описанных событиях каким-то образом могло нарушить вселенское равновесие, то Степаныч не дал бы свою санкцию, и погода осталась бы прежней. Любая симоронская акция, в данном случае благодарение, учитывает интересы всех участников игры.

Воображаемый образ подарка необязательно появляется в материальном виде. Симоронцы условились считать такую материализацию подтверждением качественной работы с сигналом.

Глава 6. Из мира фауны.

О насекомых.

Каждой весной, едва начинало припекать солнышко и деревья облачались в белое покрывало цветов, наша квартира подвергалась яростным атакам комаров. В жаркое время балконная дверь в комнату открывается настежь. И вечером стаи кровососов слетались на пирушку. К полуночи жужжание неумолимо нарастало. Крылатые создания облепляли стены, потолок, кружили по всему помещению. Самые нетерпеливые пикировали на потенциальную жертву, рискуя быть размазанными. Но большинство ожидало благоприятного часа, когда огромные, неуклюжие резервуары с драгоценной алой жидкостью улягутся в постель. Каждая ночь превращалась для нас с женой в тяжелую пытку. Комары назойливо гудели над ухом, то и дело впивая в кожу острые жала.

Стоило задремать, как звонкий шлепок прогонял сон. Попытки укрыться с головой были бесплодны, так как становилось нечем дышать. Воспаленный мозг сверлила одна-единственная мысль: когда закончатся эти мучения? Битва в темноте продолжалась до четырех-пяти часов утра, и, вконец обессилив, мы засыпали. Наутро вставали вялые и невыспавшиеся, обнаруживая на подушке кровавые следы.

Были задействованы разные способы защиты. Перед сном я устраивал настоящую охоту, с газетой в руках уничтожая комаров на потолке и на стенах. Жена возмущалась моей неаккуратностью: «Комаров надо убирать тряпочкой, а не шлепать со всей дури!» Последствия охоты приходилось затирать побелкой. Но на смену истребленным насекомым моментально прибывали новые эскадрильи.

Мы пробовали закрывать дверь на балкон и, обливаясь потом, терпеливо переносили духоту. Но и эти старания были напрасны — стоило выключить свет, приоткрыть дверь и забраться под простыню, как ненасытные летуны заполняли пространство. Теща повесила марлевую занавеску, и все равно комары просачивались сквозь какие-то незаметные щелочки. Мы пробовали натираться перед сном пахучим вьетнамским бальзамом «Золотая звезда», от которого кожа горела огнем.

Исчерпав все доступные методы, я вспомнил о Симороне. Поблагодарил комаров за предупреждение о возможном полном истощении от бессонных ночей и сплясал танец. Во время танца возник образ Царицы Комарихи в декольтированном платье. На длинном зазубренном носу блестело пенсне, в мохнатых лапках мелькали спицы. Восседала Комариха на бамбуковом троне, а по бокам стояли слуги в бархатных ливреях и специальной жидкостью полировали ей крылья. Царица выглядела очень довольной. Танец завершился мантрой **ЛАБРИГОТ**.

Вечером, улегшись спать, я снова услышал знакомое жужжание. Закопошились сомнения: неужели не получилось? Успокоив себя тем, что верховный указ Комарихи не дошел до широких народных масс, я стал твердить мантру и представлять Царицу во всей красе. Первые две недели ощутимых сдвигов не чувствовалось. Однако отступать было некуда, и я продолжал работать с мантрой и образом.

Сон приходил быстрее, и с каждым разом комаров становилось все меньше. Скоро они исчезли окончательно, лишь изредка залетал заблудившийся комарик. Практически все лето комаров не было. Следующие два года прошли под покровительством Царицы Комарихи. Иногда, чтобы проверить мою бдительность, прилетал одинокий гонец-камикадзе. Наткнувшись на неизменный **ЛАБРИГОТ**, он улетал восвояси или погибал смертью храбрых при исполнении служебного долга.

Набравшись наглости, я задумал разобраться и с тараканами, которые давно и основательно оккупировали квартиру. Стоило выйти ночью на кухню, как толпы рыжих усатых паразитов разбегались по столу, раковине, линолеуму. А некоторые заматеревшие тараканища, не пугаясь нашего присутствия, разгуливали по комнате, неспешно волоча набитое брюхо. Ничто не брало нахальных усачей: ни тараканы ловушки, ни яичные желтки, пропитанные борной кислотой, ни китайские карандаши. Не действовала и ядовитая жидкость, добытая где-то тещей и разъедающая даже пластмассу.

Воодушевленный великим переселением комариного народа, я ограничился одним благодарением. Полчища тараканов предупреждали о том, что они могут угрожающе расплодиться. Все: одежда, посуда, пища — может быть усеяно тараканами, и нам придется спасаться бегством.

Поневоле вспомнился пикантный эпизод из бурной студенческой юности. Около четырех часов ночи я был разбужен судорожным стуком в дверь моей комнаты в общежитии. На пороге стоял Димка — закадычный друг, однокашник и неизменный собутыльник. Он мотал лысоватой головой и взывал к милосердию. Димка проснулся от ужасного грохота в ухе — туда залез таракан. Покопавшись в пакете с лекарствами, я отыскал одноразовые шприцы и закачал приятелю в ухо изрядный объем воды. Усатый зверюга затих, а наутро врач извлек утолщенного из Димкиного уха.

Поблагодарив тараканью орду, я подарил ей душевное равновесие в виде нескольких спелых кукурузных початков, установленных шалашиком. Кукурузные зерна осыпались, и их внутри шалашика склевывал толстенный снегирь с ярко-красной грудкой.

Отныне, увидев очередного таракана, я смотрел воображаемый кинофильм “Дитё кукурузы”. Откровенно говоря, тараканы меня не очень раздражали, и особого внимания я им не уделял. Процесс их исчезновения прошел незаметно. Однажды я понял, что насекомые давненько не попадались на глаза. На всякий случай спросил жену, и она подтвердила, что тараканы пропали.

Около года они не посещали наши края. А потом совершили несколько робких групповых попыток покушения на жилплощадь. Я спохватился и возобновил работу с кукурузным шалашом и снегирем, и с тех пор тараканов в квартире нет. Отдельные крупные экземпляры время от времени забредают на запретную территорию, но я немедленно делаю им ПВБ, обращаюсь к любимой одним из вождей зерновой культуре, и они дематериализуются.

Нынешним летом пришлось опять ПВБекнуть. На двери подъезда висело объявление:

«По просьбе жильцов дома в ближайшее время будет проводиться санитарная обработка с целью уничтожения тараканов. Исключительно в квартирах желающих и за определенную плату. Рекомендуем проявить активность во избежание миграций насекомых в соседние квартиры. Граждане! Ударим дружной травлей по тараканам!»

Прочитав творение неизвестного гения, я произнес ПВБ, и ни единого эмигранта на нашей территории обнаружено не было.

А вот аналогичный рассказ Папы.

— Несколько лет назад нас замучили комары. Зима, на улице 20 градусов мороза, а тут не можешь заснуть от комариного писка. Каждый вечер я отлавливал комаров пылесосом. Но все равно они ночью просачивались в квартиру. А если проснешься посреди ночи, то уже заснуть нелегко — мешает надоедливый комариный писк, легко различимый даже из-под одеяла. Утром невозможно было заниматься йогой. Стоило принять статичную асану, как пищащая эскадрилья устремлялась на меня. Наконец, терпение лопнуло, и я вспомнил о Симороне. Сначала поблагодарил комаров.

— Я благодарю вас, уважаемые комары, за предупреждение о том, что до самой смерти я буду вынужден засыпать под ваше назойливое пение, и мне нигде не удастся от вас скрыться.

Затем комарам был посвящен танец и получена мантра. Комары быстро исчезли. Эта история имела продолжение. Я живу на первом этаже. У нас в подвале все время были огромные вонючие лужи, так как водопроводчики сливали воду из системы отопления прямо в подвал. Я спросил знакомого слесаря, можно ли что-нибудь предпринять, чтобы лужи исчезли? Он ответил, что ничего нельзя сделать — при строительстве дома были допущены серьезные ошибки.

Через полгода у меня на кухне потек кран, и я вызвал слесаря. Он появился поздно вечером, потому что менял в подвале трубы. Пока он чинил кран, я поинтересовался, как они работают в подвале при наличии огромных луж. Слесарь ответил, что луж нет и в помине — он прочистил засорившиеся стоки.

Таким образом, работая с комарами, размножавшимися в этих лужах, я одновременно работал с самими лужами, специально не задумываясь об этом. Такое часто бывает во время симоронской работы.

Рябиновские любители свеколки.

Есть в Подмосковье дачный поселок — Рябиновка. Издавна славилась она небывалыми урожаями свеклы, моркови, огурцов и прочих овощных культур. Но случилась беда — посадки были атакованы полчищами серых вредителей — мышей. И местные садоводы, огородники, селекционеры-любители и мичуринцы в лице Анны воззвали к Симорону. Аня работала вместе с

моей женой и неоднократно подбрасывала различные заказы. Я не удивился, услышав от нее знакомый вопрос: “Вадь, ты мне не симорнешь?”

Оказывается, мыши уже не первый год “помогают” Ане в сборе урожая, а прошлым летом коварные грызуны неимоверно расплодились и буквально опустошили ее плантации. Особенно по вкусу пришлась им Анина свеклка, и весь урожай сладкого корнеплода отправился в мышиные желудки. Морковке тоже был нанесен большой урон. Не побрезговали мыши и огурчиками. Грядки были изрыты подземными ходами, и повсюду образовались ямы.

Анна испробовала все известные ей методы борьбы. В Институте Садоводства ей удалось добыть новейший импортный препарат. Но вонючая заморская жидкость оказалась слабовата для рябиновских норушек. Засыпание нафталина в мышиные катакомбы также не возымело ожидаемого эффекта. В похожей ситуации очутились и другие рябиновские дачники. Перед началом очередного дачного сезона Аня надумала прибегнуть к помощи Симорона.

Для начала я поблагодарил Анечку за сообщение о возможном массовом опустошении российских полей и огородов. Что если договориться с мышиным королем? — пришло в голову. Хаотичные цветочные пятна на трэке быстро собрались в конкретный образ. Мышиный король имел солидный вид: блестящая лысина, закрученные вверх усы и необъятный живот, свисающий до земли. Из кармана жилетки выглядывали часы “Павел Бурэ” на массивной золотой цепочке. Пыхтя и отдуваясь, король едва переставлял лапы. Я подарил императору объемистую тачку, в которую тот незамедлительно погрузил живот и с достоинством покатил ее. Однако какой-то изюминки не хватало. И тут монарх негромко замурлыкал хит сезона: “Ты скажи, ты скажи, чё те надо, чё надо. Может дам, может дам, чё ты хошь...” Я понял, что переговоры на высшем уровне завершились успешно. Описав Ане облик короля мышей, я поручил воспроизводить его, сопровождая незатейливой песенкой.

В самый разгар лета я вновь встретил Аню. Она не преминула похвастаться, что мышей нет и в помине. На дачном участке полный порядок, и ожидается плодоовощное изобилие. А в огороде объявился грозный сторож. Несколько раз на грядках со свеклой Аня замечала толстого ужа, который лениво нежился на солнышке. Более того, мыши исчезли во всем поселке, и рябиновские труженики полей и огородов вздохнули свободно. Осенью Анна собрала обильный урожай и притащила нам целую сумку отборной сахаристой свеклы.

Глава 7. Симоронцы и бюрократы.

Малиновый пиджак.

Холодным мартовским вечером порог квартиры переступила молодая симпатичная барышня, явно чем-то удрученная. Марина узнала о добрых волшебниках — симоронцах и обратилась ко мне за помощью. Ситуация, в которой она очутилась, казалась Марине безвыходной, и та надеялась лишь на чудо. Сбивчиво и торопливо начала она печальный рассказ.

— Я работаю бухгалтером в одной фирме. Директор (назовем его Борисовичем) постоянно придирается ко мне, буквально по любому поводу. Раньше он был сотрудником КГБ и перенес на новое место стиль и дух старой работы. Стоит на пять минут отлучиться, директор уже поджидает меня, чтобы наброситься с руганью и упреками: «Где ты шляешься?! Ты на работе находишься или на бабских посиделках? Распустили молодежь! Жаль, времена нынче не те, а то бы ты у меня по струнке ходила!»

Из опаздывающих на работу он замечает именно меня. Если я ушла с работы во время обеденного перерыва, так Борисовичу обязательно потребуется Марина — или в банк съездить, или деньги заплатить, или что-то еще. Однажды я приехала из банка и опоздала на десять минут, в руке у меня была большая сумка. Борисович устроил настоящий скандал, крича, что я обошла все магазины.

В общем, я его боюсь, установить с ним контакт никак не получается, и работа не ладится. Я стараюсь, выполняю все, что требуется, лезу из кожи вон, а в ответ — сплошные упреки и обвинения. Борисович вообще-то ко всем придирается, но мне просто прохода не дает. Директор старается “заткнуть мной все дыры”. А теперь собирается отправить меня в командировку в Урюпинск, несмотря на то что я не очень хорошо разбираюсь в делах фирмы.

Дома я с ужасом ожидаю, что завтра — опять на работу, и опять будет то же самое. У меня коленки дрожат от одной мысли, что Борисович опять ко мне подойдет и будет орать.

Ситуация, в которой оказалась Марина, называется в Симороне вихревой. Она стала почти неуправляемой, и Марину несет, как щепку в водовороте.

Марина выразила благодарность шефу, ибо он своими действиями предупреждал о гораздо больших неприятностях, которые могут с ней случиться, если она не изменит отношения к происходящему. Например, представлялись вполне вероятными следующие варианты: вследствие беспрестанной дрожи в коленках — развитие подпрыгивающей походки, как у Чарли Чаплина; вследствие бесконечных страхов — появление санитаров и отдых где-нибудь на Канатчиковой даче; вследствие повышенного слезоизвержения — потребность в чемодане с носовыми платками. После столь “оптимистичного” монолога наша героиня повеселела.

Я предложил Марине переименовать директора. До сего момента она называла Борисовича: “тот, который все время придирается к Марине”. Чтобы изменить ситуацию, надо дать ему другое имя, более позитивное. Своим поведением Борисович отбирал у Марины душевный комфорт, значит, он сам нуждался в нем. Как выдать ему этот комфорт, не жертвуя собственным? Один из вариантов поиска решения — вспомнить момент, когда у директора было достаточно душевного комфорта и он делился им с окружающими. И тогда можно будет утвердить его в другом качестве, дав новое имя. В Симороне подобную стратегию переименования называют поиском симоронского следа.

Припомнить конкретный эпизод, в котором Борисович щедро дарил другим радость и душевный комфорт, для Марины оказалось очень непросто. Словно светофильтр, пропускающий излучение определенного цвета, она сформировала образ начальника как мрачного и агрессивного человека, и ей пришлось долго копаться в памяти. Наконец Марина вспомнила случай, когда Борисович поступил, как настоящий джентльмен, и лицо ее сразу расплылось в широкой улыбке.

Директор обычно носил одежду “мрачных” цветов — черные или серые костюмы, водолазки. И настроение — под стать, такое же мрачное. А один раз пришел Борисович в пиджаке ярко-малинового цвета. По словам Марины: “Пиджак, действительно, был ему к лицу. Я заметила, что непривычное одеяние очень нравилось директору, и он казался себе чрезвычайно благосклонным”. Самое удивительное, что и настроение шефа было праздничным, он просто излучал радость. А когда Борисович вошел в комнату, где сидела Марина и другие сотрудницы, приветливо поздоровался, улыбнулся и отпустил приятные комплименты дамам, то в помещении несколько секунд стояла мертвая тишина. Это была сенсация!

Сомнений не было — вот он, симоронский след. Новое имя напрашивалось само собой: **“Я тот, который делает комплименты в малиновом пиджаке”**. Марина предпочла сокращенное имя: **“Я тот, который в малиновом пиджаке”**. Отныне ей предстояло по мере надобности пропечатывать это имя, раздувая найденную светлую искорку.

Вот повествование Марины о дальнейшем развитии событий.

— Я пропечатывала симоронское имя каждое утро, пока ехала на работу. Если Борисович придирался ко мне или только собирался это сделать, я вспоминала, что он — **“тот, который в малиновом пиджаке”**. Директору это, видимо, нравилось, он сразу стихал и не проявлял агрессии. Однажды я зашла к нему в кабинет подписывать какие-то бумаги, твердя про себя о малиновом пиджаке, и Борисович это моментально почувствовал. Раньше или наорал бы, или подписал, не поднимая головы. А тут поднял голову, улыбнулся и спросил: “Как дела? Как ты себя чувствуешь? Все ли нравится на работе? Никто не обижает?” Ничего подобного я от него никогда не слышала. С этого момента наши взаимоотношения улучшались с каждым днем, и вскоре я перестала бояться директора. Другие сотрудники также заметили, что Борисович подобрел и стал более приветлив с ними.

Однако от командировки в Урюпинск, где находилась головная организация фирмы, Марине уклониться не удалось. Шеф заявил: “Съездишь, оставишь бумажки и вернешься назад”. Но в действительности поездка обещала быть очень трудной. Марина знала, что бухгалтерский отчет, предназначенный для урюпинцев, составлен небрежно, с большим количеством ошибок. Шансов сдать его почти не было. Кроме того, в Урюпинске до сих пор не назначили сотрудника, ответственного за работу с этим документом. Другими словами, принимать отчет там никто и не собирался. Марина была самой молодой в бухгалтерской группе, поэтому на нее и свалили “почетную” Урюпинскую миссию. Опасения, что в Урюпинске ее просто отфутболят, и поездка

завершится плачевно, были вполне обоснованны. Марина попросила меня поработать с этой проблемой.

Мы воспользовались переименованием на ЯСном. Это оригинальная симоронская техника, используемая для наиболее сильных вихревых сигналов. Марина имела возможность наблюдать эксцентричный спонтанный танец, завершившийся изящным взмахом руки и мантрой, которую перенести на бумагу вряд ли возможно. Мантра эта скорее напоминает неприличный звук, как будто кто-то громко пукнул. “Вооружившись” мантрой, Марина и отбыла в Урюпинск.

Каково же было удивление Марины, когда в Урюпинском аэропорту ее поджидал сверкающий новенький “Мерседес”, принадлежащий не кому-нибудь, а главному бухгалтеру фирмы! На этой “скромной” автомашине Марину каждое утро встречали у гостиницы, а поздно вечером доставляли обратно (приходилось засиживаться допоздна). Марину поселили в шикарном номере лучшей гостиницы города, а утром ее поджидал изысканный завтрак в ресторане.

Вновь предоставим слово Марине.

— Я впервые выполняла такую ответственную работу, да и отчет был крайне запутанным. Поэтому вначале у меня ничего не получалось. Урюпинский главбух очень напоминала Борисовича до переименования, она ежедневно кричала на всех и устраивала разгоны. И эта “гроза фирмы” сидела со мной до девяти или десяти часов вечера и помогала делать отчет. С мантрой я не расставалась. Надежда Алексеевна, конечно, критиковала меня, но относилась с сочувствием — показывала и объясняла то, что непонятно. Она вспоминала себя в молодости, говоря, что у нее были похожие трудности. Все вокруг удивлялись: “Что с нашей Алексеевной? Чего она так прикипела к этой девчонке?” Напрасно я боялась, что со мной никто не будет заниматься, или “завернут” отчет и отправят назад, или даже уволят с работы. Отчет я сдала, мне купили обратный билет, а перед отъездом устроили проводы в престижном ресторане города.

Узнав о результатах поездки, Борисович пришел в восторг и сразу отправился к генеральному с просьбой назначить меня главным бухгалтером на вакантное место. Тот возразил: “Это все хорошо, но на такую ответственную работу ей рановато. Она — девушка молодая, мало ли что ей взбредет в голову”. “Малиновый пиджак” горячо вступился за меня (чего с ним никогда не бывало). Он сказал, что работает со мной уже два года, хорошо меня знает и считает, что я — человек надежный, и на эту работу гоюсь. Генеральный сдался и подписал приказ о назначении меня на должность главного бухгалтера. Между прочим, Алексеевна тоже порекомендовала меня.

Со времени описываемых событий прошло два года. Марине приходилось неоднократно бывать в Урюпинске, и грозный главбух до сих пор считает ее одним из лучших работников фирмы. Остается добавить, что в дальнейшем Марина была очень довольна отношениями с Борисовичем. А когда “малиновый пиджак” сменил место работы, то объявил, что завсегда будет рад, если она надумает перейти к нему. Недавно он позвонил и поздравил с праздником 8 Марта весь женский коллектив и персонально Марину.

С грозной стражей подружиться.

Описанные ниже события происходили в упоминавшемся ранее поселке Некрасовка (см. “Повесть о маленьком Будде”). Некоторое время я периодически приезжал в местную больницу. Охранник в черной форме на проходной, как правило, мельком бросал взгляд на предъявляемый мной временный пропуск, и я спокойно и деловито шествовал мимо.

Однажды меня остановил пожилой охранник, похоже, старой закалки. Он долго изучал пропуск, словно собираясь выучить бумажку наизусть. Недружелюбный, исподлобья, взгляд его говорил: “Шляются тут всякие. Знаю я вас, так и норовите бомбу подложить во вверенном мне учреждении”. Удостоверившись в подлинности документа, он с сожалением вернул бумагу. Казалось бы, непримечательный эпизод, однако мое передвижение было прервано непредвиденной задержкой. На слабый предупредительный сигнал я не отреагировал, и спустя несколько дней он предстал под другой личиной.

В этот раз на проходной меня затормозил молодой парень с непроницаемым лицом. Он взял пропуск, тщательно сверил печать, подпись, посмотрел бумажку на свет. Затем открыл какую-то амбарную книгу, наверно журнал регистрации временных пропусков, и несколько минут листал ее. В журнале моей фамилии не значилось. Охранник, подозрительно глядя на меня, засыпал градом вопросов:

— Кто вы такой? Какова цель вашего визита? К кому и куда вы идете? Кто выписал пропуск? Почему через три дня пропуск истекает?

Пытаясь сохранить невозмутимое лицо, я отвечал, что являюсь доктором, следуя в такой-то корпус, в такое-то отделение для работы с редким пациентом, чей случай представляет необычайный интерес для мировой науки. Мои ответы не удовлетворили ревностного блюстителя порядка, и с выражением лица, не предвещающим ничего хорошего, он поднял трубку телефонного аппарата.

Ожидая вышестоящее начальство, я произнес про себя благодарственный монолог. Охранник своими действиями предупреждал, что передо мной могут закрыться двери всех общественных мест. Не успел я нарисовать образ подарка, как на пороге появилась строгая бабуля в роговых очках. Охранник вскочил, передал ей пропуск и изложил подозрения.

Начальница оказалась на редкость импульсивной и разговорчивой. Она отозвала меня в сторонку и, бурно жестикулируя, громким визгливым голосом начала политинформацию. Речь шла о том, что “мафия запустила щупальца во все уголки страны, возросла возможность террористических актов. И в это тревожное время отдельные несознательные элементы стремятся проникнуть на территорию больницы обманным путем”.

“Бабулю надо переименовывать, причем срочно. Промедление смерти подобно”, — подумал я. Вещала она безостановочно, не давая вставить словечка. Я уже собрался работать через трэк, как вдруг в яростном монологе бабули обнаружился симоронский след.

— Несмотря на сложную политическую, экономическую и социальную обстановку в России, вверенная мне служба охраны бдительно несет боевое дежурство. Здесь зверь не проскочит, птица не пролетит. Защита рубежей нашего учреждения — в надежных руках.

Все, имя готово: **“Я та, которая бдительно несет боевое дежурство”**.

Суровая бабуля продолжала живописать четкую организацию охраны объекта, а я понимающе кивал головой, повторяя найденное имя, и с облегчением услышал, что громкость и тон ее голоса заметно понизились. Наступила короткая пауза, и я выразил восхищение тем, насколько совершенно поставлено обеспечение безопасности больницы. Тем самым я подтвердил начальнице ее симоронское имя.

Беседа потекла ровно, даже с взаимной симпатией. Инцидент был забыт, и, и расстались мы почти друзьями. Разомлевшая стражница вспомнила, что ее ждут неотложные дела, протянула мой пропуск и энергично направилась к выходу, навстречу новым боевым свершениям. Я двинулся к больничному корпусу, шурша опавшими листьями и негромко напевая: “Наша служба и опасна, и трудна...” Излишне говорить, что после этой встречи я проходил в больницу свободно и без всяких задержек.

На следующий день произошло любопытное происшествие, напомнившее о недоразумении с охраной. Вечером я возвращался с занятия по Симорону и купить билет на электричку не успел. В вагоне я обратил внимание на строгого мужчину в черном, стоявшего у дверей и чем-то похожего на охранника в больнице. “Уж не контролер ли?” — возникла догадка. Я успокоил себя тем, что после девяти вечера билеты обычно не проверяют, и симоронить не стал.

“Расплата” за пропущенный сигнал наступила спустя десять минут, когда в полупустой вагон с двух сторон вошли контролеры. Они неумолимо приближались, и соседка по несчастью, пышногрудая барышня, приготовила десятитысячную купюру. Вроде бы трепыхаться бессмысленно, но я все-таки отблагодарил контролеров и подарил им спокойствие, которое поместил в чашечку с арбузным соком, покрытую лиловой глазурью с белыми горошинами.

Покамест один из ревизоров выписывал моей соседке квитанцию на штраф, я “держал” чашку перед собой, наблюдая за дрейфующими арбузными семечками. Господин в форме железнодорожника обратился ко мне. Последняя надежда рухнула, и я извлек банкноту в 50 тысяч. Контролер, порывшись в портмоне, протянул: “А можно без сдачи?” Мелких денег у меня с собой не оказалось. Возникла заминка, и контролер отправился к напарнику, который в нескольких шагах от нас препирался с упрямым безбилетником.

Я с любопытством наблюдал за неожиданным поворотом событий, одновременно созерцая на трэке чашечку. У второго контролера сдачи тоже не было, и, оштрафовав упорного “зайца”, оба проверяющих бочком засеменили к выходу. В мою сторону они даже не посмотрели. Пятидесятитысячная бумажка перекочевала обратно в карман. Интеллигентного вида мужчина, сидевший возле погрустневшей барышни с роскошным бюстом, широко улыбнулся, посмотрев на меня: “Везет же людям!”

Поскольку речь зашла о контролерах и безбилетниках, кратко поделюсь богатым опытом в этой области, да не осудит меня высоконравственный читатель! Симорон не раз выручал меня в ситуациях, когда казалось, что штраф неизбежен. Иногда бывало, что контролер просто проходил мимо, как будто не замечая меня.

Особенно я поразился, когда подобное произошло впервые. Помню трэковское имя, которое я дал горластой контролерше: **“Я та, которая чешет подмышку алмазным когтем”**. Пассажиров в электричке было немного, и для меня навсегда осталось загадкой, почему бдительная тетка не спросила мой билет. Потом схожие сценки с “шапкой-невидимкой” случались и в автобусах. Чаще всего появление контролеров завершалось более прозаическим способом, например я оплачивал стоимость проезда, или отдавал сумму, немного превышающую цену билета. А недавно Симорон Степаныч наградил меня медалью, которая дает право на бесплатный проезд в городском наземном транспорте. Этот рассказ войдет в следующую книгу.

Впрочем, в последнее время я этим не злоупотребляю и оплачиваю проезд.

Торжественный парад.

После окончания курсов массажа я поехал в учебный центр за дипломом. Секретарь центра сообщила, что диплом готов, необходимо только подписать его у директора. Оказалось, что он уехал обедать и появится через час.

Выразив директору благодарность за предупреждение о том, что он вообще может не появиться, я отправил ему эмоциональное равновесие в виде рыжего капустного листа, усеянного мелкими дырочками в форме сердечка.

Затем я немного прогулялся, полакомился мороженым и вернулся в здание. Я полагал, что директор на месте, ведь сигнал отблагодарен, но ошибся. Я устроился в приемной с книгой в руках, периодически посылая дырявые капустные листы. Директор появился по окончании обеденного перерыва, как и было обещано секретарем.

Получив внушительного вида красные корочки с тисненым двуглавым орлом, я вышел на улицу в недоумении: почему пришлось ждать, почему не сработал Симорон?! Размышляя о причине задержки, я не заметил, как очутился на широком проспекте, ведущем к метро. Здесь и случилось то, что заставило меня замереть на месте, с отвисшей челюстью и слегка идиотским видом.

Движение транспорта на проспекте было перекрыто. Грянула бравурная музыка, и навстречу мне двинулась в торжественном марше колонна войск, возглавляемая оркестром. Блестели на солнце трубы, вздымались в воздух расшитые золотом знамена, колыхались белоснежные аксельбанты, сверкали обнаженные клинки. Бойцы в парадных мундирах и начищенных до ослепительного сияния сапогах, чеканя шаг, стройными рядами проходили мимо. Они держали равнение как раз на меня, застывшего с разинутым ртом. Постепенно до меня дошло, что лукавый Степаныч подстроил все так, будто торжественный парад войск устроен в честь вручения мне диплома массажиста.

Вокруг стали собираться зеваки, и мне пришлось вернуть нижнюю челюсть в надлежащую ей позицию и придать физиономии более осмысленное выражение. Конечно, скептик может заявить, что это была репетиция перед военным парадом на День Победы. Но у меня в тот момент в голове крутилось одно: “Ну, Степаныч, учудил!” Ради этого зрелища стоило часок посидеть в ожидании директора. Постояв на тротуаре, пока вся колонна не промаршировала мимо, я двинулся к метро в приподнятом праздничном настроении. Такие сюрпризы устраивает неистощимый на выдумки Симорон.

Глава 8. Карета подана!

Экспресс для запоздалых пассажиров.

Отношения симоронавтов с общественным транспортом складываются самым благоприятным образом — они перестают торчать на остановках, попадать в очереди и пробки. Это простой и очевидный способ убедиться в эффективности Симорона.

Поздним весенним вечером я ехал домой. Выйдя из метро “Царицыно” к автобусной остановке, я с некоторой грустью отметил несколько одиноких фигур. Время приближалось к полуночи, и мой

прошлый опыт подсказывал, что автобуса придется ждать долго. Зябкий ветерок взъерошил волосы и взлохматил бороду. Оставалась одна надежда — на Симорон. Скептик внутри меня истошно завопил:

— Какой к черту Симорон! Откуда здесь в это время возьмется автобус? Или, может быть, тебе вертолет подать?

Но волшебник во мне одержал верх и завел старую испытанную шарманку:

— Я благодарю тебя, Ванечка, за предупреждение, что, в случае моего бездействия, ожидание автобуса может затянуться до утра, и, продрогнув до костей, я буду вынужден топтать домой пешком. Я дарю тебе эмоциональное равновесие в виде темного силуэта всадника в развевающейся бурке, стремительно несущегося по холмистой ковыльной степи.

Скептик продолжал гнусавить что-то типа студенческой мудрости: “Сколько график не штрихуй, все равно получишь... двойку!” Но всадник упорно скакал по серебристым холмам. Внутренний диалог длился не более трех минут, и свершилось чудо! Из-за угла вырулил красавец-автобус “Мерседес” с табличкой на лобовом стекле “Экспресс м.Царицыно–платф.Бирюлево”. Никаких экспрессов на этом маршруте я прежде не видел, а автобусы “Мерседес” тогда были редкостью на улицах Москвы. Неудивительно, что случившееся повергло меня в состояние легкого шока. Первой мыслью было: “А не сон ли это?” И когда я сидел в теплом уютном салоне автобуса, мягко и бесшумно скользящего по ночным улицам, у меня было время поразмыслить над изобретательностью Степаныча.

Кущее человеческое сознание ограничивает возможные пути решения проблемы. Происшедшее наглядно показывает непредсказуемость симоронской работы. Имеется в виду, что прогнозировать заранее результат симоронской акции невозможно, но всегда можно быть уверенным, что этот результат наиболее благоприятен для всех участников конкретной ситуации.

Заблудившийся в Люберцах.

Сия история является типичным примером сигнального вихря, выбраться из которого, по мере его усиления, становится все труднее.

В один из пасмурных ноябрьских дней я собирался в очередной раз поехать в больницу к Шурику. Встреча была назначена на два часа дня. Дорога от моего дома до подмосковного поселка Некрасовка занимает много времени, и обыкновенно я выходил из дома в 12 часов. В тот день я задержался, увлекшись чтением захватывающей книги Р.Желязны “Хроники Амбера”, и когда бросил взгляд на часы, было 12.15. Мелькнуло чувство досады, что могу опоздать на встречу. Это был первый замеченный мною тревожный сигнал. Я не придал ему значения: “Подумаешь, наверстаю упущенное время по дороге”. Если бы я отблагодарил сигнал, то смог бы избежать последующих затруднений.

Когда я вышел из метро “Выхино” и двинулся к остановке автобусов и маршрутных такси, дорогу мне преградила плотная толпа. Подобного скопления народа на этой остановке раньше я не видывал. Это был второй сигнал, и не заметить его было трудно. Мне пришлось в буквальном смысле протискиваться сквозь препятствие. Желанная маршрутка “стояла под парами”, и в ней оставалось всего одно свободное место. Я торопливо забрался в маршрутку и, довольный собой, облегченно вздохнул: “Теперь успею к назначенному часу”. Я и не подозревал, что угодил в ловушку, поставленную самим собой.

Впопыхах, захваченный стремлением приехать вовремя, я даже не удосужился узнать номер маршрутки. Преграда на моем пути в виде небывалого скопления людей предупреждала: “Притормози! Ты сбился с верного курса, и впереди могут поджидать большие трудности”. Отблагодарив возникшее препятствие, я бы прочистил запечатанную дырочку на фильтре первого экрана — собственной личности. Тогда бы я догадался глянуть на лобовое стекло “РАФика” или спросил бы номер маршрута у пассажиров.

Пока я беззаботно глазел в окно, маршрутка свернула с трассы в “неположенном” месте и заколесила по улицам города Люберцы. Я понял, что “сел не в свои сани”, и беспокойно заерзал на сиденьи. Выходить в незнакомом месте не хотелось, и я надеялся, что маршрутка сделает крюк и вернется на трассу. Но мы все больше отклонялись в сторону, и вскоре я потерял ориентацию. Наконец терпение иссякло, и я выскочил на каком-то пустыре. Поблизости сиротливо возвышалось несколько многоэтажек, и ни одной машины не проносилось мимо. На часах — без пяти минут два.

“Вот это влип! Придется симоронить”, — с тоской подумал я. Поблагодарил Ванечку за предупреждение, что могу заночевать на пустыре. Запаковал душевное равновесие для Вани в яркую обертку — чайник из голубой резины, с пультом дистанционного управления. После изготовления подарка ситуация показалась мне смешной: “Опять заигрался! В который раз попался на удочку, отмахнувшись от череды сигналов”.

Из-за поворота вынырнул “Жигуленок”, и я поднял руку. Услышав названную цену, я кивнул и быстро забрался в салон. Такса оказалась в четыре раза меньше той, на которую я рассчитывал. Минут за семь мы домчались до больницы, опоздал я всего на десять минут и пришел одновременно с Шуриком. Я привел ему метафору об усилении безобидного сигнала до такой степени, что пришлось платить “штраф”. С помощью благодарения удалось выйти из вихревой ситуации с наименьшими потерями. Но на этом история не закончилась.

Вечером, выйдя на площадь перед больницей, я увидел пустое маршрутное такси. Водитель тщательно протирал забрызганное ветровое стекло. Я уселся в кабину, на место штурмана. Когда мы тронулись, водитель спросил меня, будто старого знакомого:

— Как думаешь, наберу сегодня нужную сумму? Что-то на обратном рейсе мало народу садится.

Я замечал, что от Некрасовки до Выхино микроавтобус ходит наполовину пустой. Чтобы укрепить уверенность “шефа”, бодро ответил:

— Конечно, наберем! О чем разговор. — И подумал: «Неспроста от водителя маршрутки поступил подобный запрос. Видимо, я не до конца разобрался с вихрем, в который угодил сегодня днем, и рядом со мной — новый ревизор. Нет, братец, меня не проведешь!»

В то время, как ревизор крутил баранку и рассказывал о сложностях шоферской работы, я благодарил его за предупреждение о том, что поток пассажиров может истощиться. Маршрутные такси канут в небытие, и добраться до Некрасовки можно будет лишь пешком. Водитель продолжал жаловаться: машины старые, еле бегают, постоянно ломаются, запчастей нет. Ревизор несомненно нуждался в душевном комфорте и уверенности. Удовлетворить его потребности особого труда не составляло — он сам указал симоронский след, когда я садился в машину. Симоронское имя таково: “Я тот, кто заботливо протирает ветровое стекло”.

Переименование не прошло даром, и маршрутка заполнилась пассажирами. Водитель заметно повеселел и начал травить анекдоты. Второй экран продемонстрировал, что моя работа принята. Когда машина остановилась у метро, и я покидал штурманское кресло, “командир корабля”, улыбаясь, пожелал мне счастливого пути. Прошло несколько месяцев, и вместо потрепанных “РАфиков” по всей столице забегали новенькие маршрутные такси. Это были комфортабельные микроавтобусы “ГАЗель” фирмы “Автолайн”. Автор, с присущей ему скромностью, приписывает эту заслугу себе, а точнее Степанычу в себе.

Вези меня, извозчик!

Каждое лето, в период белых ночей, в живописных местах близ Питера проводится российский фестиваль “Радуга”. На него собирается самая разномастная, “отъехавшая” публика. В июне 1995 года слет всяческих чудиков проходил на речушке Ящера. Чтобы туда добраться, необходимо было преодолеть 10 километров по грунтовой дороге от железнодорожной станции Толмачево и пару километров по сосновому бору.

Представьте картину: из электрички вываливается пестрая толпа, увешанная рюкзаками. Путешественники разбиваются на кучки, снимают рюкзаки и некоторое время ожидают попутного транспорта. Через 15-20 минут напрасного ожидания выясняется, что деревня Толмачево не отличается оживленным движением транспорта. Толпа начинает таять, и у железнодорожного переезда остаются трое самых ленивых. Симоронавт вряд ли станет тащить тридцатикилограммовый рюкзак десять километров, если есть хотя бы теоретическая возможность проделать этот путь на машине. Здесь уместно напомнить знаменитую симоронскую поговорку: “Симоронавт своими ногами никуда не ходит!”

К тому моменту Папа и Серега излили благодарность Ванечке, а я воспользовался заранее заготовленной мантрой, обеспечивающей транспорт. Эта мантра работала также на хорошую погоду, встречи с интересными людьми и так далее. Ритуал вызывания деревенского такси выглядел следующим образом: я сложил кисти рук таким манером, что между ними образовался треугольник. Поднес ладони к лицу, просовывая в треугольное отверстие нос и рот, и произнес мантру, более похожую на раскатистое рычание: УРРРР...

Не прошло и трех минут, как возле нас притормозил старенький “Москвич”. Покуда мы грузили рюкзаки, подкатил “Жигуленок”. Цена была более чем сносная, и мы заняли обе машины, прихватив по дороге троих ребятишек. Вскоре остальные “господа туристы”, взмокшие под рюкзаками на тридцатиградусной жаре, провожали недоуменным взглядом обгонявшие их легковушки. Из машин сквозь поднятую пыль проглядывали лукаво улыбающиеся физиономии.

Подожди меня, Родной!

В тот вечер в нашем любимом “Театре на Покровке” давали “Ревизора” — спектакль, который мы с женой давно хотели посмотреть. Двое знакомых обещали ждать нас у входа в театр, приглашение находилось у них, и опаздывать было нельзя. Мы с Ленулей собирались ехать из разных мест и договорились встретиться за сорок минут до начала спектакля на станции метро “Курская-кольцевая”. К месту встречи я опоздал на десять минут и, не увидев жены, начал ее благодарить. Она предупреждала меня о том, что встреча может не состояться, у обоих будет испорчено настроение, наша жизнь может превратиться в нескончаемую ссору, и до конца дней своих мы будем обвинять друг друга:

— А помнишь, ты опоздала в театр!

— Нет, это ты меня не дождался!

Поблагодарив Ленулю, я подарил ей уверенность и эмоциональное равновесие в виде бублика, опускающегося на парашюте из кружевных женских панталон нежно-розового цвета.

Безрезультатно прождав несколько минут, я прошел в конец платформы. У остановки последнего вагона жены также не оказалось. Меня осенила догадка, что она могла перепутать, и ожидает на станции “Курская-радиальная”. Обуреваемый сомнениями, но не отпуская бублик, я бегом отправился туда, но напрасно. А часы неумолимо тикали. Когда я вернулся к назначенному месту, было очевидно, что опоздание неизбежно и выходит за всякие рамки. Я собрался уходить и уже разворачивался к выходу, как реактивный лайнер перед взлетом, но в последний момент меня что-то остановило. Я дождался следующего поезда и заметил знакомую фигуру, неторопливо выходящую из дверей вагона. Не удержавшись, я отпустил в адрес жены несколько выразительных комплиментов по поводу ее расторопности. Сделав невинное лицо, она прибегла к проверенному тактическому ходу: “Нет, а чего ты нервничаешь? Ты же Симорон!” Крыть было нечем, и я выслушал короткий рассказ жены.

Поняв, что опаздывает, она поблагодарила Ванечку за предупреждение о том, что может не попасть на спектакль и все дальнейшие попытки посмотреть у С. Арцибашева “Ревизор” будут безуспешны. Ванечке она подарила спокойствие и эмоциональное равновесие в виде упитанной буренки, пасущейся на лугу. После чего Ленуля, нисколько не переживая по поводу опоздания, доехала до места встречи. И в результате благодарения “что-то” подсказало мне дожждаться очередного поезда.

Вскоре мы были возле театра. Спектакль задержали, а наши друзья стояли у входа и неторопливо пускали клубы сигаретного дыма.

Билеты в “Олимпийский”.

Зима, солнечный морозный день. Я еду в спорткомплекс “Олимпийский” на книжную ярмарку. Захожу в вагон метро, усаживаюсь и достаю книгу. Входит потрепанный, слегка пьяненький бомж. И, бешено вращая глазами, начинает гнусить на весь вагон: “Какая хреновая жизнь пошла. Развалили страну, сволочи. Мне бы автомат, всех бы перестрелял!” Он выпаливает это в лицо молоденькой девушке. Видно, что ей противно его близкое присутствие. (Хотя я был довольно далеко, но почти физически ощутил характерный смрадный запах.) Но девушка боится подать голос, видимо, опасаясь, что он вцепится в нее как клещ. Она побледнела. Времени для раздумий нет ни секунды, и я скороговоркой начинаю благодарить бомжа:

— Благодарю тебя, Вася (так я его назвал), за предупреждение о том, что до самого конца поездки я буду вынужден слушать твои разглагольствования. Мне будет неприятно наблюдать за твоими приставаниями к девушке. Наконец я могу не выдержать и брошусь на тебя с кулаками. И начнется драка, в которой я могу получить фингал.

Благодарением удалось слегка умерить пыл бомжа, но он продолжал что-то гнусавить. На трэке я увидел Васю младенцем и стал кормить его молоком из бутылочки. Лежал этот Вася в памперсах чистенький, сухой, побряхтывал, а я ласково поглаживал его по грудке и животу.

Я стал печатать имя: **“Я тот, который кормит Васю молоком”**.

Тон голоса Васи снизился до нормального, речь стала плавной. Ни с того ни с сего он полез во внутренний карман пальто и достал оттуда ветхое коричневое портмоне. В нем оказалось немного денег и засаленные фотографии. Спустя несколько секунд все узнали, что это Васины родители. Он стал что-то тихонечко рассказывать подвернувшейся бабуле, сел рядом с ней. Та слушала его с нескрываемым интересом, и между ними завязалась оживленная беседа. Затем бабуля вышла. Бомж остался один на освободившейся скамейке. Внезапно из его глаз потекли слезы, и он окончательно затих.

Тут и мне пришло время пересаживаться на другую ветку. Я вышел из вагона и бросил взгляд на часы — без двадцати двенадцать. Значит, приеду в “Олимпийский” примерно в полдень. Раньше (до 1997 года) в это время менялась цена на входные билеты с двух тысяч до одной тысячи, поэтому, минут за десять до смены цены, желающие попасть на ярмарку не покупали билеты, а выстраивались в очередь. Стоять в длиннющей очереди на морозе не хочется. Я поблагодарил Ванечку за то, что он предупредил меня о возможности превращения в сосульку, и подарил ему душевный комфорт в виде слона, чистящего зубы апельсиновой зубной пастой.

Я ехал и размышлял: “Интересно, куда же денется народ?” Издалека увидел две огромные очереди в кассы. По всей вероятности, придется постоять. Рядом женщина в тулупчике и валенках бойко торговала горячими пирожками. Она внимательно осмотрела меня и внезапно сказала:

— Мужик, тебе нужны билеты на ярмарку?

— Конечно, сколько стоит? — не задумываясь, спросил я, предполагая цену, и не ошибся. Цена оказалась две тысячи. К предприимчивой торговке потянулось несколько человек.

В дальнейшем я частенько покупал у нее билеты.

Глава 9. Разное.

Тренинги в Урюпинске.

Меня разыскал Сергей, заинтересовавшийся школой волшебников. Он представился руководителем клуба любителей бега “Попробуй, догони” в городе Урюпинске. В последнее время Сергей занимался не только проведением марафонских забегов, но и организовал духовный клуб. Помещение “Попробуй, догони” было переоборудовано — там открылся маленький магазинчик, в котором Сергей продавал книги, ароматические палочки, шарики, аудио- и видеокассеты — весь стандартный набор, который обыкновенно присутствует в таких заведениях. Кроме того, Сергей устраивал в клубе семинары и тренинги, приглашая специалистов из разных городов. В выходные дни можно было просто прийти в клуб, встретиться с друзьями, побеседовать за чашкой чая о высоких материях.

Сергей пригласил меня провести четырехдневный тренинг по Симорону в Урюпинске, и я согласился. До этого я многодневных тренингов не проводил, хотя на последних двух слетах под Питером и в подмосковной Яхrome устраивал семинары и несколько месяцев вел в Москве симоронскую группу. У меня были аудиокассеты с записью последнего семинара Бурлана и конспекты нескольких старых тренингов. И я подумал, что, основываясь на этих материалах, смогу провести семинар.

До Урюпинска ехать чуть менее суток на поезде. Весь день я слушал кассеты с вдохновенными речами Петра Терентьевича и написал шпаргалку на первый день семинара.

В урочный час я явился на семинар. Зал в Доме Культуры был роскошный: покрытый лаком паркет, ковровые дорожки, пианино, мягкие стулья. К моему удивлению, собралась большая аудитория, которую никому не известный молодой человек может собрать лишь в провинциальном городе. Я слегка оробел, говорил неуверенно, периодически запинаясь и заглядывая в шпаргалку. Наконец одна хмурая дама, похожая на сову, не выдержала и с возмущением заявила, что она пришла сюда не для того, чтобы слушать выступление по бумажке. Я покраснел и в бумажку больше не заглядывал.

[Академия Знакомств [Soblaznenie.Ru] - это практические тренинги знакомства и соблазнения в реальных условиях - от первого взгляда до гармоничных отношений. Это спецоборудование для поднятия уверенности, инструктажа и коррекции в "горячем режиме". Это индивидуальный подход и работа до положительного результата!]

В дальнейшем “сова”, которую звали Нина, несколько раз откровенно провоцировала меня, явно пытаясь сорвать семинар. Во время одного из ее нравоучений о том, как надо бы проводить семинар, я выскочил на трэк и увидел Нину на горном курорте. На середине большой горы, там, где кончается еловый лес, стояло несколько деревянных коттеджей. Светило яркое солнце, отражаемое мириадой крошечных снеговых зеркал. Нина сидела за столиком открытого кафе, с наслаждением отхлебывая ароматный кофе, и нежилась на припекающем солнышке. Все ясно: **“Я тот, который угощает Нину чашечкой горного кофе”**.

Молниеносно пришла спасительная идея организовать несколько игр и медитаций. Симоронские игры очень эффективны. Любопытно наблюдать, как взрослые дяди и тети постепенно становятся похожими на детей. Достаточно одному раскрепоститься, как другие, глядя на него, тоже расслабляются. В конце концов, и в глазах Нины появился азарт, она улыбнулась. На играх я благополучно дотянул до положенного времени, и первый день семинара закончился.

Я поблагодарил Ванечку, который предупреждал, что если я не буду уверен в себе, то меня закидают тухлой капустой. И придется мне, как великому комбинатору, спастись бегством от разъяренных урюпинцев. Ванечке была подарена фиолетовая бутылка Клейна, наполненная на треть жидкостью ртутного цвета. Над горлышком бутылки пульсировал перламутровый эллипс, окруженный нежно-розовым ореолом. Ваня удовлетворенно промурчал мне в ответ.

На второй день Нина, видимо, удовлетворенная горным кофе, не пришла. Я окончательно освоился, и началась спокойная плодотворная работа. Выяснилось, что я достаточно хорошо освоил симоронские техники и мне вовсе не нужны шпаргалки. Я изложил основы благодарения и переименования, и к концу семинара некоторые участники уже рассказали об успешном применении Симорона. В последний день семинара я провел очень красивую медитацию с выходом на трэк, которую в Урюпинске вспоминают до сих пор.

Семинар завершился благополучно. Сергей подарил мне на прощанье деревянную “птицу счастья”, вручил небольшой гонорар, и я отправился восвояси.

Летом на слете под Питером мы с Бородой рассказывали Симорон дня четыре. Слушателей собиралось человек по пятьдесят. Обстановка вдохновляла на “подвиги”. Весь лагерь был захвачен Симороном: со всех сторон слышалось: “ПВБ; я тот, который...”. Чтобы подчеркнуть популярность Симорона, расскажу о Васе.

Когда я в первый день шел купаться на речку, то внезапно услышал громкий детский крик: “Вон Симорон идет!” (Симорон — это моя кличка на слетах). Кричал Вася, белобрысый мальчик лет шести.

Я познакомился с ним на прошлом слете. В тот раз я провел семинар, посвященный благодарению сигналов, и оказалось, что Вася был его слушателем. Видимо, играл рядом, а чуткий детский мозг фиксировал поступающую информацию. В предпоследний день того слета ко мне подошла Таня, Васина мама, с письмом. Мальчик написал послание на имя Симорона Степаныча, в котором просил воздушный шарик. На том слете было много иностранцев. Немка Кони подарила всем детишкам красивые воздушные шарики, а Вася этот шарик благополучно проткнул. Он поблагодарил Ванечку, а для верности написал письмо Симорону. Разумеется, пока Вася спал, Таня положила рядом с ним два воздушных шарика. Теперь читателю понятна реакция Васи, увидевшего меня.

Мы с Васей бросились друг к другу, и я взял его на руки. Поговорили о жизни. Позже Таня мне по секрету рассказала, что Вася обучал детей в детском саду Симорону.

Однажды мы сидели на бревнышках вокруг костра и беседовали о сновидениях. Наташа рассказала, что время от времени ей снится кошмарный сон со сценами сексуального насилия. Мы с Бородой взялись помочь ей разобраться с проблемой, породившей этот сон. Для этого мы попросили Наташу рассказать об отношениях с мужчинами. Наташа начала вспоминать эпизоды своей личной истории. В этот момент мимо проходил Вася, под панамой у которого был бубен. Вася шел и стучал по нему. Когда он увидел меня, то воскликнул: **“Я тот, который стучит по**

бубну". Я попросил у Васи инструмент и предложил Наташе положить его под шляпу. Она ходила по кругу и повторяла: **"Я та, которая стучит по бубну"**.

Покамест Наташа это исполняла, Вася сделал новый заход. Он подошел ко мне и сказал: "Посмотри, что у меня есть". Вася снял сандалики, и в них оказались тоненькие сосновые палочки, которые также были предложены Наталье. Она положила их в кроссовки, продолжая стучать по бубну. А Вася уже подошел с новым изобретением: "Хочешь посмотреть, что у меня?" и оттянул резинку трусиков. Там лежали небольшие толстые палки. Аудитория зашлась дружным гоготом. Палки были торжественно вручены Наташе с соответствующими инструкциями.

На следующий год мы вновь встретили Наташу. Ей не только перестали сниться кошмарные сны, но и в личной жизни произошли позитивные изменения.

За лето я набрался уверенности и опыта в проведении семинаров по Симорону, и когда Сергей снова пригласил меня в Урюпинск, то сомнений в успехе не было.

Я приехал в Урюпинск утром. Семинар начинался в 18.00, и у меня был целый день для подготовки. Позанимавшись часа два, я почувствовал голод. Зашел на кухню, поставил чайник и увидел целлофановый пакет с курагой. Попытался развязать пакет, но не тут-то было — узел оказался крепко затянут. Рука автоматически потянулась к ножу, видимо, сработал стереотип, заложенный в человечество Александром Великим. Стоп! Буквально несколько минут назад я мысленно проигрывал начало семинара, и в голове еще звучало, что "все является моей проекцией, частью меня". Зачем вносить ненужную деструкцию в мир и отрезать пакету "голову"! Я задумал поработать с узлом, а потом привести эту работу на семинаре в качестве примера, и произнес:

— Я благодарю тебя, узел, за предупреждение о том, что ты можешь не развязаться, несмотря на все мои усилия, и что в моей жизни может появиться множество запутанных узлов и ситуаций. Шнурки на моих ботинках могут превратиться в сплошные узлы, и я вынужден буду жить, не снимая ботинок даже на ночь. Мне придется мыться в них, а потом в них долго будет хлюпать вода. И за то, что ты предупредил меня об этом, уважаемый узел, я сердечно тебя благодарю.

Чтобы переименоваться, я попытался воплотиться в узел, стать им, и почувствовал напряжение в теле. Значит, нужно расслабиться. Сейчас явно не помешал бы массаж. Я нежно погладил узел. Мое новое имя звучало так: **"Я тот, который массирует узел"**. После этого я тихонечко потянул запутанные части узла в разные стороны и почувствовал, что он начал медленно развязываться.

Отведав травного чаю с ароматным медом и курагой, я опять стал готовиться к семинару, делая записи. Внезапно шариковая ручка перестала писать. Я уже был настроен на благодарственную волну, и имя нашлось моментально: **"Я тот, который согревает ручку теплом руки"**. Ручка промурчала мне в ответ и начала ровно и мягко писать.

Эти две простые метафоры я использовал на семинаре для иллюстрации идеи переименования.

В первый день тренинга я получил впечатляющий сигнал поддержки. Мне казалось, что первый мой семинар в Урюпинске был слабым. Тем не менее выяснилось, что многие участники семинара сумели разрешить сложные проблемы: кому-то удалось получить квартиры, кто-то стал больше денег зарабатывать, а у кого-то улучшились взаимоотношения с близкими. Многие новоиспеченные волшебники помогли своим друзьям успешно справиться с разными проблемами и тем самым способствовали распространению Симорона.

Следующий день тоже начался удачно. Накануне со своей проблемой обратился Митя — жена ревновала его к "каждому столбу". Митя поблагодарил жену за предупреждение о том, что она может окончательно лишить его свободы: будет водить его за ручку, подписывать ему увольнительные на выход из дома, и в итоге все знакомые будут смеяться над ним. Митина жена была переименована через трэк: **"Я та, которая стреляет из арбалета по воздушным шарикам"**.

Довольно поздно придя домой, Митя с удивлением обнаружил, что жена спит. Раньше она всегда ждала возвращения мужа, чтобы выяснить, где он пропадал. На плите стояла еда, наш герой поел и лег спать. Проснувшись утром, он привычно затаился и прислушался. Вместо

* Замечу, что, вводя эту фразу в компьютер и одновременно слушая "Энигму", я несколько раз услышал relax (расслабься) и потом take a deep rest (расслабься очень глубоко).

ожидаемого ворчания и угроз он услышал, что жена, гремя тарелками на кухне беззаботно напевает песню, следовательно, настроение у нее прекрасное. Самое интересное, что это произошло даже несмотря на то, что Митя напрочь забыл о переименовании жены и ни разу не повторил ее нового имени.

В свой следующий приезд в Урюпинск я узнал, что у Мити больше не было проблем с женой на почве ревности.

Третий день начался с истории, рассказанной Анной. Накануне она купила на базаре сапоги, у которых сразу отвалился каблук. Она занесла их на базар. Продавщицы на месте не оказалось, и Анна отдала их хозяину лотка для замены, оставив свой адрес и предупредив, что зайдет за новой парой. Вечером Анна рвалась раньше времени уйти с семинара, чтобы успеть за сапогами. Я предложил Анне переименоваться, что та и сделала, но легкое беспокойство ее не покинуло. Вернувшись после семинара домой, Анна увидела в прихожей новую пару сапог — продавщица сама их принесла.

Закончу этот рассказ поучительной историей (хотя можно было бы продолжать и продолжать). Когда я объяснял технику переименования с поиском корня, со своей проблемой вышла Тамара. Она вложила все свои сбережения (довольно приличную сумму) в банк, который через некоторое время перестал выдавать деньги. Причем выяснилось, что несколько участников семинара тоже вложили деньги в этот банк.

Сначала Тамара поблагодарила банк за предупреждение о возможности потери денег. Затем я задал вопрос, когда в жизни Тамары случались похожие ситуации. Оказалось, что ее дети заняли у нее деньги на мебель и не отдали. Затем Тамара вспомнила, что сама не отдала денежный долг матери. Наконец, она поняла, что задолжала маме внимание, заботу, душевный комфорт. Последние пять лет жизни матушка была слаба, и Тамара не брала ее на дачу — пришлось бы много времени ухаживать за ней, вместо работы на огороде. Мама шибко огорчалась по этому поводу, так как очень любила проводить лето на даче.

Теперь нужно выдать маме душевный комфорт. Тамара вообразила, что берет ее на дачу. Представилась такая картина: та сидит на крылечке и греется на солнышке, а Тамара несет ей корзиночку свежесобранной клубники. Мама с удовольствием ест клубнику, на ее лице — благодарная улыбка.

Тамара почувствовала, что свалился камень, долго отягощавший ее душу. От радости она не могла сдерживать слез. Раскрасневшаяся и счастливая, она ходила по кругу и повторяла: **“Я та, которая угощает маму клубникой”**, а группа дружным хором подтверждала это имя.

Вскоре я узнал конец истории. Не прошло и месяца, как банк начал выплачивать деньги. Был установлен максимальный предел суммы, выплачиваемой одному лицу. Тамаре удалось получить вдвое большую сумму наличными, а другую часть ей компенсировали УАЗиком и гаражом. За банком осталось совсем немного денег, причем он собирался продолжить погашение долгов.

Этот рассказ отчасти носит демонстрационный характер. В нем показано, каких многообещающих результатов можно достигнуть на тренинге по Симорону при поддержке единомышленников. В системе Симорон коллективной работе отводится большая роль и разработано много эффективных групповых техник. А теперь представьте себе, что творится на занятиях в Киеве, где группы в сотню человек проходят обучение в течение года у самого Бурлана!

Жадность.

Когда Бурлан на семинаре в Москве впервые объяснял технику переименования с поиском корня, то заметил, что с помощью этой техники можно изменить какие-то качества личности. Если я, к примеру, застенчивый, то я нахожу корневой эпизод, когда застенчивость появилась впервые, и переименовываюсь. Прямо на семинаре я замыслил разобраться, почему в моих отношениях с людьми присутствовала корысть и жадность: я часто сравнивал стоимость услуг и подарков, не любил одалживать деньги. Я занырнул в прошлое и сразу нашел корневой эпизод.

Мне около четырех лет. Ясный летний день. Отец забрал меня из детского сада. Наш путь пролегал мимо воинской части. Вдруг за забором я увидел офицерскую фуражку с синим околышем. Отец нашел длинную палку, просунул ее сквозь забор и ловко достал фуражку. Моему ликованию не было предела. Я и до этого круглосуточно играл в солдат, и, по рассказам матери, одним из моих первых слов было “садаты”.

Я все выходные проходил в этой фуражке, маршируя в ней перед зеркалом, и хотел пойти в ней в сад. Видимо, меня убедили не брать фуражку, а взять только кокарду. Как она была красива! Как переливалась золотом на солнце!

Когда в детском саду я с напускным равнодушием показал кокарду, то глаза у ребят заблестели. Меня обступили плотным кольцом и наперебой выхватывали ее друг у друга. Всеобщему восхищению не было предела. Мой друг, Юрка, выпросил у меня кокарду и пообещал дать что-нибудь взамен. Через какое-то время я понял, что не увижу больше свою драгоценность и что взамен он ничего не даст. Весь мир померк, потерял смысл. Я впервые в жизни понял, что меня предали, обманули.

Сидя на семинаре, я чуть не расплакался, вновь пережив сильные чувства, которые бурлили в моей душе много лет назад.

Я вспомнил еще один эпизод, относящийся к этому возрасту. Отец подарил мне небольшую тяжелую коробку. Когда я открыл ее, то у меня перехватило дыхание — в коробке находились железные солдатики: командир со знаменем, солдатик с гранатой, мотоциклист, пушка, танк и так далее. Солдатики были необычные, не зеленого цвета, как у всех, а — бронзового! Когда я нес коробку в детский сад, то в глубине души догадывался, чем все может кончиться — у меня растащат солдатиков. Так оно и получилось.

Я нашел корневой эпизод, когда во мне поселилась жадность, и решил переиграть события по новому сценарию.

Сначала я поблагодарил Юрку за предупреждение о том, что в моей жизни могут встретиться люди, которые будут брать у меня какие-то нужные и ценные вещи и не возвращать их, а я постепенно превращусь в Плюшкина. После этого я переписал сценарий тех событий.

Я мысленно взял в детский сад фуражку, и мы все играли с нею. Возникли споры: кто и сколько времени будет ее носить? Я придумал игру “Конкурс Генералов”. Участники конкурса по очереди надевали фуражку и маршировали, а воспитательница оценивала качество строевой подготовки. Победитель конкурса получал звание генерала и право носить фуражку до обеда. А тот, кто быстрее всех засыпал, носил фуражку после тихого часа.

Я увидел сияющее лицо Юрки, победившего в первом конкурсе генералов, и довольные лица других ребят. Я рад, что сумел сделать счастливыми всех мальчишек и даже воспитательницу! Имя найдено: **“Я тот, который устраивает конкурс генералов”**.

Результат переименования не заставил себя ждать. В пятницу вечером нам позвонила теща и сообщила, что у них сломался телевизор. Тесть собрался в понедельник везти его в ремонт, несмотря на то что сильно болел и почти не вставал с постели. Жена исподволь стала зондировать возможность покупки родителям нового телевизора. Я колебался: может отдать старый “Горизонт” теще с тестем, а себе купить новый? Тут я вспомнил, что “устраиваю конкурс генералов”, и, представив себе счастливые лица родителей, принял решение.

В приподнятом настроении мы купили “Gold Star” и привезли его родителям. Они радовались как дети, а вместе с ними радовались и мы. Выяснилось, что с утра у них было очень грустное настроение, и теща сказала: “Почему мы такие несчастные? Никто никогда не подарит нам телевизор!” И неожиданно-негаданно, через несколько часов, он волшебным образом появился.

Отныне, когда я понимаю, что в какой-то момент мною руководит жадность, я “устраиваю конкурс генералов”. Более того, я применяю это имя в случаях, когда я даю предметы (например, книги) во временное пользование, или когда я даю деньги в долг.

Сейчас основным мотивом моих поступков является уверенность в том, что мне выгодно быть бескорыстным — в этом мой “шкурный” интерес! Ведь все являются моей проекцией, и то, что я делаю другим, я делаю, прежде всего, самому себе. Поэтому я иногда могу позволить себе роскошь провести недорогой семинар или за минимальную плату (а иногда и бесплатно) поработать с заказчиком. Я знаю — Симорон меня не забудет!

Волшебное преображение.

Я работаю продавцом в магазине, у которого два владельца. Один, которого зовут Алексей Александрович, частенько заходя в магазин и противным голосом делал нам замечания:

— У вас бардак: ценники написаны криво, товар разложен неправильно.

От его бесконечных придирок не только у меня, но и у всех портилось настроение и опускались руки. Кассир ошибалась, молодые продавцы разбегались по углам, стараясь не попадаться Алексею на глаза.

У Алексея трое детей, и, видимо, он привык читать нотации и жене, и детям, — всех ставить в угол. И эта привычка распространилась у него на подчиненных — он старался “поставить в угол” и нас. Внешний вид Алексея не соответствовал его положению: шнурки развязаны, кроссовки стерты, волосы торчат в разные стороны, руки вечно грязные, в машинном масле, а на губе то ли шрам, то ли болячка.

На одном из семинаров Бурлана, когда объяснялась техника переименования актуального сигнала, мне захотелось применить ее к Алексею. Я мысленно помыла его, сделала массаж, подстригла Алексея и стала думать, как быть с болячкой на губе. Мне представился тибетский старичок, подаривший целебный бальзам из трав, собранных высоко в горах. Я стала мазать ароматным бальзамом болячку. Он был очень нежный, моментально впитывался в кожу, делая ее упругой и гладкой. Я почувствовала удовлетворенное мурчание Алексея и сформировала имя: **“Я та, которая лечит рану бальзамом с Тибета”**. Я ходила по кругу, повторяя это имя, заглядывая каждому участнику группы в глаза, находя подтверждения целительного имени.

Довольно долго после переименования Алексей к нам не приходил. Он даже не появился, когда наш магазин переехал в новое помещение. Наконец, через четыре месяца, Алексей к нам пожаловал. В первый момент я его не узнала. Он выглядел как фотомодель с обложки западного журнала: модная прическа, гладкая кожа, строгий костюм с галстуком. В него можно было влюбиться. Болячка на губе стала малозаметной, и увидеть ее можно лишь внимательно приглядевшись. Ровным, спокойным голосом он произнес: “Господа, вам надо облагораживаться. Заведите цветы”. С тех пор Алексей как будто заново родился — стал уравновешенным, доброжелательным, а если и делал замечания, то по делу.

Наш магазин специализируется на продаже верхней одежды. Помещение магазина небольшое, и поэтому склад находился в подвале. Этот подвал облюбовали крысы, они с удовольствием лакомились не только коробками, но и одеждой. Грузчики жаловались, что наглые крысы ничуть не боятся людей, крутятся под ногами и мешают работать. Ребята купили ружья и, когда выпадала свободная минутка, ходили в подвал поохотиться на грызунов, но от этого число серых хищников не уменьшалось.

Однажды я спустилась в подвал и остолбенела — прямо на клавиатуре компьютера сидела крыса, величиной с хорошего котенка. Ничуть не смущаясь и не обращая на меня внимания, она занималась своими делами — ведь это была ее законная территория.

В другой раз, я увидела на ступеньках, ведущих в подвал, пяток крыс, сидевших рядочком. Мне показалось, что они с надеждой смотрели на меня. Признаюсь, что мне стало жаль голодающих крыс, и я решила втихаря покормить их хлебом — не все же им коробки с тканями есть!

Неоднократно предпринимавшиеся попытки потравить крыс к успеху не привели, и я подумала, что пора применить Симорон. Я поблагодарила крыс за предупреждение, что они могут перебраться из подвала в зал и будут носиться по магазину, сметая все на своем пути. Я переименовала крыс на ЯСном и получила мантру **ТУРИМЭКС**, с которой постоянно работала. Крысиная головоломка разрешилась неожиданно — через полгода наша фирма купила другое помещение, и магазин переехал.

Заключение.

Все в этой книге может оказаться ошибкой.

Р. Бах. Иллюзии

Естественно, мы специально подбирали наиболее эффектные истории. И из чтения этой книги может сложиться неверное впечатление, что симоронисту везде и во всем сопутствует удача. Это не всегда так. Когда симоронист заигрывается, забывает отслеживать сигналы, то может возникнуть сигнальный вихрь, из которого выбраться непросто.

С другой стороны, у авторов имеется свежий пример, как, безоглядно приняв симоронские полномочия, знакомая нам симоронистка добивается быстрого успеха в работе с любым

препятствием. И когда один из нас упомянул, что ему не удалось разрешить какую-то проблему, то услышал недоуменный вопрос: “А разве может не получиться?” Мы предлагаем равняться на эту симоронистку.

Послесловие.

*Нет, я не плачу и не рыдаю,
На все вопросы я открыто отвечаю,
Что наша жизнь игра, и кто ж тому
виной,
Что я увлекся этою игрой!*

Ю. Ким. Песня Остапа Бендера к кинофильму
«Двенадцать стульев»

Мы убеждены, что многие читатели сразу попробуют применить симоронские технологии на практике, и уверены в их успехе. С нетерпением ждем от них симоронских рассказов, в которых они являются главными героями. Заранее благодарны тем, кто пришлет любые комментарии к книге. С нами можно связаться по электронной почте: **<d_o_lohov@aport.ru>**, **<d_o_lohov@yahoo.com>**, **<simoron@orc.ru>**, по Интернет: **http://www.simoron.orc.ru** или отправить письмо по адресу: Москва, 111396, а/я 36.

Авторы книги **ЧАСТНОЙ ПРАКТИКОЙ НЕ ЗАНИМАЮТСЯ** и прием населения не ведут, зато обучают волшебному мастерству любого желающего. Авторы **НЕ ОТВЕЧАЮТ** на письма с просьбой дать мантру, переименовать и т.д., побуждая читателя заняться **творчеством**, проявить инициативу. Чтобы чему-то научиться, нужно намерение этому научиться, т.е. нужно начать что-то **делать самостоятельно**.

Для того, чтобы стать волшебником, нужно просто пробовать применять все техники в разной последовательности, по поводу и без повода, по крупницам собирая **личную силу**. Часто нам пишут в письмах, что по мелочам почти все получается, а вот по-крупному — ничего. Мы считаем, что лучше не разделять цели на важные и второстепенные. Не расстраивайтесь, если вы не получили ожидаемый результат, а **поощряйте** себя за победы, досрочно присваивая себе очередные звания волшебников! Если что-то долго не получается, а вы творчески с этим работаете, то получится что-то другое: не деньги, так любовь; не любовь, так здоровье; не здоровье, так деньги. Придерживайтесь убеждения: все, что я делаю, я делаю наилучшим образом.

Вывод: «будь или не будь, сделай что-нибудь», а не сиди сложа руки в ожидании помощи со стороны.

Во многих письмах встречается вопрос: «Какую технику мне применить для разрешения проблемы?» или «Какая техника самая сильная?» В своих книгах мы неоправданно окружили Ясные языки ореолом загадочности и таинственной силы, и может сложиться мнение, что языки — самая мощная техника исполнения желаний. Сейчас мы думаем, что основное — это вспомнить, что **я являюсь волшебником** (то есть могу менять мир), а какую технику я применю абсолютно все равно: отблагодарю ли препятствие, переименуюсь ли, станцую ли симоронский танец, применю ли Ясный... Важна не техника, а творческий порыв, полет фантазии, когда глаза сверкают, в груди разливается приятное тепло, когда кажется, что сейчас взлетишь... Пожелаем читателям весело **играть** в волшебников, как в песенке Остапа Бендера, отрывок из которой мы приводим.

Нет, я не плачу и не рыдаю,

*На все вопросы я открыто отвечаю,
Что наша жизнь игра, и кто ж тому виной,
Что я увлекся этою игрой!
И перед кем же мне извиняться,
Мне уступают, я не смею отказаться.
И разве мой талант и мой духовный жар
Не заслужили скромный гонорар.
И согласитесь, какая прелесть,
Мгновенно в яблочко попасть, почти не целясь,
Орлиный взор, напор, изящный поворот,
И прямо в руки запретный плод.
О, наслаждение, скользнуть по краю
Замрите, ангелы, смотрите, я играю,
Моих грехов разбор оставьте до поры,
Вы оцените красоту игры.*

Литература.

Русские народные сказки.

- Бах Р.** Иллюзии. Киев: София, 1994.
- Волков А.** Волшебник Изумрудного города. Кишинев: Артистикэ, 1985.
- Гарфилд П., Ринпоче Т.** Управление сновидениями. М.: Беловодье, 1984.
- Грэхем Дж.** Как стать родителем самому себе. Счастливый невротик. М.: Независимая фирма "Класс", 1994.
- Доннер Ф.** Жизнь в сновидении. Киев: София, 1994.
- Желязны Р.** Хроники Амбера. I–X. Рига: Полярис, 1997.
- Кастанеда К.** Уроки Дона Хуана. Отдельная реальность. Путешествие в Икстлан. Сказки о силе. Второе кольцо силы. Дар Орла. Огонь изнутри. Сила безмолвия. Искусство сновидения. Киев: София, 1992–1993.
- Кинг С. К.** Городской шаман. Киев: София, 1996.
- Кэрролл Л.** Приключения Алисы в Стране Чудес. Алиса в Зазеркалье. Петрозаводск: Карелия, 1979.
- Лаберж С.** Осознанное сновидение. Практика осознанного сновидения. Киев: София, Москва: Трансперсональный институт, 1996.
- Ле Гуин У.** Волшебник Земноморья. Спб.: Северо-Запад, 1992.
- Монро М.** Путешествие вне тела. Киев: Гарт, 1994.
- Носов Н.** Приключение Незнайки и его друзей. Незнайка в Солнечном Городе. М.: Детская литература, 1980.
- О'Брайен Б.** Необыкновенное путешествие в безумие и обратно: операторы и вещи. М.: Класс, 1996.
- Пелевин В.** Чапаев и Пустота. Жизнь насекомых. Желтая Стрела. М.: Вагриус, 1997— 1998.
- Соло В.** Начало магии. Врата святилища. М.: Престиж, 1994.

Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу. СПб.: Terra Fantastica, 1992.

Толкин Дж. Р. Р. Лист работы Мелкина и другие волшебные сказки. Москва: РИФ, 1991.

Хайнлайн Р. Чужой в чужой земле. Киев: Зовнішторгвидав України, 1993.

Харнер М. Путь шамана. М.: Палантир, 1994.

Чопра Д. Путь волшебника. Киев: София, 1997.

Здесь приведены книги, которые либо цитируются в тексте, либо идейно близки к системе Симорон, либо оказали на нас сильное влияние.